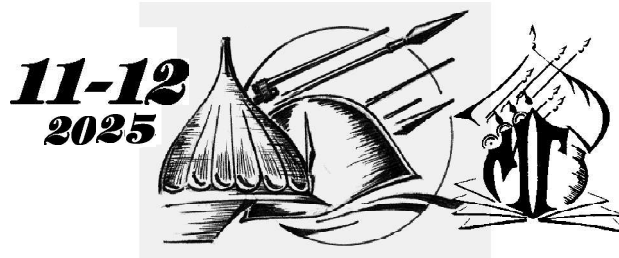

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Основан в 1922 году**

В НОМЕРЕ :

ОЧЕРКИ И ПУБЛИЦИСТИКА

Наталья СИДОРINA. Свет Истины заманил меня
к своему очагу.....3
Евгений ВЕРТЛИБ. Евразийский рычаг русской силы..104
Валентин КАТАСОНОВ. Опасное квазигосударство 135

ПРОЗА

Иван ГРИШАНОВ. Я вырос на войне. Воспоминания
ветерана. Окончание 19
Владимир КРУПИН. О, Русская земля! Рассказ 116
Михаил СМЕРНОВ. Долгая ночь. Рассказ 157

ПОЭЗИЯ

Леонид САФРОНОВ. Господня Риза. Стихи 94
Валерий ХАТЮШИН. Огненный меч. Стихи 123
Надежда МИРОШНИЧЕНКО. Русское зерно. Стихи 170
Светлана КУЗЬМИНА. За неба синеву. Стихи 177
Геннадий КАРПУНИН. Вишня в цвету. Стихи 196
Николай ПИДЛАСКО. Молчанье тишины. Стихи 201

УРОКИ ИСТОРИИ	
Валерий ГАБРУСЕНКО. Сталин. Борьба за власть	180
Евгений ЕВТУШЕНКО. Историческая задача Сталина	189
РУССКИЙ ВОПРОС	
Михаил КУЛЕШОВ. Украденная Победа	205
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ	
Юрий ПЕТРУНИН. Жизнь и трагедия великого поэта	220
Дмитрий КЕДРИН. Красота. Стихи	225
ДОСЬЕ «МГ»	
Валентин КАТАСОНОВ. Общак «глубинного государства»	233
Андрей СОШЕНКО. Отпущенные с награбленным	239
ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ	
Андрей ГРУНТОВСКИЙ. О духовной мобилизации	243
Михаил КОВАЛЁВ. Мыльные пузыри «креативных индустрий»	249
Андрей СОШЕНКО. О чём предупреждали — свершилось	253
ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ	
Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	256
ИСКУССТВО	
Руслан СЕМЯШКИН. Всегда звучать свирдовским колоколам	264
Содержание журнала за 2025 год	284

Наталья СИДОРИНА

СВЕТ ИСТИНЫ ЗАМАНИЛ МЕНЯ К СВОЕМУ ОЧАГУ...

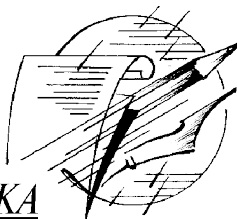
*К 130-летию со дня рождения
и к 100-летию со дня убийства Сергея Есенина*

О состоянии души поэта надо судить по его стихам, а не домыслам, которых всегда бесконечное множество. Первые стихи юного Есенина сливались с песней:

*На бугре береза-свечка
В лунных перьях серебра.
Выходи, мое сердечко,
Слушать песни гусяра.
1911*

Иногда ему казалось, что песня всех примиряет. Этот разрушаемый мир крестьянской культуры Есенин будет воссоздавать и в стихах, и в прозе, и в теоретической работе «Ключи Марии».

А внешняя канва жизни была во многом обычной. Среднерусская природа. Деревня на берегу Оки, каких множество. В семье разлад, и он живёт в доме деда Фёдора Андреевича Титова. При живых родителях почти сирота. Отец Александр Никитич работает в Москве приказчиком в мясной лавке, а мать Татьяна Фёдоровна уехала на приработки в Рязань. В авто-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

биографии он вспомнит братьев матери. Они с деревенской удалю сажали трёхлетнего малыша на лошадь без седла и пускали в галоп, бросали с лодки посреди реки в воду, чтоб научить плавать. Дед не препятствовал, хотел, чтобы внук был покрепче, зато бабушка украдкой баловала, как могла. С дедом она соперничала открыто только по части духовных стихов, коих они знали великое множество, поскольку через деревню нередко проходили богомольцы по дороге в Николо-Радовицкий монастырь или ещё дальше.

Так Сергей и жил, предоставленный сам себе, среднерусским просторам и песням то грустным, то разудалым. На его глазах происходили ссоры, примирения, разыгрывались житейские трагедии.

А потом в его жизнь вошли книги, которые он читал запоем и умел раздобыть иногда в гостеприимном доме священника, отца Иоанна, а случалось, привозили из Москвы. Но только в Спас-Клепиках, в церковно-учительской школе, куда его в четырнадцать лет отдали с благословения отца Иоанна, он нашел себе друга, с которым можно было поговорить о сокровенном, — Гришу Панфилова. Окончив школу, они переписывались до последних дней жизни Гриши, а умер он в девятнадцать лет от туберкулеза. Письма из Москвы от Сергея (а только они уцелели) полны тоски, отчаянья, надежд и размышлений о жизни временной и вечной, о силе слова и стихах. Отец Гриши сложил их в пакет и запечатал сургучом, чтобы случайно не пропали.

В Москве Есенин, как свидетельствуют очевидцы, появился весной 1912 года. Он приехал из глубины Рязанской губернии вскоре после окончания церковно-учительской школы и казался почти мальчиком, затерявшимся в большом городе.

В первых письмах из Москвы к сельской девушке Марии Бальзамовой — юношеская тоска по идеалу и бесконечное одиночество.

«Жизнь — это глупая штука. Всё в ней пошло и ничтожно. Ничего в ней нет святого, один сплошной сгущенный хаос разврата. Все люди живут ради чувственных наслаждений. Но есть среди них в светлом облике непорочные, чистые, как бледные огни догорающего заката... Я — один, и никого нет на свете, который бы пошёл мне навстречу такой же тоскующей душой; будь это мужчина или женщина, я всё равно бы заключил его в свои братские объятия и осыпал бы чистыми жемчужными поцелуями, пошёл бы с ним от этого чуждого мне мира, предоставляя свои цветы рвать дерзкими руками того, кто хочет наслаждения» (октябрь, 1913).

Тот же высокий настрой души звучит и в письмах к другу детства Григорию Панфилову: «Да, Гриша, люби и жалея лю-

дей — и преступников, и подлецов, и лжецов, и страдальцев, и праведников: ты мог и можешь быть любым из них. Люби и угнетателей и не клейми позором, а обнаруживай ласкою жизненные болезни людей. Не избегай сойти с высоты, ибо не почувствуешь низа и не будешь иметь о нем представления. Только можно понять человека, разбирая его жизнь и входя в его положение. Все люди — одна душа. Истина должна быть истиной, у неё нет доказательств, и за ней нет границ, ибо она сама альфа и омега. В жизни должно быть искание и стремление, без них смерть и разложение... Да, Гриша, тяжело на белом свете. Хотел я с тобой поговорить о себе, а зашёл к другим. Свет истины заманил меня к своему Очагу» (23 апреля, 1913).

А потом была реальная жизнь и первые попытки найти друзей в Суриковском литературно-музыкальном кружке, на историко-философском отделении Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского и даже среди «сознательных рабочих» Замоскворечья, которые поддерживали связь с фракцией большевиков в Государственной думе. Тогда-то московское охранное отделение и завело «Журнал народного наблюдения» за Есениным. Кличка наблюдения — «Набор», видимо, из-за того, что, сбежав из конторы мясной лавки купца Крылова, он поступил на работу в Сытинскую типографию.

Его первые публикации появились в московских журналах под псевдонимом «Метеор» и «Аристон». Свой первый гонорар в три рубля он отдал отцу, чтобы смягчить ссору и доказать, что не только в мясной лавке можно зарабатывать на жизнь. Вскоре, выдавая желаемое за действительное, он сообщил Грише Панфилову, что «распечатался во всю ивановскую», а от Марии Бальзамовой в порыве самоутверждения потребовал вернуть все письма, поскольку он «уже не мальчик» и «условия любовные и будничные» — у него другие, а главное, существуют «литературные права собственности».

21 декабря (по старому стилю) 1914 года Анна Изряднова, работница Сытинской типографии, милая, тихая, преданная женщина, родила ему сына Юрия, и он был заботливым отцом, пока Муза не увела его в литературный Петроград.

Портрет Есенина той поры написан его учителем, другом, сопесенником Николаем Клюевым:

*Ждали хама, глупца непотребного,
В спинжаке, с кулаками в арбуз, —
Даль повыслала отрока вербного
С голоском слаще девичьих бус.*

*Он поведал про сумерки карие,
Про стога, про отжиточный сноп;
Зашипели газеты: «Татария.
И Есенин — поэт-юдофоб».*

*О бездушиное книжное мелево,
Ворон ты, я же тундровый гусь.
Осеньет Словесное дерево
Избяную, дремучую Русь.*

*Певчим цветом алмазно заиндевел
Надо мной древословный навес,
И страна моя, Белая Индия,
Преисполнена тайн и чудес...*

В родную литературу Сергей Есенин вошёл в 1916 году книгой «Радуница», что означает поминовение усопших, и даже одним стихотворением «Русь».

Среди малоизвестных стихотворений Есенина той поры — стихотворное послание к царевнам, датируемое по списку 22 июля 1916 года. В этот день Святой Марии Магдалины, обращаясь к «младым царевнам», которые пытались облегчить в лазарете участь раненых, поэт прочёл провидческие строки о судьбе тех, кто почудился ему в багровом зареве заката березками в венцах мучениц. Возможно, только на мгновение, смысл которого раскрывается во времени.

*В багровом зареве закат шипуч и пенен,
Березки белые горят в своих венцах.
Приветствует мой стих молодых царевен
И кротость юную в их ласковых сердцах.*

*Где тени бледные и горестные муки,
Они тому, кто шел страдать за нас,
Протягивают царственные руки,
Благословляя их в грядущей жизни час.*

*На ложе белом, в ярком блеске света,
Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть...
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что им сжимает грудь.*

*Все ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладет печать на лбу,
О, помолись, Святая Магдалина,
За их судьбу.*

В то время Есенин служил санитаром в Царскосельском полевом военно-санитарном поезде № 143, который был причислен к царскосельскому лазарету Фёдоровского городка, где часто бывали Императрица и её дочери. Есенин с Клюевым выступали на концертах для раненых. Когда об этих выступлениях стало известно в Петрограде, демократически настроенная публика возмутилась. По свидетельству очевидца, одна дама даже кричала: «Пригрели на груди змею».

Действительно, в Царском Селе близкими к престолу кругами было учреждено «Общество возрождения художественной Руси», в которое входили Алексей Ремизов, Николай Клюев, Сергей Есенин, Виктор Васнецов, Михаил Нестеров, Николай Рерих, Иван Билибин...

Более сдержанные в своих эмоциональных оценках советские историки в конце концов охарактеризуют «Общество возрождения художественной Руси» как «открыто реакционное» и приведут в доказательство тезисы программы «Общества». Думается, они выдержаны в духе славянофильства перед натиском побеждающего западничества.

Согласно принятому Уставу, цель «Общества» понималась как «широкое ознакомление с самобытным древним русским творчеством во всех его проявлениях и дальнейшее преемственное развитие в применении к современным условиям».

«Общество возрождения художественной Руси», основанное при Фёдоровском Государевом соборе в Царском Селе, включало в себя отделы: 1. Церковно-религиозный; 2. Художественный; 3. Музейно-библиотечный; 4. Словесный; 5. Издательский и просветительский; 6. Поездок и путешествий.

В Фёдоровском городке, который был построен вокруг собора при участии В.М. Васнецова, предполагалось создать коллекции древнерусских орнаментов и старинного оружия, но в годы войны в нём пришлось разместить лазарет для раненых.

Среди тезисов Программы: национальная несостоятельность современной русской литературы. Бессилие европейских форм. Признаки распада и крушения. Конец «европейского периода». Искания самобытности. Предвестия литературного бунта. «Славянский классицизм» как историческая неизбежность. Преодоление «европеизма», необходимость литературного переворота, коренная ломка двухсотлетних навыков. Возврат к племенным источникам. Назад в дотатарскую Русь.

19 февраля 1917 года, за одну неделю до Февральской революции, Есенин с Клюевым читают стихи в трапезной палате Фёдоровского городка под Петроградом во время приёма членов «Общества возрождения художественной Руси».

Вся жизнь Сергея Есенина — поиск Истины, которую после октября 1917 года уже никогда не писали с заглавной буквы, приспособливая и глубоко православного поэта к новой действительности.

Осенью 1918-го, в дни красного террора, Есенин работает в Москве над книгой «Ключи Марии», во многом созвучной духовным исканиям царскосельского «Общества возрождения художественной Руси».

«Ключи Марии» — одна из самых удивительных работ Есенина, в которой поэт предстает перед нами философом, постигшим тайны народной жизни, космизм народного сознания.

После гибели Есенина Сергей Городецкий сожалел, что «Ключи Марии» не были разбиты при жизни Есенина «каким-нибудь дельным — даже не марксистом, а просто материалистом», тогда творчество Есенина «могло бы взять другое русло».

В «Ключах Марии» Есенин писал:

«Все наши коньки на крышах, петухи на ставнях, голуби на князьке крыльца, цветы на постельном и тельном белье вместе с полотенцами носят не простой характер узорочья, это великая значная эпопея исходу мира и назначению человека. Конь как в греческой, египетской, римской, так и в русской мифологии есть знак устремления, но только один русский мужик догадался посадить его к себе на крышу, уподобляя свою хату под ним колеснице... «Я еду к тебе, в твои лона и пастбища», — говорит нам мужик, запрокидывая голову конька в небо. Такое отношение к вечности как к родительскому очагу проглядывает и в символе нашего петуха на ставнях... Он говорит всем проходящим мимо избы его через этот символ, что «здесь живет человек, исполняющий долг жизни по солнцу...». Голубь на князьке крыльца есть знак осенения кротостью... Изображается голубь с распростёртыми крыльями. Размахивая крыльями, он как бы хочет влететь в душу того, кто опустил свою стопу на ступень храма-избы, совершающего Литургию миру и человеку, и как бы хочет сказать: «Преисполнясь мною, ты постигнешь тайну дома сего», — и действительно, только преисполнясь, можно постичь мудрость этих избыных заповедей, скрытых в искусствах орнамента. Если б хоть кто-нибудь у нас понял в России это таинство, которое совершает наш бессловесный мужик, тот с глубокой болью почувствовал бы мерзкую клевету на эту мужичью правду всех наших кустарей и их приспешников. Он бы выгнал их как торгующих из храма, как хулителей на Св. Духа...

Мы заставили жить и молиться вокруг себя почти все предметы...

Древо-жизнь. Каждое утро, встав от сна, мы омываем лицо своё водою. Вода есть символ очищения и крещения во имя нового дня. Вытирая лицо своё о холст с изображением древа, наш народ немо говорит о том, что он помнит себя семенем надмирного древа...

И поэтому, как пишет Есенин, надо полюбить мир «не простой любовью глаза», а полюбить и познать «самою правдивой тропинкой мудрости, на которой каждый шаг словесного образа делается так же, как узловая завязь самой природы».

Ощущая себя «у смертного изголовья этой мистической песни человека», порвавшего «узловую завязь природы», поэт говорит:

«Искусство нашего времени не знает этой завязи, ибо то, что она жила в Данте, Гёте, Шекспире и других художниках слова, для представителей его от сегодняшнего дня прошло мертвой тенью. Звериные крикуны, абсолютно безграмотная критика и третичный период идиотического состояния городской массы подменили эту завязь безмозглым лязгом железа Америки и рисовой пудрой на выпитых щеках столичных проституток. Единственным расточительным и неряшливым, но всё же хранителем этой тайны была полуразбитая отхожим промыслом и заводами деревня. Мы не будем скрывать, что этот мир крестьянской жизни, который мы посещаем разумом сердца через образы, наши глаза застали, увы, вместе с расцветом на одре смерти. Он умирал, как выплеснутая волной на берег земли рыба. В судорожном биении он ловил своими жабрами хоть струйку родного ему воздуха, но вместо воздуха в эти жабры впивался песок и, словно гвозди, разрывал ему кровеносные сосуды».

На пути к «свету искусства», — как пишет Есенин, — «люди должны научиться читать забытые ими знаки. Должны почувствовать, что очаг их есть та самая колесница, которая увозит пророка Илью в облака. Они должны постичь, что предки их не простыми завитками дали нам фиту и ижицу, они дали их нам как знаки открывающейся книги, в книге нашей души» (1918, сентябрь).

В марте 1921 года, в дни Кронштадтского мятежа, вспыхнувшего вслед за мятежами в Сибири, на Украине и Антоновским мятежом на Тамбовщине, Есенин начинает работу над драматической поэмой «Пугачёв», воссоздающей стихию народного восстания, своей образностью восходящей к «Слову о полку Игореве».

Поэма «Пугачёв» вышла в декабре 1921 года в издательстве «Имажинисты». Она посвящена новому другу Есенина, поэту-имажинисту Анатолию Мариенгофу.

Имажинизм, новое литературное направление, в котором было больше политики, чем литературы, ухватился за славу Есенина. Но уже назревал конфликт.

«У собратьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова, поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами шутовского кривляния ради самого кривляния» («Быт и искусство»).

«Новая этика» имажинизма вполне укладывается в несколько строк Анатолия Мариенгофа. Эта революционная «мораль» предусматривала низвержение христианских понятий, которые так глубоко впитала в себя Россия.

*Твердь, твердь за вихры зыбим,
Святость хлещем свистящей нагайкой
И хилое тело Христа на дыбе
Вздыбливаем в Чрезвычайке.*

Несмотря на своё богоборчество, разумеется, временное, Есенин даже в поэме «Инония» (1918) оставался всё же, по сути своей, поэтом христианского миропонимания. Неслучайно после ветхозаветных образов, как бы воссоздающих человеческую борьбу с Богом, в поэме звучит песня о втором Пришествии Светлого Иисуса, которое будет «без креста и мук»:

*Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.*

*Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера — в силе.
Наша правда — в нас!*

Крайне резко отнёсся Есенин к антиблоковскому выступлению имажинистов.

Явлением дикарским и хищническим называл имажинизм Осип Мандельштам. В «Ассоциацию Вольнодумцев», учрежденную имажинистами, входил Яков Блюмкин, известный террорист, убийца немецкого посла Мирбаха, принятый Л.Д. Троцким в секретариат Председателя Реввоенсовета Республики. По ряду публикаций, он был начальником его личной охраны. Сле-

дует отметить, у Блюмкина были свои пристрастия. Его особой доверенностью и покровительством пользовались имажинисты, к которым благоволил «трибун революции» Троцкий и которым помогал Л.Б. Каменев, председатель исполкома Московского Совета. Владислав Ходасевич поведал в своих воспоминаниях о жутковатых литературных вечерах в Кремле на квартире Каменева, которые устраивал глава Московского Совета и его жена Ольга Давыдовна, сестра Троцкого. Четырнадцатилетний Лютик Каменев, по словам его матери, мальчик на редкость проницательный, подмечал «врагов» с первого взгляда. В тех же воспоминаниях Ходасевич оставил свидетельства и о страшной деятельности Г.Е. Зиновьева в Петрограде. Из указаний Г.Зиновьева: «Каленым железом прижечь всюду, где есть хотя бы намек на великодержавный шовинизм».

Вряд ли приезды Есенина в Ленинград, своего рода побег из Москвы, остались незамеченными. Под наблюдением ЧК он находился с 11 января 1920 года, после своего выступления в кафе «Домино» — как поэт, «ищущий скандальных выступлений против Советской власти».

Помимо Якова Блюмкина, на литературных вечерах и концертах часто бывала сотрудница ЧК Галина Бениславская. В конце 1920 года в имажинистском кафе «Стойло Пегаса» она познакомилась с Сергеем Есениным и вскоре вошла в круг близких ему людей, вела литературные дела.

7 ноября 1921 года, в четвертую годовщину Октябрьской революции, в Большом театре звучало своеобразное попури из 6-й симфонии Чайковского, «Славянского марша», «Интернационала» и упраздненного гимна «Боже, царя храни» — музыка для представления Изадоры (Айседоры) Дункан.

Осенью 1921 года по всей Москве были расклеены объявления о приеме на платные курсы по адресу Пречистенка, 20, где в бывшем особняке балерины Балашовой, который долгое время был опечатан ВЧК, поселилась Дункан.

С появлением Есенина на Пречистенке там стали бывать поэты-имажинисты. Вечерами, когда собирались гости, Есенина обычно просили читать стихи. И он читал:

*Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.
Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!*

*Город, город, ты в схватке жестокой
Окрестил нас на пададь и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.*

*...Как и ты — я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный прыжок.*

*И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зареюсь в снегу...
Всё же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.*

Ранним утром 10 мая 1922 года с Ходынского аэродрома Сергей Есенин вместе с женой, знаменитой танцовщицей Изадорой Дункан, вылетел на аэроплане «Фоккер» в Кенингсберг.

Четыре месяца они путешествовали по Европе. Из письма Есенина Александру Сахарову: «В страшной моде господин доллар, на искусство начхать — самое высшее музик-холл. Я даже книг не захотел издавать здесь, несмотря на дешевизну бумаги и переводов. Никому здесь это не нужно... Если рынок книжный — Европа, а критик — Львов-Рогачевский, то глупо же ведь писать стихи им в угоду и по их вкусу. Здесь все выглажено, вылизано и причёсано так же почти, как голова Мариенгофа... Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину» (Дюссельдорф, 1 июля, 1922).

Из письма Анатолию Мариенгофу:

«Милый мой Толя! Как рад я, что ты не со мной здесь в Америке... Изадора прекраснейшая женщина, но врёт не хуже Ваньки. Все её банки и замки, о которых она пела нам в России, — вздор. Сидим без копеечки, ждём, когда соберём на дорогу, и обратно в Москву.

Лучше всего, что я видел в этом мире, это всё-таки Москва. В чикагские «сто тысяч улиц» можно загонять только свиней. На то там, вероятно, и лучшая бойня в мире. О себе скажу (хотя ты всё думаешь, что я говорю для потомства): что я впрямь не знаю, как быть и чем жить теперь. Раньше подогревало то при всех российских лишениях, что вот, мол, «заграница», а теперь, как увидел, молю Бога не умереть душой и любовью к моему искусству. Никому оно не нужно, значение его для всех — как значение Изы Кремер, только с тою разницей, что Иза Кремер жить может на своё пение, а тут

хоть помирай с голоду. Я понимаю теперь, очень понимаю кричащих о производственном искусстве. В этом есть отход от ненужного. И правда, на кой черт людям нужна эта душа, которую у нас в России на пуды меряют... Конечно, во всех своих движениях я столь же смешон для многих, как француз или голландец на нашей территории... Боже мой, лучше бы есть глазами дым, плакать от него, но только не здесь...» (Нью-Йорк, 12 ноября, 1922).

Вспоминая эти письма Есенина, Мариенгоф писал в своем «Романе без вранья»: «Не чуждо нам было и гениальное мракобесие Василия Васильевича Розанова, уверяющего, что счастливую и великую родину любить не великая вещь и что любить мы её должны, когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно когда наша «мать» пьяна, лжёт и вся запуталась в грехе... Но и это ещё не последнее: когда она наконец умрёт и, «обглоданная евреями», будет являть одни кости — тот будет «русский», кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого... Есенин был достаточно умён, чтобы, попав в Европу, осознать всю старомодность и ветхую проношенность таких убеждений, — и недостаточно твёрд и решителен, чтобы отказаться от них, чтобы найти новый внутренний мир».

Пребывание Есенина с Изадорой Дункан в Америке закончилось скандалом в доме поэта Мани-Лейба, куда Есенин был приглашен почитать стихи. Вернулись в Россию.

«Он был счастлив, что вернулся домой, в Россию. Радовался всему, как ребёнок. Трогал руками дома, деревья... Уверял, что всё, даже небо и луна, другие, чем там, у них. Рассказывал, как ему трудно было за границей. И вот, наконец, он всё-таки удрал! Он — в Москве. Целый месяц мы встречались ежедневно. Очень много бродили по Москве, ездили за город и там подолгу гуляли. Была ранняя золотая осень. Под ногами шуршали жёлтые листья...», — вспоминала актриса Августа Миклашевская.

Они часто виделись в имажинистском кафе «Стойло Пегаса», и Августе Миклашевской всё непонятнее становилась дружба Есенина с Мариенгофом. Она заметила, что «друзей» устраивают легендарные скандалы Есенина, ведь эти скандалы «привлекали любопытных в кафе и увеличивали доходы».

На московских улицах Есенину начало казаться, что он слышит, как растут небоскребы. Выбирая из двух зол: красная Россия или буржуазный Запад, куда эмигрировали многие писатели, он выбрал, как дитя русского народа, Родину. От неприятия Запада — его отчаянная попытка принять суще-

ствующую Россию. Так появились стихи «Русь советская», «Стансы» и другие после «Москвы кабацкой». Какая угодно, но Русь с её неисчерпаемой глубиной, которую он умел слушать.

К тому же нельзя забывать, что некоторые стихи Есенина печатались с купюрами, что лишало их многомерности, полифонии. Так упрощался образ Ленина при изъятии строк:

*Ученый бунтовщик, он в кепи,
Вскормленный духом чуждых стран,
Слицом киргиз-кайсыцкой степи
Глядит, как русский хулиган...*
(Поэма «Гуляй-поле»)

Остались в вариантах и такие строки:

*Прядите, дни, свою бытую пряжу,
Живой души не перестроить век.
Знать потому
И с Марксом я не слажу,
Что он чужой мне,
Скучный человек.*
(«Метель»)

И всё же «двойственность» в печать проскальзывала, как подметил это пронизательный Троцкий, с которым Есенин был лично знаком благодаря стараниям вездесущего Блюмкина. Так, например, даже «Песнь о великом походе» Есенину удалось сделать многомерной. Частушки звучат с двух сторон, одна другой хлеще:

*Пароход идёт
Мимо пристани.
Будем рыбу кормить
Коммунистами.*

А с другой стороны — «Яблочко»:

*«Куда ты котишься?
В Вечека попадешь —
Не воротишься».*

Да, повсюду цвет кумачовый. Но бродит тень Петра по городу и «грозно хмурится». И совсем неожиданный ракурс в конце поэмы:

*В берег бьет вода
Пеной индевью...
Корабли плывут
Будто в Индию...*

Россия неистребима. Это то новое чувство, с которым поэт жил, вернувшись домой после того, как, по его словам, облетел весь мир. Как точно определил Троцкий, он стал другим.

О чём поэт и трибун революции говорили в Кремле в августе 1923 года, в подробностях мы никогда не узнаем. Видимо, трибун предпринял последнюю попытку образумить непокорного поэта и даже предложил крупную сумму денег на издательские нужды.

О готовности Троцкого дать Есенину на определённых условиях деньги для издания крестьянского журнала рассказывает в своих воспоминаниях (очевидно, со слов Блюмкина или по слухам) Матвей Ройзман и тут же замечает, что Есенин отказался прямо в кабинете, к неудовольствию Блюмкина, организатора встречи.

Так или иначе, но за этой кремлёвской беседой последовали события, которые круто изменили отношение к Есенину со стороны власть имущих и прежде всего Троцкого, о чём свидетельствуют документы Секретного отдела ГПУ. Пружина сжималась.

Мне довелось познакомиться с вдовой поэта Ивана Приблудного, младшего друга Есенина, Натальей Петровной (урожденной Зиновьевой). Она рассказывала о своих встречах с Есениным. Первая счастливая — в Высшем Литературно-художественном институте, созданном В. Брюсовым, где Есенин читал стихи в сентябре 1923 года, вскоре после возвращения из зарубежной поездки. В программе литературного вечера: Маяковский, Асеев, Пастернак, Безыменский, Александровский, Шенгели. Но студенты ждали Есенина и встретили поэта овацией. Есенин лёгким движением вскочил на стол, стоящий в углу эстрады, и начал читать стихи, которые позднее им были объединены в цикл «Москва кабацкая». Вслед за Есениным на тот же стол вскочил приземистый, угловатый Иван Приблудный и прочел «О черная Украйна».

Наталья Петровна запомнила рассказ Приблудного о том, как Есенин поранил руку и попал в Шереметьевскую больницу. По словам Приблудного, поздно вечером Есенин шёл с Марцелом Рабиновичем по улице, поскользнулся и упал на стеклянное покрытие перед подвальным окном. Уже после гибели поэта возникли домыслы, что у него была попытка к самоубийству, из-за чего он якобы и попал в Шереметьевскую больницу.

Отец Наташи Зиновьевой Пётр Михайлович Зиновьев, врач-психиатр, работал в клинике 1-го Московского государственного университета. 26 ноября 1925 года он принял в клинику Сергея Есенина. Когда Наташа поинтересовалась, как чувствует себя Есенин, отец сказал: «Ведь он не лечится, а просто отдыхает».

Поэзия Есенина наполнялась огромной социальной силой и становилась опасной.

10 декабря 1923 года, в день, когда предполагалось отметить 10-летие литературной деятельности Сергея Есенина, в Доме печати при активном участии Л.С. Сосновского, партийного публициста, сторонника Троцкого, одного из организаторов расстрела Царской Семьи, состоялся товарищеский суд над Сергеем Есениным, Алексеем Ганиным, Сергеем Клычковым, Петром Орешиним («дело четырех»). Поэтам вменялось в вину «антисоциальное, хулиганское, черносотенное поведение» на основании заявления одного «случайного» посетителя кафе, где поэты обсуждали план создания крестьянского журнала (20 ноября). Товарищескому суду предшествовал арест писателей и статья Л.С. Сосновского в «Рабочей газете» 22 ноября.

По свидетельству поэта Саши Красного, Есенин в те дни говорил: «Меня хотят уничтожить».

Он ответил статьей «Россияне», которую ему не довелось закончить. Есенин писал: «Не было омерзительнее и паскуднее времени в литературной жизни, чем время, в которое мы живём. Тяжёлое за эти годы состояние государства в международной схватке за свою независимость случайными обстоятельствами выдвинуло на арену литературы революционных фельдфебелей, которые имеют заслуги перед пролетариатом, но ничуть не перед искусством».

Эти строки написаны вскоре после товарищеского суда, вероятно, в больнице на Большой полянке, где Есенин находился с 17 декабря 1923 года до конца января 1924-го. В это время, а точнее, с 26 ноября 1923 года, он разыскивался Народным судом Краснопресненского района, который, как удалось установить в архивах КГБ, получал инструкции в отношении Есенина из Секретного отдела ОГПУ. И, видимо, пребывание в больнице для нервных больных было для поэта в известной мере спасительным. Отголоски этих событий в драматической поэме «Страна негодяев».

*Никому ведь не станет в новинки,
Что в кремлевские буфера
Уцепились когтями с Ильинки
Маклера, маклера, маклера...*

Более подробно чёрную биржу на Ильинке живописует Матвей Ройзман в своей книге «Всё, что помню о Сергее Есенине», естественно, не упоминая «кремлевские буфера» и их связь с валютным миром:

«Правительство ставило на ноги советский червонец, а банда валютчиков всё ещё кружилась на Ильинском бульваре вокруг памятника-часовни павшим воинам Плевны, взвинчивая цены на доллары, стерлинги, царские золотые десятирублевки, подставляя ножку нашему червонцу и ловко зарабатывая на хлебном займе. В народившихся, как грибы после дождя, ночных ресторанах и кабаре процветали дивы с крошками-собачками, обезьянками, а нэпачи, растратчики, спекулянты купали их в золоте, — фигурально, а реально, как когда-то замоскворецкие купчины, — в наполненных шампанским ваннах. Открывались клубы, где играли в рулетку, и крупные с прилизанными волосами, с пробритыми проборами, восседали, как боги, и громким голосом четко объявляли: «Игра сделана! Ставок больше нет!» В те дни возвращались с фронтов гражданской войны истинные сыны республики — бойцы и командиры, своей грудью отстоявшие родину от четырнадцати держав. Эти достойные люди с презрением смотрели на круговорот жадных людишек, перед которыми маячил мираж обогащения».

А Есенин писал:

*Пустая забава,
Одни разговоры.
Ну что же,
Ну что же вы взяли взамен?
Пришли те же жулики,
Те же воры
И законом революции
Всех взяли в плен.*

По многим воспоминаниям проходит версия, что у Есенина в последние годы жизни, появилось «что-то вроде мании преследования». А ведь это была реальность. Незадолго до гибели он дописал своего «Чёрного человека», оторвав его от себя. Однако критик А.Воронский (примыкавший в 1925—1928 годах к троцкистской оппозиции) в статье «Об отошедшем», предпосланной первому тому «Собрания стихотворений» Есенина (М.—Л., 1926), настаивал, что эта поэма — «уже материал для психиатра и клиники».

После разрыва с имажинистами Есенин не захотел оставаться жить в общей квартире в Богословском переулке, дом 5.

В октябре 1923 года он обратился в ЦК РКП(б) с просьбой предоставить возможность группе поэтов и прозаиков, вышедших из недр трудового крестьянства, самостоятельно издавать свои книги. Под письмом подписи инициативной группы: Петр Орешин, Сергей Клычков, Сергей Есенин, А. Чапыгин, Николай Клюев, П. Радимов, Пимен Карпов, Александр Ширяевец, Ив. Касаткин.

Группа имажинистов «в доселе известном составе» объявлялась Есениным со страниц «Правды» распущенной (31 августа 1924). Это последнее заявление Сергея Есенина.

Через несколько дней, 3 сентября, он выехал на Кавказ. На заявление, опубликованное в «Правде», последовал ответ:

«Хотя С. Есенин и был одним из подписавших первую декларацию имажинистов, но он никогда не являлся идеологом имажинизма, свидетельством чему является отсутствие у Есенина хотя бы одной теоретической статьи. Есенин примыкал к нашей идеологии, поскольку она ему была удобна, и мы никогда в нём, вечно отказывавшемся от своего слова, не были уверены как в своем соратнике. После известного всем инцидента, завершившегося судом ЦБ журналистов над Есениным и К°, у группы намечилось внутреннее расхождение с Есениным, и она принуждена была отмежеваться от него, что и сделала, передав письмо заведующему лит. отделом «Известий» Б.В. Гиммельфарбу 15 мая с/г. Есенин в нашем представлении безнадежно болен психически и физически, и это единственное оправдание его поступков» («Новый зритель», 1924, № 35).

Видимо, такова цена прозрения во все времена. И всё же Россия неистребима. Это то новое чувство, с которым поэт жил, вернувшись домой после того, как, по его словам, облетел весь мир. В США он работал над «Страной негодяев», предсказывая в этой неоконченной драматической поэме, что Америка шагнет в Россию. Так оно и случилось. А нам остаётся хотя бы к 100-летию убийства Сергея Есенина окончательно снять с поэта, который стал символом России, ярмо самоубийцы.

Иван ГРИШАНОВ

Я ВЗРОСЛЕЛ НА ВОЙНЕ

Воспоминания ветерана

РАБЁНОК

После деревни город Орёл кажется многолюдным. И только местами — базар, барахолка. А остальное — без надобности народ не мельтешит по улицам, где полицейский патруль просто от скуки или по пьяни начнёт мурыжить. Город назвать уютным и безопасным язык не поворачивается. И я уже в первые дни успел посидеть в «обезьяннике», и в облате достались не конфетки. Так я познавал город. В одиночку встроиться в уже сложившуюся детскую «компажку» — дело непростое. Очень долго придётся утверждать своё право на равенство не только кулаками. Тем более я деревенщина. Да и по характеру я больше люблю решать свои дела и проблемы в одиночку. И воровал я не нагло, не отнимал последнее. Но больше и чаще добывал пропитание трудом своим.

Любимое место — вокзал, хотя здесь беспризорную пацанву и гоняли, и наказывали чаще, чем на барахолке. Брался за любую работу: мыл полы, лестницы, выносил помои из

Окончание. Начало в №10 за 2025 г.

ПРОЗА

буфета, драил баки, кастрюли и даже по просьбе чесал потную пахучую спину буфетчицы Лизаветы, тётки большой, но шустрой и глазастой. Это она определила меня к Курту — немцу, который и по языку, и по замашкам был совсем русским. Чем он руководил — не знаю. Но его боялись, и даже комендантское начальство приветствовало его «под козырёк». Жил он в одиночку в помещении, а точнее в вагончике со снятыми колёсами. Утеплённом, с печкой, настоящей кроватью и мебелью, а также с отгороженным душем и клозетом.

Когда вечером Лизавета привела меня к этому толстопузому чудовищу, он меня и не оглядел даже, а завалил Лизавету на кровать и начал заниматься тем, чем, по моему понятию, занимаются ночью на печке втихую от взрослых и от детей. Лизавета верещала:

— Курт, ребёнок же здесь!..

А Курт хохотал и лаял в ответ:

— Ребёнок, ребёнок... Нет, не ребёнок, а рабёнок. До раба не дорос, а рабёнок — в самый раз. — И, уже глядя на меня, пролаял: — Чего пялишься?.. Печку растопи.

Так я стал рабёнком, которому запрещалось удивляться даже любой прихоти и безобразности этой скотины.

Хозяйственные дела мне были не в тягость: убрать помещение, к вечеру истопить печку, нагреть воду для душа, дожидаться, когда Курт освободит своё брюхо — громогласно — в клозете, ополоснётся под душем и ляжет в кровать под массажную щётку, грубую, как для коняги. Я со всей силой водил ему щёткой по позвоночнику, а по команде «Стоп!» ополаскивал щётку и уходил в своё логово под буфетной стойкой.

Курт ночевал всегда один: автомат на стол, пистолет под подушку и ночной фонарик в изголовье. Я как-то уже свыкся со своим рабством, всё делал последовательно и аккуратно. Лизавета сказала, что Курт мною доволен и привык ко мне. А что с нею безобразничает — так тут солдатня всех баб насилует. С Куртом хоть заразную болезнь не подхватишь. Он бережётся и её на осмотр гоняет. «Мне запрещает покидать вокзал — так это забота. В городе чёрт-те какие порядки: убивают, грабят днём и ночью. И бандюги, и патрули — все заодно». Она уже забыла, когда в своей квартире в городе ночевала. И ладно. Зато пока жива и здорова.

В заботу эту обо мне после одной из моих самоволок Курт отметил меня ремнём с металлической бляхой, которая отпечаталась на моей заднице долго не заживавшими синими медалями.

— Ещё что сделаешь не так — сам повешу, — сказал.

И это была не пустая угроза. Было страшно... Но я под разными предложениями изредка ускользал в «самоволку». Зачем-то мне было надо это. Что-то тревожило. Хотя я был сыт и жил в безопасности. Но по ночам снилось не это благополучие, а моя деревня, степные овражистые просторы. Нелёгкой и опасной была жизнь моя там. Тормозили мой побег отношения мои с полицией и Фёдором, ждать которого я не стал. А то, что подорвал полицаев в погребе тётки Фёклы, — это особо.

Ещё до моего рабства я частенько промышлял на базаре, куда привозили соль откуда-то с моря. И она была главнее даже марок немецких. Это я знал ещё с тех пор, как с нашими бабами по поручению тётки Фёклы ходил сюда на обмен. Но вот сейчас ценность соли для меня была никакой: у Лизаветы под стойкой был целый мешок её. И я подворовывал. По горсточке, чтобы в пути обменивать на жратву. Лизавета при кажущейся безалаберности ущучила меня. Стала пытаться, зачем мне это. «Не скажешь мне — скажешь Курту», — заявила она, когда ей надоел мой брех. Тогда я рассказал ей даже больше, чем надо. Даже про то, что убегу в одиночку, хоть и боюсь до смерти этого. И что в «самоволку» я бегаю на базар не соль продавать, а в надежде встретить там наших деревенских, чтобы уж если и не с ними идти, то по их следу. Похоже, Лизавета посочувствовала: сворованную соль мне возвратила и разрешила даже каждое утро бегать на базар за зеленью вместо неё и ждать своих деревенских.

Приближалась осень — время солений. И как-то днями я дождался своего: деревенский ездовой Захар на телеге, и вокруг него со своим товаром для обмена пятеро знакомых баб. Целая команда при пропусках. Увидев меня, обрадовались и удивились: жив, одет и обут, не выгляжу голодным и беспризорным. На мою просьбу взять меня с собою как-то переглянулись, а Захар начал говорить о трудностях на дорогах: контроль, проверки, обираловки, задержания. Меня это никак не обидело: я уже хорошо знал нравы дорожной полиции. Просто спросил, когда они уезжают, — вроде что-то передать бабушке. «Завтра по комендантскому часу», — за всех ответил Захар. Как выстрелил.

А вечером я с этой новостью сидел в буфетной с Лизаветой, как будто сжатый неопределённостью и ожиданием. Это был промежуток времени, когда комендантский час вот-вот наступит: опустевший буфет, Курт ещё в бильярдной, а Лизавете хочется расслабиться от работы, поговорить как бы в раздумье. «Часик умиротворения» — так она это именovala.

После большой паузы она как-то с грустью и сожалением заявила:

— Везунчик ты... Курт своего рабёнка уж точно не отпустил бы. Привык к тебе зверюга. А по счастливости, может, и сделает такое. На родину он в свою клятую Неметчину убывает по болезни. И жить ему, как он говорит, — только успеть дойти до сортира. Думаю, брешет. Здоровый он, как бык... Но благовитый... От войны увильнул. Вот ведь как может устроиться человек: вроде и не начальство большое, а каждый что-то ему должен, чем-то обязан.

Лизавета говорила в раздумье, потом замолчала, наверное, потому, что стук бильярдных шаров за стеной стих. Лизавета встала и пошла к Курту, а мне велела ждать её. Вернулась она нескоро, помятая, но очень довольная, с бумагами. Только и сказала: «Иди к нему». И я пошёл в страхе и неопределённости.

Курт никогда со мной не разговаривал. Только команды: «пятки пемзой», «по пояснице сильнее», «вытирай», «вон, рабёнок». А тут вдруг заговорил:

— Уйти хочешь? А соль для кого? Продать и разбогатеть?

Я осмелился сказать, что в деревне у нас нет богатых, а соль я раздаю.

Покрякивая под массажной щёткой, то ли по своей счастливости, как это определила Лизавета, то ли от умеренного подпития, он разговаривал:

— Ты, рабёнок, будешь рабом, когда вырастешь. Все вы, русские, будете рабами, бедными рабами... А всё потому, что вы умеете только раздавать. — И уже улёгшись в кровать, заключил: — Ты будешь моим рабом, если мы победим. Или врагом. Уходи.

И я ушёл. Навсегда ушёл. Не рабом, но и не врагом. Он тоже поступил вопреки себе, совсем по-русски. Дал своему рабёнку вольную — пропуск на всю Орловскую область и справку на провоз 15 килограммов соли для комендатуры. Какой комендатуры? Но когда есть печать коменданта города Орла, таких вопросов не задают.

Вот так. Даже в звере спит человечность.

Возвращение моё в деревню было желаемым, но небезопасным: партизанам не свой, потому как не послушался Фёдора ждать его, а в полиции и подавно числился как сбежавший от правосудия партизан.

Из двух зол одинаковых — хоть сдохни, не решишь такую задачку. Но пока мы ехали в деревню, обстоятельный Захар умыкнул у меня почти половину соли за свою будущую «дипломатическую договорённость». Сутки я сидел у него в сарае на сеновале, потом он уверил меня, что партизанство примет своего блудного брехуна. И я заявился к партизанам — друг Фахта и «предположительный уничтожитель трёх отпетых негодяев».

После бегства с Фахтом я, как заслуживший, заявился к партизанам-боевикам, а не к обозникам. Но в отряде прожил недолго. Было скучновато для меня, да и с едой плохо. Полицаяв по сёлам прибавилось, карательные отряды стали мобильными и более жестокими при облавах. А теперь и у нас появилось какое-то верховное командование, которое требовало воевать, а не только считаться партизанами.

— Покою теперь нет и на погосте, а мы пока живы. И уж потому надо хлестаться с этими мадьярами и нашими сволочами, — говорил Фёдор.

Меня он в упор не видел, а где-то через недельку разматерил нашего повара-завхоза. Из-за меня.

— У тебя что, жратвы избыток? Нет. Так, сегодня, считай, ты и поужинал, и завтрак завтрашний съел. Не понял? А вот этот ясельник за тебя съел, — указал он на меня. — Ты повар — кормилец партизанский, а детский сад после войны завести у себя в колхозе можешь. Нам сейчас только лишних едоков не хватает. Выводи от нас его сам, куда и как хочешь. А чтобы я ни на ужин, ни завтра, ни потом не видел его и таких вот.

Повар возражал. Он был хромым, частенько прибалывал, но до войны — уважаемый председатель большого колхоза.

— Ты, Фёдор, не шуми. Чтобы дитё был сыт, я могу и поголодать. А вот вышвыривать мальчонку по этой блокаде, как сейчас, — это под пули. Сам знаешь, с моими ногами проводник я хреновый. Надо подождать, пока каратели уберутся.

— Никаких ожидаловок. Мы все тут под пулями, — перебил его Фёдор. — Не можешь ты — сам его выведу. — И, обернувшись ко мне, жестко приказал: — Только попробуй убежать! Найду, догоню и, как шпие́на, пришибу вот этой штукой. — И потряс передо мной обломанной с острого конца шашкой.

Как же я в этот момент ненавидел и боялся Фёдора! Случись это где-нибудь в деревне — я бы, не раздумывая, побежал к полицаям и предал бы его. Но я стоял и молчал, и ожидаемых слёз у меня не было.

Дело было под вечер. Похолодало. Партизанский ужин заканчивался вхолостую, дымить, разводить костёр стало рискованно: по вечерам, а иногда и ночью, над лесом по несколько раз пролетали самолёты, бросали осветительные ракеты, и если обнаруживали дым или огонь, то били по нему из пулемётов и сбрасывали много мелких бомб.

Фёдор засобирался, о чём-то договаривался с разведчиками, поправлял онучи и верёвки на чунях. Потом резко встал и взял меня за руку:

— Пойдём. К темноте как раз выйдем на край леса, а там уж будет видно, как дальше двигать. Может, и сам пойдёшь.

О сопротивлении и бегстве бесполезно думать: Фёдор готов был к любым уловкам моим. Мне собирать нечего, всё при мне. Но на всякий случай Фёдор похлопал по моей одежде, убедился, что ни гранаты, ни чего другого взрывающе-стреляющего не было. Термитный патрон-зажигалку подержал в руке, но всё-таки вернул, хотя, похоже, с большим сожалением. И мы пошли. Шли молча и долго. В ходке болтать не принято: не можешь определить, кто подслушает твой говор, оставаясь невидимым.

У ближнего партизанского дозора Фёдор трижды постучал по стволу дерева, а когда такой же стук мы услышали в ответ, то уже без опаски пошли на этот звуковой ориентир.

Двое партизан вроде как возникли из-под запорошенного листвой куста боярышника, под которым они организовали свой схрон. Встретили нас молча. Потом вполголоса, а то и шёпотом долго общались с Фёдором.

— Свяжите ему покрепче ноги, — приказал Фёдор, указав на меня, — а то рванёт чёрт-те куда — и себе, и нам на беду.

Пожилой партизан снял с себя пояс и спутал меня, как конягу в ночном.

— Ты, это, не дёргайся и рот на замок закрой, а то кусок вонючей онучи придётся пожевать. У нас тут, брат, и пёрнуть громко опасно, а так в шалаше и поспать вместо меня можешь.

Фёдор ушёл невесть куда. Уже стемнело. В шалаше было тепло, мягко и как-то уютно. Страх я не испытывал, а спать привык где придётся. И я уснул. Проснулся от толчков. Будили меня основательно, закрыв широкой ладонью рот. Это был Фёдор.

— Не кричи, — тихо проговорил он. — Вставай — и за мной, след в след.

Ноги у меня были развязаны, а партизан-наблюдателей здесь уже и не было. Я тащился за Фёдором, подражая его осторожным шагам, не чувствуя опасности. Спустились в неглубокий лог, прошли по нему, а точнее, по неглубокой, но длинной луже, заполнившей лог после дождичков, и вышли в открытое поле.

Было очень темно, и я никак не ориентировался, где мы и куда идём. Дошли до какой-то дороги, и тут Фёдор присел у кустистой обочины и меня притянул к себе.

— Ты не серчай на меня. Это всё спектакля для других, а ты есть партизан правдошный. Жуй и слухай, — и сунул мне лепёшку и варёную свёклу. — Немчура, а и мадьяры, очень хотят нас достать. Поболе их стало, и с собаками. А у нас, брат, и

огонька им навстречку дать нечем. Опять же, и подлянку они наладили, набрали вроде Гурия. Их без боя, да и с помощью таких, как ты, и не опознать. А Гурий и тебе подосрал — теперь ребяtnю всё проверяют. В Гранкино двоих до уродства засекли, потому как шашки толловые у них были на рыбу. Тебе приказ: никаких припасов таких, а тем боле гранат, с собою не носить. Я бы у тебя и чудо-юдо этот патрон фосфористый забрал, но уж очень житуха без него для тебя будет никудышная.

Я был ошарашен этим разговором. Жевал лепёшку без всякого восприятия такой радости для голодного человека. А Фёдор продолжил:

— Останешься тут. Утром здесь поедет мужик. У него пропуск на поездку. Он тебя узнает вот по этой шапке и возьмёт с собою до самого Карачева. А там определяйся, но чтобы крутился, как попрошайка, у церкви. Помощи никакой не будет. А тебе — найти, где у немчуры склады с боеприпасами. Слух, что они есть там. А охрана над ними вроде и непуганая.

Фёдор встал, снял с меня мой картуз и надел тёплую потрёпанную ушанку.

— Что узнаешь — держи в голове и не верь никому, и ни в чём не признавайся под любой поркой. Тогда и жив будешь. Для тебя только я настоящий. А шапку береги. — И пошагал Фёдор в темноту, а я остался один с недоеденной свёклой и в растерянности от темноты, леса, воя волков и подвывающих лисиц, которых было множество.

Я сидел и ждал. Уже и утро просочилось сквозь серый туман, и где-то далеко протарахтела пулемётная очередь, а дорога была пустынная. И что это была за дорога, я определить не мог. Сидел, бездумно ждал. И всё-таки дождался. Три телеги с наваленными на них мешками неспешно ехали безо всякой охраны.

Ездовые мужики шли рядом.

Я сидел, я не должен был проситься. Мужик с первой телеги посмотрел внимательно на меня, сплюнул остаток сигарки.

— Куда тебя несёт, безотцовщина? — спросил. Я ответил, что в Карачев. — А к кому там, знаешь? И зачем?

— За харчем, — ответил я.

— Эх, горе вселенское, — он как-то болезненно вздохнул, — иди садись. Такую тяжесть немецкая скотина выдержит, — изрёк он, похлопывая конягу.

Мне повторять не надо. Я кошкой взлетел на мешки. Сидеть было удобно. Ездовой оказался одnorуким, да и двое других — уже пожилые, непрерывно кашляющие и прихрамывающие — тоже не здоровяки.

Ехали долго и скучно, без остановок. Несколько раз, то встречая, то обгоняя нас, проезжали патрульные мотоциклы, но не останавливали. Только перед самым Карачевом проверили пропуска, указали, куда ехать. Мой ездовой остановил подводу.

— Слезай, малый. Дальше пёхом. Тут уж близко. Вон и церковь видна. Потому сейчас ещё один пост. Из наших. Но такое зверьё — хуже мадяров. И где такие родятся?

Подводы поехали, а я поплёлся за ними, отставая всё больше и больше, а потом свернул в переулки, поплутал по ним и всё-таки вышел к церкви. У входа уже сидели попрошайки и крутилась ребятня. Заводилу я определил сразу и, упреждая вражду, спросил его, где бы мне прилепиться. Похоже, парень был не из вредных.

— А шамон у тебя есть? — спросил. Я вынул недоеденную свёклу. Он хмыкнул: — С тебя, вижу, и содрать неча. Сиди здесь. Что дадут — в котёл, а слямзишь — получишь «тёмную».

И я сел. Похоже, вид мой действительно был жалкий: мне подавали, даже немецкую оккупационную марку бросили в шапку. Были и сухарики, и картошка, и блин, и кусок лепёшки. И мне так хотелось не съесть это, но сожрать. Но я знал, что такое «тёмная», и берёг всё для общего котла. Так, прошёл проверку, был негласно принят в эту беспризорную стаю и получил кличку Пришлый.

По сравнению с кромской ребятнёй этим ребятам жилось посытнее. Да и облавы, по словам ребят, были нечастыми и малолетков как бы не очень и касались. Первое время я крутился вместе со всеми у церкви, рынка, кутков — нескольких продавцов чего-либо домашнего. Обычно я не очень-то и задумывался о наставлениях Фёдора, но последний приказ был внушителен. И я начал шастать по этому небольшому заросшему городку. Как-то вышел к окраине у пруда. Ничего такого интересного здесь не было. Только бахча, а вернее странное существо на бахче: то ли человек, то ли... Нет, это была женщина невероятной шириности. Лопаткой она выкапывала свёклу, потом укладывала её в сумку на груди. Всё это делалось медленно. Видно было, что и нагибаться она совсем не может, и ноги её не слушают. Я смотрел, и во мне, как что-то живое, шевельнулась в груди жалость. Я подошёл к женщине — она отдыхала стоя — молча взял лопату и привычно вскопал грядку, собрал свёклу и уложил в стоящую здесь же корзину.

— Что ещё? — спросил я.

— Хватит, — прохрипела женщина. — Отнеси в сенцы. И подожди меня.

Ждать пришлось долго, потому как двигалась хозяйка дома по-черепашьи. Но я дождался. И был вознаграждён большим куском хлеба с чем-то сладким и кружкой компота.

— Откуда такой жалостливый? — спросила тётя, отдышавшись после долгой возни с обустройством своего туловища то ли в большом кресле, то ли в каком-то подобии гнезда, закрытого дерюгой.

— Из Шепелёва, сирота, — ответил я.

— А где это Шепелёво? — прохрипела хозяйка.

— Не знаю, где-то далеко, кажись.

Я ответил так, как меня учил Фёдор: «Прикинься глупым и никогда не говори всамделишного места, где живёшь, а названий одинаковых по деревням в Орловщине, да и не только в ней, сколько хочешь».

— А сейчас-то где тут?

— А нигде. С ребятами вожжаюсь. Пока не холодно, а потом буду искать приют какой-нибудь, — я говорил серьёзно, как об уже обдуманном.

— Огород вскопать поможешь?

Я кивнул.

— Смотрю, умеешь ты это.

Я встал и пошёл на бахчу. К ребятам надо бы, к церкви. Но начав копку картошки, я уже и останавливаться не хотел. Тем более с крыльца, сидя, на меня пристально выглядывала моя работодательница. Когда начало темнеть, она махнула рукой: «Кончай!»

Я собрал и перенёс картошку в сени, покрутился, ожидая пищевого вознаграждения. Оно последовало: большой кусок вкуснейшего пирога с вареньем внутри, яйцо и какое-то меси-во в бумаге, пахнущее настоящим мясом.

— Поспеш к своим, а то комендантский час, — выдохнула тётушка.

И я поспешил и успел к групповому шамону с ребятами. Мой харч оказался кстати, и, конечно, последовали вопросы: где и как добыл? О своей работе я распространяться не стал, но тётушку описал художественно.

— Немка, — сразу определили ребята. — Она одна там возле складов жить осталась, а остальных — кого куда. Ты не шлейся там. Охрана с собаками: или застрелят, или загрызут.

Наверное, я бы последовал этому совету. Но утро вышло пакостным. Что ребята украли и у кого, я не знал и никогда не узнаю. Но, видно, что-то существенное. Семерых нас втолкнули в комендантскую и стали спрашивать, кто это сделал. Если не признается никто, сечь будут всех. Ребята очень единодушно признались, что сделал это Пришлый, значит, я. Мне сразу по

взглядам ребят стало ясно: если я скажу нет, то после всеобщей порки мне предстоит ребячья расправа надо мной. Я смолчал.

Пороли меня не очень долго, но основательно: и спина, и задница горели огнём, видно, ремешки вымачивались в солёной водице. Ребята меня встретили без всяких угрызений совести. Осмотрели мои раны и сразу определили проверенный рецепт лечения: я лежал на животе полуголый, а ребята старательно писали на меня. Стало ещё жарче, в жару я метался целый день и ночь, только пил воду. Но уже в следующее утро сам попросил, чтобы меня ещё раз «полечили». Ребята это сделали с удовольствием. И из их весёлой болтовни я понял, что Пришлого будут подставлять по любому случаю. Я оставался для них Пришлым не только по кличке, но и по существу. Дружба не сложилась. Боль проходила, но ни сидеть, ни лежать на спине всё ещё не получалось.

Церковный служка из жалости выбросил мне какое-то тряпье, на котором я и лежал на животе, и спал. Только дня через три в туманное влажное утро я наведася к немке. Она не спала, что-то готовила в печи. С трудом повернулась ко мне, долго разглядывала.

— Не успел до своих? — спросила.

Я сначала не понял, но потом вспомнил её разговор про комендантский час и кивнул.

Она поманила меня пальцем, а когда я приблизился, неторопливо, но сильно развернула меня, сдёрнула малахай и задрала рубаху. Долго молчала, хрипло дыша, потом указала на коробку, стоявшую на полке в углу. Я подал. Что она там хранила, не знаю, но последовавшая мазня по моим ранам была ни с чем не сравнимым удовольствием. Потом был сытный завтрак, мытьё головы и лица, переодевание в чьи-то рубашки, штаны и даже кальсоны да ещё и большущий настоящий свитер, такие только у немцев и полицейских были. Конечно, с меня это ребята сдерут, но я не собирался к ним возвращаться.

За два дня я справился с бахчой, в лучшем виде всё уложил, как без слов указала хозяйка. И вообще, старался помочь ей во всём. Даже говорил за неё: в слова переводил её жесты. Ей было тяжело всё: ходить, нагибаться, говорить и даже сидеть и лежать. Меня определила на лежанку у печи. Спал я много и без сновидений, а когда хозяйка спала, я и не знаю. Она всегда что-то читала: книги, коих у неё было много, и какие-то листки, вроде газет, не по-русски написанные. Откуда они, я узнал пару дней спустя, когда к нам вежливо вошёл немецкий солдат.

Он поцеловал руку хозяйке, что-то говорил непонятное для меня и всё подавал ей листки-газетки. Я как-то и не испугал-

ся этого немца: он мне показался добрым, похоже, очень уважал хозяйку, угощался чаем, лепёшкой с вареньем и всё говорил, говорил. Потом укладывал на полку книжку, взамен выбирал другую и уходил. Приходил он через два дня на третий, и к этому третьему дню хозяйка уже с моей помощью готовила всегда что-либо вкусное. Я заметил, что он уходит к амбарам большим у пруда, откуда иногда был слышен собачий лай — немецкие овчарки. Других собак в городе, как и в сёлах, перестреляли.

Однажды, когда я обтяпывал капусту и всё думал, как мне подойти к амбарам, хозяйка с крыльца что-то громко прохрипела, и когда я обернулся, указала рукой в сторону этих амбаров, запретительно покачала пальцем и при этом выдохнула: «Пах, пах». Было ясно, что туда ходить нельзя. Я в согласии закивал и снова принялся за капусту.

К этим амбарам и большому навесу между ними часто подъезжали телеги и грузовые машины, но не с нашей стороны. Вспоминая разговор ребятни, я теперь понял, что именно здесь они мечтали своровать или обменять на самогонку толловые шашки и даже гранаты. Но это были мечты, а чьи-то реальные попытки в прошлом стоили то ли пули, то ли петли. И во мне не было желания оказаться таким героем. Моя житуха устаканилась. О Фёдоре и его указаниях я и вспоминать не хотел. Но он сам напомнил своим появлением. И было это так. На нашей бахче у самого края стоял то ли шалаш, то ли сортир, в котором был и нужный, и ненужный инвентарь, а в углу за брезентовой занавеской стоял над ямой стул с дыркой (сортир). Кроме всего прочего, в мои обязанности входило выносить сюда ведро с отходами, как называла хозяйка свои увесистые какашки. Вот здесь-то, когда я задумчиво сидел на этом чудесном стуле, а было уже темно и дождливо, рядом со мной что-то задвигалось и прорезался тихий голос Фёдора.

— Знатно ты воняешь. Видно, со жратвой хорошо устроился. — Помолчал, потом продолжил: — Значит, с ребятами не заладилось? Может, и к лучшему. Как у тебя с немкой? Драпать с ней в Немецчину не собираешься?

— Никакая она не немка. Она учительница немецкого. Немка-то да, но русская немка много-много лет.

Всё это я знал из нечастых разговоров хозяйки, когда удушье на какое-то время отпускало её, и она могла что-то внятно поведать, пожаловаться на судьбу и на свою болезнь. По её словам, ни великой Германии, ни России она в таком виде не нужна: всех выслали ещё до войны как врагов народа, а её здесь бросили. А немцы хоть и не трогают, но за свою не считают. Только

один добрый немец приходит посочувствовать, но больше из-за книг, которые берёт почитать.

Изложил я это быстрой речью, полушёпотом и сказал, что мне пора уже возвращаться.

— Постой, постой, — вдруг засуетился Фёдор. — Какой немец? Когда придёт?

— Сегодня был. Теперь через два дня придёт, — ответил я.

Фёдор взял меня за руку, потому что я уже встал и собирался идти в дом.

— Завтра поутру чтобы тебя здесь не было. Пойдёшь на Брянск, а хоть и на Кромы. Пристань к кому-нибудь. Пойди деревнями, побирайся. Это ты умеешь и с голоду не пропадёшь. А освоишься с дорогами, — может, и к нам доберёшься. Этого сейчас я не очень советую. — Помолчал и добавил: — Часто срывать приказы — беду на задницу кликать. Понял, что я говорю? Повтори.

Я проговорил:

— Завтра поутру чтобы я смылся отсюда. А что с задницей?

— Ещё раз сбрешешь — тогда и узнаешь.

Фёдор отпустил мою руку и подтолкнул меня к выходу. Так мы расстались.

Я вышел, ополоснул ведро, постоял на крыльце и вошёл в комнату. У хозяйки в связи с плохой погодой начался приступ: она вся содрогалась в попытках откашляться или вздохнуть. Такая мука и боль, которую я чувствовал и переживал. Ну как я мог оставить её? Она же меня избитого, немытого пожалела, приняла и полечила. А Фёдор только и знает, что приказывает, за дурачка считает партизаном, а ни оружия, ни жратвы, как партизану, мне шиш.

Так я рассуждал про себя и решил, что по такой погоде шляться по деревням, побираясь, — это ни в какое сравнение с хлопотами по дому у моей хозяйки. Да и какой я партизан? Лопая — и то толком не смог подорвать. Пусть Фёдор ищет подурнее меня. Так я успокаивал себя и вечером, и на следующее утро. А туманный осенний дождь всё лил и лил. Я был занят кипячением воды, настоем трав для хозяйки, которой совсем было плохо. В заботах время пролетало быстро. Пришёл уже и добрый немец с книжкой и даже какие-то таблетки принёс для хозяйки. Печка была натоплена, немец грел спину у лежанки, улыбался и что-то даже напевал.

Как отворилась дверь, я не слышал. Обернулся на странное клекотание и увидел Фёдора, который крутил руку немца, а ещё один молодой мужик засовывал немцу в рот какую-то тряпку. И всё без слов. Немец бледный и какой-то вспотевший, не дви-

гаясь, полулежал у хозяйкиного кресла. Фёдор повернулся ко мне. Ещё до первого удара во мне заболели все рубцы от порки. Затем широченная ладонь Фёдора, страшного и злого, каким я его никогда не видел, сбила меня с ног, а потом ещё не раз поднимала и снова сбивала. А губы под небритыми усами кривились. Он шипел, как змея:

— Поганка чёртова. Разорву, брехло... Убирайся, пока не прибил...

Но тут подала голос хозяйка:

— Изверг, — захрипела она, — что ж ты мальчонку убиваешь?

Она показывала мне пальцем на коробку, где были лекарства. Я хотел подать хозяйке коробку, но Фёдор перехватил её, пошурудил в ней своими пальцами и продвинул хозяйке.

— Ты ещё здесь? Вспомни, что я говорил? — и двинулся ко мне. Но я уже ухватил свой бушлат, заплечную сумку и нырнул в дверь. На крыльце на корточках сидели два мужика с автоматами и однурукий возница, подвозивший меня до Карачева. На меня они только взглянули, а внимание их всё — к тем амбарам, где был немецкий склад.

Я, сколько мог, бежал, пока не задохнулся. Отдохнул немного, потом пошёл неторопливо к дороге.

До комендантского часа времени хватало, чтобы уйти подальше от Фёдора и его угроз. Болели ноги и разболелись рубцы от порки так, словно меня только что выпороли.

ШОКОЛАД

Сколько времени я бродил по деревням и дорогам — по каким, я и запоминать не старался: мне было всё равно, куда идти и где просить милостыню. Фёдор правду говорил: в милостыне сытым был нечасто, но и не голодал. Так сказать, жизнь впроголодь. Сколько продолжалось это вынужденное путешествие по времени, не берусь определить. Но как-то само собой случилось, что я оказался под Кромами в первый снегопад с резким холодным ветром. И вот я, блудный, появился в хате моего дяди, где вряд ли мне были рады, но и выгнать не сподобились.

Жили голодно: «пирожки» из гнилой картошки, юшка из кожи, хомутов и другой сбруи, и всё в том же духе. Движение, общение и весь деревенский быт был обрушен. Война, фронт, передовая — всё это залегло в деревне Шепелёво. Кому она теперь принадлежала, сказать вряд ли было можно. Наша пехота через поле, открытое всем ветрам и пулям, захватила село, уложив,

как снопами, это поле павшими лыжниками в белых маскахалатах. Немцев было немного: их как-то успевали вывозить. Зато несчётно убитых битюгов — огромных лошадей с такой массой мяса, что можно накормить целую деревню. И люди из деревни кормились: по ночам, особо вьюжным, выползали в поле с ножовками, топорами, разделявали эти замороженные туши и волокли домой.

Этим не брезговали и бойцы наши, потому что их снабжали ой как не по-фронтовому. При этом у некоторых деревенских повелась такая охота: обирать павших, снимать с них валенки, разрезая голенища, а если попадался полушубок, то это считалось везухой. Грешное это было дело.

За кониной наладился и я путешествовать, но обирать ни своих, ни павших немцев я даже в мыслях не держал. Уже тогда во мне, как данное свыше, было чувство, что совершённое зло вернётся к совершившему его. Это убеждение, подтверждённое событиями жизни, и теперь во мне. Иногда надо мной по этой причине посмеивались, когда я вроде бы упускал свой шанс в процессе обираловки. Но мой шанс проявился как награда: в поле в открытости стояла разбитая большая немецкая машина, которая пользовалась у всех дурной славой.

По ней били и из винтовок, и из пулемётов, и даже из миномётов немцы и наши бойцы, каждый со своей стороны.

Поблизости от машины лежала цельная туша лошади, не тронутая ни ножовкой, ни топором. И всё по той же причине: любые звуки и движения возле машины вызывали стрельбу. Рисковать из-за куса замороженной конины — я таких желающих не помню. Но в других-то местах коняшек уже подъели: научились на санках, на пулемётных волокушах вывозить чуть ли не по целой туше.

В темноте подвала, где проводили время по несколько семей вместе, только и было разговоров, что о еде, об удачных, неудачных и даже трагических поисках пищи в этом проклятом открытом поле. Скорее всего самым голодным и ненужным был я. Как-то во время этих разговоров всплыло понятие, что самым бесшумным делом должна быть добыча потрохов: резанул по брюху, где-то кишку подрезал — и волок без всяких санок, потому как кишки скользкие. Это я запомнил и принял.

Уже на следующую ночь я пополз к этой желанной лошади. Падая редкий снежок, ветерок раскачивал не очень звучно наполовину оторванный кузов машины, а над тушей конской уже и хороший сугроб вырос. Вспороть брюхо никак не получалось: жёсткое, как железный лист. Сделать всё побыстрее —

это потюкать топориком, что я и начал делать. Кожа поддалась, но под ней оказалась не мягкая куча потрохов, а ледяная глыба, от которой я отбивал какие-то куски и втискивал в свой мешок.

Очевидно, шумок мой обнаружили, и несколько немецких пулемётных очередей хлестанули по машине. Я прижимался к холодному брюху коняги, зарываясь ещё глубже в сугроб, когда ракета летела в мою сторону. Лежал долго, продрог и решил, что под машиной будет теплее и безопаснее.

Прополз до неё удачно, а затем уж и в кузов забрался. Он был завален доверху коробками с каким-то характерным запахом. Этот запах был мне знаком, и знакомы были рассыпанные из этих коробок банки — шоколад, немецкий шоколад. Я не раз видел, как его ели немцы, даже ел его в Кромах в пору моей обжираловской жизни. Тут я уже сразу забыл о своих мечтах — как я буду варить и есть то, что успел отрубить от коняги и забросить в мешок.

Сколько я проглотил шоколаду, вспомнить не могу, но наступила сытная теплота и бессмысленная полудрёма. Очнулся я, когда уже стало светло, и нечего было думать о возвращении в деревню: мне бы не удалось пробежать и ста метров до соседнего овражка. День тянулся долго. Я то дремал, то высматривал воронки, рывины, холмики и овражки, по которым можно было бы добраться до своей деревни или к нашим бойцам в посёлок Каганович.

Выходило, что в Каганович — короче и удобнее, а из него потом оврагами и логами до своего обиталища пройти можно. Так и решил — пройду к своим. К вечеру у меня оставались только две проблемы: ужасный понос и что делать с кониной, шоколадом и с подмокшим, но вкусным печеньем в бумажных коробках. Ещё было много толовых шашек, но я ими пренебрёг, потому что они оказались без запалов.

Конечно, было бы удобнее устроиться в кабине, как настоящему шофёру. Но в ней по всему сиденью разлёгся замороженный немец, да и, судя по пулевым дыркам в зыкающих от ветра дверцах, там уют пахивал очень большой опасностью. Другое дело — воронка под брюхом развороченной машины между колёс. Воронка, хоть и небольшая, но для меня вполне надёжное укрытие. И с немцем не нужно возиться, и харч: только руку снизу вверх протяни — и вот они, шоколадные баночки.

Банок шоколадных я набрал в карманы, а нарубленную конину решил тащить волоком. К вечеру пошёл снежок, фронт как-то затих, и я только по привычке, согнувшись, пошёл, а не пополз, в сторону посёлка. В ожидании опасности время течёт

медленно, но ничего не случилось. Я неожиданно свалился в траншею, ещё не дойдя до уже видимых труб сгоревших хат. Никто меня не окликнул, не кинулся на меня. Я присел на свой заплочный мешок и стал ждать. Но брюхо моё ждать не желало: я только и успел спустить штаны...

— Кто это тут обсираловку устроил? — как будто из-под земли раздался голос.

Второй голос ответил:

— Это, видать, из пополнения. Надясь уже было такое. Бояться из окопа жопу высунуть. Сейчас разберёмся.

Совсем близко от меня отворилась то ли дверь, то ли люк. Сверкнул огонёк, и дохнуло теплом. Человек в маскхалате пододвинулся ко мне, всматриваясь, и удивлённо спросил: «Мальчонка, ты откуда здесь?» — и, не дожидаясь ответа, втащил меня в настоящую землянку. После темени и тесноты под машиной она мне показалась очень большой и светлой. На нарах сидели или лежали бойцы. И все они уставились на меня. Потом был длинный допрос-разговор, в огромной кастрюле варилась моя конина, а я, как равноправный, рассказывал, каким путём я попал к ним и какой нехоженой дорогой собираюсь вернуться в свою деревню. О машине я не говорил, о шоколаде — тем более: иметь коржечные заготовки — это стало нормой моего сиротства. Бойцы были добрые, и не только в сочувственных словах: где-то достали ватные штаны и телогрейку, пошили их по мне как смогли и отдали самую настоящую ушанку с бойца, которого увозили в госпиталь.

Питание у них было плохое, и они всё вспоминали о моей конине и той лошади, которая теперь не давала им покоя. Я-то знал эти места, а они пришли, когда лога, балки и овраги занесло снегом. Самый ближний к желанной коняге овражек был не так уж и далеко. Бойцы считали, что по плохой погоде лошадь можно уволочь с поля. Видно, что опыта в этом деле у них было поменьше моего. Главные трудности — не шуметь, но примёрзшую тушу без шума не оторвать. Они это оговаривали, каждый предлагал своё, но всё же решили: немецкий телефонный провод в четыре нитки привязать к лошади, под неё как-то просунуть малоосколочную гранату, которая оторвёт лошадь от земли, и потом уже тянуть тушу в овражек.

Я пробыл у бойцов три дня. Из них три дня выюжило, да и стрельбы стало больше: немцы начали устанавливать колючую проволоку и мины. Воины голодали, поскольку по такой погоде подвозили только боеприпасы.

Командир, как в награду за мои «разведданные» по местности, пообещал с ближайшей оказией отправить меня в тыл,

в детский дом. Вот уж куда мне не хотелось: я сразу вспомнил говоримое не раз дядей Гришей, Фахтом: «Детдом хуже тюрьмы, фахт!» И я не стал ждать ни okazji, ни награды, а знакомыми логами в засугробленных кустах шиповника и боярышника то ли пошёл, то ли поплыл в снежном месиве к своей деревне и где-то к полуночи уже грелся в плотной куче взрослых и детей в подвале сгоревшей хаты и угощал всех шоколадом. Откуда он, я не говорил. Да меня об этом и не спрашивали.

Немцы наконец-то наладили мост через речку и вошли в деревню. Это не были каратели. И вели себя они как-то даже сочувственно, но всё-таки несгоревшие хаты они заняли, а хозяевам позволили обустраивать подвалы.

Быт их по сравнению с бытом наших бойцов (а я мог сравнивать) был очень хорошо налажен. Кухни приезжали по установленному времени, и даже машины, вроде как магазины, — где немцы что-то покупали. Я всё это наблюдал один. Надо мной не было ни власти, ни опеки. Заметил как-то, что немец-повар с забинтованной рукой очень нелепо моет кастрюлю.

Я подошёл к нему и стал помогать. Что он мне говорил, я не понимал, но когда он подал кусок мыла, я не сопротивлялся — тщательно вымыл руки и показал их повару. Он одобрительно кивнул, вручил ещё щётку на палке и указал на кастрюли.

Дней пять я работал при кухне, потом повар сменился, а новый начал кричать на меня и топать ногой, а потом ещё крикнул: «Пуф, пуф!» Я убрался. Обиды не было — всё-таки зима для меня выпала сытная.

Я окреп. Несколько раз, не заходя в бойцовские траншеи, я пробирался к машине, набивал мешок шоколадом и печеньем и возвращался в свою деревню. Можно было бы и в посёлке Кагановиче что-то поискать, но страх перед возможностью попасть в детдом как-то удерживал меня. А с деревней всё наладилось: с вечера я уходил в снежные лога, по которым ещё не было ни мин, ни колючей проволоки, обходил хвост траншеи и добирался до машины.

Брюхо моё привыкло к печенью и шоколаду, а главное, я научился всё это менять в деревне на что-либо другое съестное. Весь день я обычно спал — дремал в своей воронке, на мне была тёплая одёга, уютно поскрипывала дверца кабины, а немец в ней мне никак не мешал. Лошади уже не было: или бойцы всё-таки уволокли, или волки подъели. Народу на фронте прибавилось — и у наших, и у немцев. Приходилось очень хорошо слушать и осторожничать.

Но всё прекрасное недолговечно. Очередной мой поход мог завершиться совсем плохо: видно, бойцы заметили меня из траншеи на фоне неба и открыли огонь. Немцы не остались в долгу. Я едва успел вжаться в свою воронку под машиной. Очереди из крупнокалиберного пулемёта рвали в клочья остатки крытого кузова, потом ещё и хлюпнуло несколько мин. Тут уже было не до шоколада. Я, как защиту, схватил две толовые шашки и, не прячась, рванул к оврагу.

Что спасло меня, я не знаю, но когда я скатился в овраг прямо в чьи-то руки, ни мыслить, ни говорить не мог. И как оказался в землянке, но уже не в той, а хорошо обустроенной, я тоже не помню. Слов я не воспринимал, и только когда в насильно разжатый рот огнём полыхнул глоток настоящей водки, я понял, что ещё жив, и у своих. Наступило утро, и началась обычная ранняя перестрелка.

Днём я лежал в землянке, меня никто не трогал. Обед принесли в бидонах. Не горячий, но и не холодный. Зато чай был очень горячий: его заваривали тут же на печке-бочке. На столе почему-то лежали мои толовые шашки.

— Откуда у тебя это? — был самый первый вопрос по шашкам.

Я объяснил, что взял это для защиты, только запалов к ним не нашёл.

Такого оглушительного смеха я никогда не слышал, и потом продолжался он короткими взрывами довольно долго. Старшина резанул от шашки основательный кусок, подвинул ко мне кружку с чаем и серьёзно сказал:

— Пей, сынок, не взорвёшься. Это булка-кекс, а не шашка. И ничего смешного. За то и воевать надо, чтобы пацаны не только голод знали.

Меня отвезли по темноте в посёлок, потому как днём открытое поле немцы уже пристреляли основательно. В посёлке размещался госпиталь, и, как я понял, снова ждала меня оказия для отправки в тыл, а значит, в детдом. И что за напасть такая на меня — детский дом! Мне очень понравился старшина, который не дал насмеяться над моим незнанием сладкой булки. Я и хлеба-то белого особо не знал. Вот к старшине-то я и наладился следующим днём.

Стрельбы особой не было. Бойцы воевали лопатами — углубляли траншеи. Но старшина не стал меня прогонять. И я ему всё рассказал, как родному: где, откуда и как я живу и добываю себе шамон. Ничего не утаил, даже про то, что помогал немцу кастрюли мыть. Старшина всё слушал, изредка перебивал расспросами, когда я что-то говорил невпопад. И о машине

всё рассказал, как о кормилице. Здесь он проявил совсем какой-то неожиданный интерес.

— Шоколад сейчас бы нам не помешал. В госпитале раненые, а паёк ещё не очень сытный. Собрать бы эти баночки для них да и «шашки» сладкие сгодились бы. Надо подумать, — говорил он. — А что не хочешь в детдом... Разные они: и плохие есть, и хорошие бывают.

По поводу столования сказано было как бы к слову — хлеб, а то и сухари уже были в достатке, но горячую кухню бойцы налаживали сами, и состояла она из кипятка, в который подбрасывали что у кого было в вещмешках как сухой паёк. Старшина ушёл, а я сидел у печки-бочки, подбрасывал по поленцу и всё думал, как бы мне избежать отправки в тыл. Но ещё и не стемнело, а мне уже нашлось дело. Старшина привёл в землянку, как он сказал, разведчика, который «всё мне обскажет». Он мне и обсказал, что зовут его Терентий, а кличут Теря. Он втащил в землянку пулемётную волокушу и стал прикручивать спереди и сзади немецкие телефонные провода, намотанные каждый на свою катушку. Я сразу понял, для чего это, — часто думал сделать такой тяни-толкай, ещё когда из деревни ползал за кониной.

Когда я объявил это разведчику, он только кивнул — «смышляк» — и очень коротко объяснил: под машиной укрывалка только меня, тащить волокушу накоротке и опасно, и для меня тяжело. Ползу я к машине только с жилой провода, обустроиваюсь под машиной, а потом тяну волокушу под какой-нибудь звук: или самолёт гудит, или стрельба. Притянул — и укладывай в неё что найдёшь. А уложишь — подёргай провод, и он эту тележку притянет к нужному месту.

Всё прошло гладко. Когда я оказался под машиной, от которой мало что осталось, — будто вернулся к чему-то своему. Правда, верха у машины уже не было, но немец, припорошенный снегом, лежал на своём месте, смёрзшиеся коробки превратились в сугроб, а убежище моё — воронка — осталось сухоньким и уютным. Предложение вытащить у немца документы я отверг сразу, и Теря не стал настаивать. До утра мы сделали три успешных ходки. Когда по возвращении меня напоили горячим сладким чаем, я отключился сразу и проснулся только в полдень — усталый, потный и горячий.

Теря, спавший со мной рядом, основательно обследовал меня, потом ушёл побалакать со старшиной. Когда уже по темени я стал приходить в себя, он посадил меня на сани и привёз логами в огромную землянку, которая была заставлена бочками, печками и ещё чёрт знает чем, а за брезентовым занавесом стоял гогот: парились голые мужики.

Теря и меня туда затащил, предварительно сам разделся и меня раздел, а все наши вещи, кроме обуви, бросил в железную бочку и пояснил, что ничего не сгорит, зато ни вшей, ни всякой гниды не будет. Мы парились, и Теря меня убеждал, что я простудный, и надо париться до тех пор, пока жрать не захочешь.

Знал бы он, сколько я заглотил шоколада и сладких «шашек»... Но, правда, после бани, да ещё когда влезли в сухую тёплую одежду, так и есть захотелось.

В госпитале нас накормили настоящей кашей — сколько съешь, а Тере налили «по уважению» полкружки водки. Ночевали мы тоже в госпитале, но встали рано, чтобы затемно пройти простреливаемый участок пути до своих траншей. Теря, как я понял, всё делал очень продуманно. Не «по дураку», как это пытались сделать ночью бойцы-добровольцы — наделали шуму, когда доставали у немца документы, а потом ещё придумали снять с него замечательные ботинки. Остались живы, но одному — осколок в ногу от выпущенной немцами мины. И Теря чётко определил: три дня надо ждать, а не шоколад жрать. Мы на три дня вернулись в госпиталь «лечить мою простуду», где добрые медсёстры и кормили меня, и жалели, и по-хорошему, но противно лобызали.

С Терей у нас дружба наладилась, как со старшим братом. Он заботился обо мне, старался всё продумывать, чтобы исключить опасность для меня. Волокушу облегчил, чем-то смазал так, что тянуть её пустой из моего укрытия под машиной стало легко и бесшумно. И когда коробок в машине уже не осталось, он решительно отверг предложение собирать банки и всё разбросанное вокруг машины. В одну из очень пуржистых ночей он сам сходил со мной к машине, оглядел всё, осторожно осмотрел немца, нашёл сумку с бумагами, но ботинки снимать и не подумал. С возвращением к своим он категорично заявил: «Собирать до весны там неча!» Ему никто не возразил.

А мне по-братски посоветовал:

— Детский дом не отвергай. Оно хоть и хреново, говорят, но не под пулями. А пока я тут в госпитале с сёстрами посудачил. Есть медсёстры, медбратья, а почто не быть медсыну? Ты смышляк, и помощь от тебя, может, и больше будет, чем от некоторых...

Но медсыном я не стал. Госпиталь был как-то не по мне, хотя дни, проведённые в нём, пошли на пользу: я окреп физически, одежду мою добрые медсёстры привели прямо-таки в удобную красоту, да и разговоры раненых тоже дали много интерес-

ного. Так, я узнал, что этот госпиталь полевой, для первой помощи, из которого серьёзно раненых пересылают в тыл уже в большой госпиталь за деревней Лисицы, знакомой мне по партизанству. Из разговоров я узнал, что партизаны и сейчас там: они вроде бы и не партизаны, но и не красноармейцы, потому как форма на них гражданская, а кормят и учат их как настоящих бойцов.

Самый подходящий случай слить из госпиталя нашего — это сопровождение раненых в санном обозе в тыл. Этим я и воспользовался и уже утром завтракал вместе с обозными мужиками в длинной тёплой землянке-столовой. А после сна и сытного обеда я, по своему обыкновению, болтался по полусторевшей деревне, в которой и неэвакуированных жителей было много.

Здесь я встретил знакомых из «обозной» части партизанского отряда Фёдора. После партизанских тягот они все эти прифронтовые трудности и опасности считали незначительными. Но жили, как в отряде, коммуной в двух кое-как утеплённых соседних домах. Меня приняли как своего. Все были при деле: кто постарше — работали в госпитале на разных работах, пожилые — на складах в лесу. А действующие партизаны, поделённые на группы, жили и обучались отдельно, и общение их с близкими случалось очень редко, но всё-таки случалось как увольнение за какие-то там учебные или боевые заслуги.

Так вот и появился у своих и Фёдор: обычный мужик в полушубке, в чунях с онучами. На меня только мельком взглянул, вроде и не узнал, и прошёл в чулан, где разместилось его семейство: мать, жена, дочка, сын. Испуг мой при его появлении как-то быстро прошёл. Что было, то было. А может, ещё и оттого, что возможностей и направлений удрать от него было предостаточно.

Но на другой день он всё-таки подловил меня, подозвал. Спросил, как и откуда я здесь оказался. Рассказывать ему о Тере, госпитале и тем более о шоколадной машине я не захотел. Сказал, что пришёл из деревни. Он поинтересовался, как там люди живут и много ли там немцев и всякой техники. Точно я не мог ответить, потому как передвижение по деревне, где тебя может достать и пуля, и снаряд, к этому не располагало. Единственное, что подробно обсказал по его же просьбе, — как и где переходил линию фронта и где уже стали появляться немецкие проволочные заграждения.

Фёдор слушал, посасывая сигарку из крепкого табака-самосада. Мне очень хотелось спросить его о доброй хозяйке — немке, но я смолчал, а Фёдор, наверное, уже и забыл об этом. Встал.

— Итить мне надо к своим, — сказал. И добавил: — Не бегай. Живи здесь и не пропадай.

Ни ругани, ни обиды. И весь он был какой-то отстранённый от нашей «обозной» партизанской коммуны, и своими назвал не нас, не родственников, а тех бывших партизан или бойцов, которые где-то его ждали.

ЛАПОТНИКИ

В Орловщине принято после сбора урожая закапывать подсушенную картошку в сухие глубокие ямы. Их предварительно «обжигают»: устраивают в них костры из соломы. Потом золу выметают, а иногда оставляют её (у каждого хозяина свои правила). Картошку засыпают «нежно», чтобы не было повреждений, сверху укрывают сухой соломой, на которую затем набрасывают землю, образуя для заметки и усадки небольшой холмик над всей ямой. Надо знать это, иметь «намётанный глаз», чтобы определить зимние схроны на заснеженном поле. Картошка, как всё живое, дышит, и это дыхание сказывается на расцветке снега над ямой, какой бы она ни была глубокой.

Бродить по полям «без ума» — дело нехитрое, но и опасное: мины, обстрелы. Но промысел этот был востребован в довольно скудном армейском рационе. И я прилепился к двум ходакам-поисковикам: поначалу они взяли меня с собой без всяких обещаний, но быстро согласились, что я глазастый и польза от меня имеется. К ходакам относились уважительно: усиленный армейский паёк, хорошее тёплое обмундирование, им ещё и водочка полагалась после успешного поиска, а мне — сахарок на зависть домашним ребятам. Я был местный, знал хорошо границы огородов у сгоревших деревень, примерное расположение картофельных схронов и другие приметы, которыми я всё-таки не спешил делиться с бойцами из-за боязни вскорости оказаться ненужным. Физически работёнка не из лёгких, но обстреливали немцы нас нечасто. Да и при фронтовой натренированности по свисту летящего снаряда всегда можно определить довольно точно, куда он ткнётся, и обезопасить себя.

Продолжалось это где-то до мартовской хляби, когда ночью мороз, а днём — ног не вытянуть из подтаявшего орловского чернозёма. Затем я уже шлялся в поисках пропитания по известным мне местам, где меня помнили и подкармливали: госпитали-траншеи, армейские землянки. Всего этого стало много, и по траншеям из посёлка можно было дойти до самой передовой, где уже в прямой видимости —

немецкие проволочные заграждения со звякающими по ветру банками.

Всё менялось, и люди тоже постоянно сменяли друг друга. Мой друг Теря по ранению уехал в глубокий тыл, добрый старшина то ли погиб, то ли переведён был куда-то в другое место, а куда — дознаться так ни у кого и не получилось.

Вот в это-то самое время по вечеру объявился Фёдор. Недолго посидел у своих, потом присел ко мне на мой топчан, посаывая свою вонючую сигарку.

— В деревню больше не ходишь? — спросил.

Я ответил отрицательно. Объяснил, что деревня теперь на самой передовой, там уж, наверное, и никого нет. Когда я там был в последний раз, немцы собирались всех выгнать в свой тыл, в ближние сёла Топково и Пузеево.

— Ну а если надо узнать, как там, пройти сможешь?

— Воды по логам многовато, почти по пузо, а где лёд — так он тонкий, — ответил я.

— Знаешь-то об этом откуда? — спросил Фёдор, и я ему очень длинно рассказал, как и где исходил с «картофельниками» поля ближайших деревень. Фёдор ещё долго меня расспрашивал, как я проходил линию фронта и где и что видел. И совсем неожиданно, как о чём-то уже решённом, сказал: — Пошли.

И мы пошли в сторону лесов — для меня незнамо куда и зачем. Но шли-то не так уж и долго, как оказались вроде бы в деревне из землянок. Кое-где над ними из труб вился дымок. В стороне на вытоптанном в снегу круге стояло много мужиков: курили, о чём-то спорили. Одеты кто во что, но добротно. И все в лаптях. Похоже, о них я слышал в госпитале — бойцах-лапотниках для разведки.

— Что, сына припёр для пополнения? — крикнул кто-то.

— Да не сын, а вроде того, — ответил Фёдор.

— Да что ты, Федя, спятил: в такое дело мальчонку впутывать?! — возмутился один из пожилых мужиков с лицом, избитым оспой.

— Нам до траншей по темноте надобно без шуму. А ты сможешь это сделать? — прервал его Фёдор. — Ты знаешь, где в этих балках вода или снег? Хрена... А это вот чудо — не мальчонка совсем. Партизан, разведчик наш, почитай, почти с самого начала партизанства. Многим мы его глазам обязаны. Из старых, может, не забыли шпиёна Гурия. Не моя в этом заслуга, что выявили подлеца, а его, — ткнул Фёдор в мою сторону пальцем. И продолжил: — Пойдёт со мной и при мне, я за него в полном ответе. До траншей и назад. Он в Шепелёво по нашему направлению — как хорь до кур: и надёжно, и без шума

ходил и ходит. И нам покажет эту самую тропку. И тут по обстоятельству: ни до упрёков, ни до жалости. Бойня — она есть бойня — и для больших, и для малых. Вот мы с ним сейчас вдвоём и пойдём высматривать. Может, по обстоятельству и не будет нужды в мальце. Будь моя воля — я держал бы его сейчас на тёплой печке и сладкой кашей закармливал.

Фёдор закашлялся, сделал новую самокрутку, затаился дымом.

Мужики молчали. Фёдор похлопал меня по спине, и мы пошли в сторону линии фронта. К передовой мы выходили в основном по ходам сообщения, которых здесь нарыли множество. Фёдор шёл уверенно, с некоторыми встречными даже здоровался. На обратном от немцев скате неглубокого лога вышли к землянке. Там на обрубке дерева у раскрытой двери в землянку сидел, похоже, командир, офицер. Он, как с давним знакомым, поздоровался с Фёдором за руку, угостил настоящим табачком — душистой махоркой «Моршанка» — и, не дожидаясь вопросов, возможно, отвечая на какие-то прошлые просьбы, начал с заявления:

— Фрицы работают вовсю — и ночью и днём. Они уже обустроили очень позиционные и неприятные для нас огневые точки, проволочные заграждения и, похоже, мин повесили там, где проволоку нельзя закрепить. Обстреливают по часам, интенсивно. Видно, с боеприпасами у них проблем нет. Мы тоже постреливаем, когда они делают что-то внаглую. Но приказ — не раскрываться и экономить снаряды и технику — выполняется чётко. Правда, последний раз вот позавчера их-таки наказали: фрицы решили проволоку натянуть чуть ли не нам на морды. Ну уложили их, а вчера не по уставу разрешили им забрать этих своих, а мы забрали своего разведчика, который пролежал неделю под фрицами. Обычная позиционная возня: копаем, устраиваемся, постреливаем, но пользы от всего этого ни фрицам, ни нам никакой. Снайперов тоже научились обнаруживать и обманывать. Так что воевать можно.

Выглянуло солнышко, стало уютно, и я воспринимал смысл беседы Фёдора уже как журчание, потому что потянуло в сон. И всё-таки пришлось выйти из этой дрёмы, натянуть на голову капюшон от маскхалата и высунуться над бруствером траншеи.

— Не дёргайте только головами, — предупредил командир и начал показывать, где проходят траншеи фрицев, расположение — предположительное — их огневых точек и землянок.

Мне этот пейзаж был знаком, кажется, до каждой точки. И странным было слышать слова: зона интенсивного обстрела, прикрыто намертво, дежурные выносные огневые точки...

— Нам надо на Новосельцы, это километр вправо от Шепелёво. Что посоветуешь? Ты как бы пошёл? — спросил меня Фёдор, и я стал ещё пристальнее вглядываться в знакомые лога и буераки. Один из пологих логов подходил почти к самым немецким окопам. Он был сейчас понизу завален снегом, но я знал, что по дну его проходил узкий овражек — русло ключевого ручейка, который редко замерзал. И, может, поэтому скаты его, заросшие шиповником и боярышником, были сухими. Идти по низине, там, где подтаяло от ручья, вполне можно в любое время: там красный камень — руда. А ручей мелкий, и если в ботах или сапогах, то можно и по воде. Пока я соображал, Фёдор меня не торопил. А когда я всё сбивчиво, но понятно поведал это, то оба они стащили меня в траншею и наконец-то сняли с меня тяжеленную каску, которую напяливали под белый колпак. Раньше я использовал такую же как кастрюлю, и мне она не казалась тяжёлой.

Фёдор с командиром ещё довольно долго что-то там рассматривали и намечали, а потом в землянке ели вкусную американскую тушёнку и пили сладкий, на сахарине, чай.

Уходя, Фёдор сказал командиру: «Значит, идём через вас». Они пожали руки, и мы пошли к своим, как теперь говорил Фёдор. По дороге молчали. В лагерной землянке дежурный партизан разогрел нам то ли ужин, то ли обед, но очень сытный. Фёдор ушёл, а я пристроился на нарах и хорошо задремал, а проснулся только к утру от суеты и разговоров. В землянке было много партизан и двое военных командиров. Один из них говорил о какой-то нашей группе, которая, как и все другие, имеет своё направление — село Новосельцы, это между Шепелёво и Неживкой. Мои родные места. Основное задание — боем вскрыть в обороне немцев огневые точки за первой линией траншей. При возможности подрывать технику и прорываться дальше к неэвакуированным сёлам, где временно раствориться среди населения. Оружие — только трофейное. О выступлении будет дано уточнение. Потом коротко выступил второй военный, который пояснил, где, когда и кто должен получить сухой паёк на трое суток. Дальше галдёж из вопросов и ответов мне был непонятен и неинтересен, и я всё выгадывал возможность как-то выловить Фёдора и узнать, дадут ли и мне такой паёк. Ждать пришлось долго. Наконец-то он заметил меня.

— Ты ещё здесь? — удивился. — Лады... Отнесёшь мой паёк моим ребятам, и ни гугу о том, что здесь говорено. А может, и для тебя харч найдётся. Сиди здесь.

И я сидел до обеда и после обеда. Только к сумеркам вся хлопотня с сухими пайками, оружием, патронами поутихла. Кто уже осваивал сухой паёк, кто дремал на нарах. Фёдор появился с вещмешком и сумкой. Присел у печки, закурил. Сумку подвинул ко мне.

— Это наш с тобою паёк. Потчевайся, — предложил он мне.

По еде меня особо приглашать было не надо. Я сразу начал с мёда, который был в сотах, завернутый в сладкую бумагу. А мешок Фёдор отдал хромому пожилому партизану, который, как я понял, и понёс вместо меня что-то съестное его детям.

— Не сбросишь пойти с нами к фрицам до траншеи, проводишь нас, как показывал? — спросил Фёдор очень серьёзно. С набитым ртом своё согласие я выразил кивком. — Вот и хорошо, а то в этом тумане да слякоти и заблудиться недолго. Только до траншеи — и прёшь назад. Понял? Дальше уж наше дело, — заявил Фёдор. — И не своевольничай, как ты это могёшь.

— Может, зря всё ж таки тащить его? Заведёт малец чёрт-те куда? — возразил близко сидящий партизан.

— Не скажи, — возразил Фёдор. — Мы сколько раз разведку делали к деревням — и всё в обрез. А этот, как ты говоришь, малец ныряет туда, как рыба по воде. Вечером здесь своих объедает, а утром у немцев харчует. И на путях этих каждую кочку на ощупь знает.

— Ну, ты командир, тебе виднее. Ты вон сколько времени с ним вожжаешься, — согласился партизан.

— Всё, теперь подремать. Через два часа выступаем.

Выступали мы в темноте туманной и морозящей. Шли не по траншее, а верхами. И только у самой передней траншеи спустились в ход сообщения. Нас уже встречали командир и двое разведчиков. У них вроде своя задача — приволочь языка. Фёдор ещё раньше обсказал это и приказал по возвращении от траншеи их держаться. А сейчас все попрыгали по команде, чтобы выявить какой-то шум в своих вещичках.

Попервости, пока глаза не привыкли к темноте в логах, где туман был густоватый до измороси, я спотыкался и не очень воспринимал свой обычный маршрут. Потом пригляделся и пошёл уверенней и по-быстрому. Фёдор, шедший за мной, подёргал меня за рукав, чтобы не торопился. Потом отстал и что-то тихо говорил идущим сзади. Как я понял, напоминал, чтобы шли по кромке ручья и не лезли в сторону, в снег. Путь хоть и скользкий, но надёжный: мокрый, но не грязный, без колючей проволоки и противопехотных мин. Да и воронок и ямок сейчас полных воды под снегом тут не

должно быть. А то ведь ступнёшь — и по подбородок ледяная банька обеспечена.

Я шёл обычным своим маршрутом. Путь хоть и не длинный, но когда виляешь по ложбинкам и оврагам, мало не покажется. И всё-таки к овражку, который ближе всего был к немецким траншеям, мы, похоже, подошли с опережением по сравнению с другими группами. Тут и залегли, ожидая общего сигнала. Подползли двое разведчиков, шёпотом выясняли, где дежурная пулемётная точка, о которой говорилось. Я поднялся с ними немного повыше по овражку и показал направление: так, холмик. По моим походам в деревню я иногда и разговоры немецкие слышал от этого места. Но сейчас было тихо, и нам очень не хотелось нарушать эту тишину. Разведчики уползли вперёд. Совсем неожиданно взлетели три красные ракеты где-то справа, а сразу за этим раздалось в нескольких местах: «Ура! Ура!» В тумане эти крики были не очень громкими, не то что в кино в госпитале, что я намеренно смотрел.

Фёдор тоже закричал «ура», и все остальные из овражка с криками потянулись вперёд. Сначала вроде и стрельбы-то не было, но всё началось, когда уже спрыгнули в траншею. Стрельба, кутерьма, взрывы гранат, крики такие, что и страх берёт, а вроде его и нету. Куда тут возвращаться при такой суматохе? Только слышен был трубный голос, который кричал, чтобы шли вперёд и вперёд. Все ли послушались его, я не знаю, но всё же как-то кучно выскочили из траншеи и пошли по вязкому подтаившему полю вперёд. Похоже, впереди нас так же пёхом драпали немцы, увязая в грязи и отстреливаясь. Понять, где свои, а где чужие, в этой мокрой темени было непросто. Взрывники всё спрашивали о батарее и наконец-то нашли её, но и отсюда немцы, похоже, драпанули.

Миномёты взрывать несложно. Но Фёдор всех торопил, кричал, что если не дорвёмся до второй траншеи, то всем хана и приказ не выполним. Стало уже светать. Подрывники дело своё делали: на батареях подорвали и боеприпасы, а ещё одну батарею, пушечную, с которой уже и отстреливались, сожгли вместе с тягачами. Но ко второй траншее мы по темени опоздали. Уже и деревня в дымке видна была, и к ней бы как-то приблизиться, но вторая траншея огрызнулась дружным огнём. Пришлось залечь, потом перебежками до ближайших овражков, а уже из них отстреливаться.

Видно, немцы начали организованно окружать и уничтожать нас. Как-то сжимать так, что к вечеру этого дождливого туманного дня мы не продвинулись вперёд и оказались отрезанными и от близких деревень, а тем более от ближайших лесов. Другие наши группы уже прижались к нам.

Отстреливались успешно, кочуя по низинам и оврагам, чтобы не попадать под миномётный огонь. Немцы не торопились атаковать, потому что по растаявшему полю, по родному орловскому чернозёму и даже по дорогам не проехать было даже на телеге, а идти в атаку пёхом немцы, наученные опытом первого дня, никак не хотели: сколько их навечно ткнулось в этом поле в российскую грязь, расстрелянных нами из овражков и буераков! Да и мы не умнее оказались: патронов не берегли, и уже на второй день этого кружения по оврагам Фёдор матерно отдавал команды беречь патроны, хотя беречь было уже нечего.

Ночью, когда чуть подморозило, немцы кое-где и на машинах подъехали, а днём рассредоточивались и постреливали в нашу сторону. Во вторую, а может быть, и в третью ночь одна из таких машин забуксовала на подъёме, и Фёдор дёрнул меня: «Проберись к машине — и в кабину гранатку. В машине патроны, и с ними мы прорвёмся».

Когда я сквозь кусты по ручью пробрался и бросил в машину гранату, в кабине там уже никого не было, не было и патронов в кузове. Но взвились ракеты, и по машине резанула пулемётная очередь, она сразу вспыхнула, а раненый Фёдор покатился по снегу, сбивая с себя огонь. Видно, ещё в свете ракет заметил у ручья кучу лозняка и пополз к нему. И я с ним, а уже там, перевязывая ногу, он тихо сказал: «Кончилась война, сынок. Завали меня лозняком, чтоб зверьё не надругалось. И беги, ползи, без указу и приказу, а токмо спасись».

И я всё сделал, как он велел. Но не к деревням пошёл, а скатился в большой овраг к остаткам согнанных в это место партизан. Не было ни вопросов, ни разговоров. И была какая-то странная тяжёлая тишина.

Только ракеты шипели над нами, как огненные гады. День был очень похож на вечер, начало подмораживать. У немцев заурчали машины, солдаты сначала поодиночке, как-то нестройно, потом более уверенно начали двигаться цепью в нашу сторону. Но встретить их было нечем: ни патронов, ни гранат у нас не было, а изматывающее бессонное смертельное кружение по грязным холодным оврагам вымотало силы и задавило безысходностью.

ИСТРЕБИТЕЛЬНО-ПРОТИВОТАНКОВЫЙ

На выписку из госпиталя готовился весёлый старшина, артиллерист. Он был до того разговорчивый, что его уже не очень-то и слушали, а бывало, и матерно прерывали на какое-то время

его галдёж. Безответным слушателем был я. И он мне подробно, до самых посторонних мелочей рассказывал, как он подбил немецкий танк, и за это ему обещали короткий отпуск, а вместо этого вот дали медаль «За отвагу» и прямо из госпиталя отправили на прежнюю позицию. Это не так и плохо, что к своим, но нога-то болит и, как неслух, бывает, выходит из подчинения.

Правдивыми были эти жалобы или нет, не берусь сказать. Но новая медаль была при нём и совсем не успела запылиться. А у меня сразу заработали мысли: как увязаться с ним? И всё оказалось очень просто, когда я стал просить его об этом своей ещё нечёткой речью. Оказалось, что все бумаги на выписку он уже получил днём раньше, а всё это время ждал, когда найдут его сапоги и шинель, а главное — что с офицерским ремнём и портупеей? Дальше поиски продолжаться уже не могли, ему разрешили самому выбрать нужное из госпитального хлама, а мне выпала честь излишки поменять на махорку у старых партизан в деревне, что я и совершил быстро.

К вечеру мы уже были в землянке артиллерийской батареи, где мой благодетель стал расхваливать меня так, что всем стало весело, а мне — тошно. Про меня не расспрашивали, потому как встрять в говор моего приятеля никто и не пытался: видно, они соскучились по его болтовне. И только уже при смене постов, ночью, командир как отрезал:

— Перекрой кран, ефрейтор, — приказал он. И ефрейтор безоговорочно перекрыл, чтобы минут через несколько открыть уже другой кран для уютного храпа. Храпел не он один. Я не спал, я всё слушал и думал. Но при случившейся этой новизне и неопределённости успокоился и впервые за долгое время как-то мягко, без страха и вздрагиваний заснул.

Проснулся, только когда загремели котелки и ложки: это принесли бачки с завтраком. Моего знакомого в землянке не было. Но обо мне позаботились: дали чуть помятый немецкий котелок, ложку с обломанной ручкой и большую алюминиевую кружку с надписью гравировкой: «Пои меня долго». И всё это — и кашу, и хлеб, и чай — без речей и расспросов выдали, как всем.

Вместе со всеми потом я вышел на позиции батареи, помогал снимать брезент с пушки и обтирал щит и рукоятки паклей и тряпками. Потом до обеда была учёба: «Танки справа, танки слева». Это значило, что надо было перемещать станины пушек. Работа не из лёгких, а ещё и сноровки требует. Расчёты были не укомплектованы, потому и моя помощь оказалась нелишней. Но настоящая моя удача проявилась по-

позже, когда по карте комбат лично устанавливал наименования ориентиров, а я уточнял. Ориентир «шалаш» — это сгоревшая ветряная мельница, а «чёрное дерево» — топографическая вышка, старинная, с вросшей в неё черёмухой. Там и площадка дырявая, на которую кто только из нашей деревенской ребятни не лазил. После таких моих пояснений комбат передал меня своему ординарцу — для выяснения целей и обучения чтению карты.

— Там что-то иногда и поблёскивает, — сказал он, — и надо бы тряхнуть эту черёмуху. Но это не наша работа.

Мне и самому бы узнать, что это там блесит. И разведчики, с которыми я успел сдружиться, также разочаровали меня своим незнанием. Но мне нравилось, как они по-взрослому разговаривали со мной: о моей деревне, о дорожках, которыми я ныряю в неё через линию фронта. Потом даже намекнули, что могут взять с собой проводником.

На этом разговор кончился. Я ходок-одиночка, и отряд мне ни к чему. Опыт всяких походов ещё и по партизанству меня научил: один сам за себя, а много — и ошибок больше.

Эта блестелочка так мне задурила голову — узнать бы. Тут и другая причина просматривалась — пропали разведчики, пятеро. Линию фронта перешли тихо, а потом... Не в плен же. Их командир поговорил со мной, очень щедрый сухой паёк выделил и — негласно — в «командировочку» меня: разузнать по месту, в неэвакуированных сёлах судьбу своих бойцов. И я купился.

Начало было удачным: даже за короткую ночь, безветренную и тихую, я сумел бесшумно и безостановочно пройти, проползти под колючей проволокой мимо немецких постов. И ещё затемно я уже наслаждался родниковой водой в обезлюдевшей своей деревне Шепелёво, заросшей высокими травами, кустарником, лозняком и вишней. И только по обвалившимся трубам можно определить, где избы были. И я — единственный житель деревни, хозяин всех её подвалов, в которых можно спрятаться, а то и нашарить чего-то съестного. Харча у меня не было, но сытость от схомяченной пайки ещё не прошла. Я всегда съедал всё до «командировок»: ни груза и ни объёмности, и руки свободны. И уж если подышать, то в сытости. Вода рядом, никого вокруг, а что-то искать днём рискованно. Очень подходящее обстоятельство поспать. Как говорил разведчик Кувакин: «Если сыт, одет, обут, то какой нам нужен труд?» Правдиво. И я до полудня отлично выспался. А дальше предстояла мне, может, и не работа, но и не безделье: добраться и разобраться, что за траншеи роют по верхотуре за речкой Кромой и что

это за блестелка. Эти задачи решил я быстро. Траншеи рыли деревенские девки и бабы, некоторые даже с подростками вроде меня, которые помогали разравнивать на брустверах землю. И я объявился среди них и тоже стал помогать, как свой. А наблюдательный пункт оказался дразнилкой: рядом с вырытым блиндажиком, тут же, у траншей, на треноге установлен был вроде озеркаленный глобус. И немец время от времени вертел его, бликуя. А при обстрелах скатывался в блиндаж.

Обстреливали наши работающих частенько, но глубокие траншеи уберегали хорошо, хотя были всё же и убитые, и раненые. Узнать всё это было несложно. Дополнительно я ещё и определил, где размещены тяжёлые миномёты, так нам досаждавшие. Но вот другое — определить судьбу пропавших разведчиков... Такие не сдаются. Далеко в тыл, где немцы ещё не эвакуировали население, вряд ли ушли: там легче взять языка, но вернуться с ним при таких заграждениях... Залечь они могли только в безлюдных зарослях деревень Шепелёво и Жирятино, о которых меня и расспрашивали до этого. Искать их здесь, искусных в маскировке, ни днём, ни ночью задача для меня непосильная. Я всё раздумывал, крутился на копке траншей, и с верхотуры эти села как на ладони. В соседних сёлах — Неживка и Новосельцы — не все дома сгорели. И хотя жителей из них эвакуировали, но было людно: в домах немцы, рядом — укрытая техника, а в ближнем овраге эти проклятые миномёты. Там разведчикам делать нечего. И мне их там не найти. Но я всё раздумывал.

Где-то уже под вечер наша артиллерия такую развела трёпку по копавшим траншеи!.. Не знаю, сколько погибло, но тренога с бликующим шаром полетела вверх, а немца в блиндаже присыпало основательно. Я был по близости, в траншее, всё это видел, но остался цел и только оглох. Когда затихло, ещё какое-то время из траншей никто не вылезал. Только плач, стоны и ругань и по-русски, и по-немецки. В полутьме немцы собрали своих убитых и раненых, а на остальных наплевали. Страха во мне не было. Я не раз бывал под немецкими артналётами мощнее этого. Меня занимало другое: глобус и хозяин глобуса, а точнее, его вещмешок. Немцу, похоже, капут. Свои как-то в суматохе его и не хватились, а я им в поисках не помощник. Я уже давно голодал, а у немца точно была жратва. В нетерпении моём показалось очень долгим время, пока все по темноте покинули это поле. И тут я, как землеройка, начал раскапывать обрушившийся блиндаж руками и куском какой-то деревяшки. Показавшиеся ноги в сапогах меня не заинтересовали, но рюк-

зак я всё-таки нащупал и вытащил. В нём действительно нашлось что пожевать. И в толстом сосуде даже какое-то тёплое поило. И ещё всякое тряпье. Рюкзак удобный. Повезло мне: сытно, тепло, безопасно. Больше не надо ничего трогать. Немцы, конечно, завтра будут искать своего. Найдут и увидят, что кто-то похозяйничал. И начнут искать. Потому надо было немца прикопать. Делать этого не хотелось, но опыт — в таких делах мелочей не бывает, а забытая мелочь порой убивает. Разведка это знает. И я начал прикапывать. Но тут вдруг сапоги задёрнулись. Жив немчура. Мне бы бежать, но рюкзак со жратвой за что-то зацепился. И я, как привязан, — бросать провизию мне ой как не хотелось. Пока освобождал рюкзак, немец зашевелился ещё больше, захрипел, застонал и даже забормотал что-то. Пристукнуть бы его, но до головы надо было ещё добраться. И я стал непонятно почему раскапывать это чудо. Пусть идёт к своим, а я к себе с его рюкзаком — и мы квиты. Но оказалось, что идти-то он и не может, а только ползти на локтях, хотя видимых ран кровоточивых я на нём не углядел. Он всё мычал и старался ухватить меня за руку, и я боялся, что он укусит меня. Но он — нашёл кому — всё целовал мне руку и плакал. И мне как-то жалко стало его, убить жалко. А оставить в живых и бросить — он в муках сдохнет до утра. Куда-то тащить его? Он большой и тяжёлый, через передовуху и двум-трём мужикам вряд ли под силу. А и возвращать его немцам никак нельзя. Он враг, а врагов надо уничтожать. Но рука не поднималась, хотя тут — и стойка от треноги, и лопата. А немчура в бессилии: то старается ползти, то совсем затихает. Жалко человека. В блиндаже я нашарил плащ-накидку, вытащил, расстелил, закатил немца на неё и потащил волоком к речке по мокрой траве, благо пошёл дождик. Зачем тащил и зачем к речке? Топить я его и не думал. И как перетащил через речку, мелкую, но илистую, не помню. Но к рассвету я натаскал в подвал полыни и бурьяна, забросал всё это на немца, пребывавшего в беспамятстве, а сам забрался в печку с обвалившейся трубой. Начало траншейных работ я проспал, днём к немцу наведаться тоже не решился. И надеялся, что он всё-таки околел. И в поисках разведчиков — безнадёга.

А оказалось, что разведчики, считай, на второй день меня выследили на траншеях, но никак не могли определить, куда я «ныряю» после траншейных работ.

И нашли по звукам, когда я таскал воду из колодца, чтобы напоить немца, который при тусклом свете с уже осмысленным ужасом смотрел на склонившихся над ним разведчиков. Трое из пяти — двое погибли при попытке выйти с языком к своим.

Кувакин считался (и сам себя так считал) знатоком немецкого языка, хотя профессионал-переводчик предупредил, чтобы «зна-току» в переводах не доверяли безоговорочно. Теперь Кувакин целый день донимал немца вопросами. Из всех допросов согласились все трое, что мой немец — язык бесценный, а точнее, без всякой цены, а если учесть его физические данные — вес, возможность в передвижении, то язык вредный и абсолютно ненужный.

И меня всё пытали, зачем я его тащил и что собирался с ним делать. Может, хотел немецкую награду получить за спасение воина германского. Выходило вроде бы так. Хотя ни о каких наградах — ни немецких, ни советских — я никогда даже не думал. В основном мыслил я всегда о жратве, опасности сиюминутной и ночлеге.

Разведчики, оказывается, с языком определились: «лёгкий, на своем ходу, офицерик», но не находили удобного «лаза» через линию фронта. И, как и раньше, предложили мне роль проводника. Я и сейчас отказался, окончательно испортив отношения с разведчиками.

«Врага любить — себя убить, — изрёк Кувакин, любивший рифму. — Это в шутку. Хотя наказать тебя следовало бы. А твой немец... Разбирайся с ним сам. Но на два дня этот экспонат должен быть, как тухлая селедка, законсервирован». С тем и разошлись. А уже на следующий день по темноте встретились — раненный в плечо Кувакин морщился от боли, не балагурил, а жёстко заявил: «Пойдёшь со мной... безотказно... Хоть под пистолетом. Видишь я какой, а у меня нужный офицерик... Ребят уж не вернуть, а и мне по-пустому не дано возвращаться...» Он что-то сказал немцу, тот закивал, подставил руки. С моей помощью связал их. Под спину гранату с бечёвкой, а ещё и кляп в рот. Всё предельно понятно. И немец понимал свою обречённость, но не дёргался. Мы вышли из подвала. Привязать бечёвку — растяжку от гранаты — к двери поручил мне, потому что одной рукой у него не получалось. Даже ремень на штанах его пришлось расстёгивать мне. И пока Кувакин освобождал своё чрево, нарушая звуковую маскировку, я развязал бечёвку, скатился в подвал, обезвредил гранату, вырвал кляп изо рта. Очень жалко оставлять рюкзак, но с ним под проволокой — беда. И я подтолкнул его ближе к немцу, а руки развязывать было уже некогда. Я не понимал, зачем я это делаю, и как будто это не я. Но мне стало легко и спокойно. Думаю, Кувакин этой вольности не заметил — или не хотел заметить. И весь он был какой-то отстранённый, губельно уставший от раны, потери своих друзей и невыполненного задания. Тоска и слабость были в нём. Я прямо чувствовал это, как запах гнили.

Постояли. Я думал, что он проконтролирует растяжку — нет. Он ощупывал тяжёлый пистолет моего немца, потом из кармана достал отечественный лёгкий наган и передал его мне. «Почаще показывай ствол офицеру, когда будем идти с ним», — сказал. И мы пошли в ночь под несильным, но ветреным дождём. И уже на выходе из Жирятино у рухнувшего сарая наш орденосный офицерик лежал с гранатой под спиной и растяжкой: «Не шевелись». С этого конца села переходить линию фронта я не любил: много открытых мест. К моему маршруту мы, мокрые и молчаливые, дошли только ближе к рассвету, к самому удобному времени, чтобы «поднырнуть» под колючку.

Мы и поднырнули, в прямом смысле — в ручье. Я привычно поднырнул первым и направил наган на офицерика. С кляпом во рту он говорить не мог, но и со связанными руками нырять — это дёрнуть проволоку. Кувакин почти в отключке, а сообразил и резанул верёвки. Опасаться, что офицерик дёрнется, не стоило. Он смышлёным оказался и давно понял, что в ночи и здесь мы одно целое: разбираться не будут и секанут всех. Офицерик поднырнул хорошо, а потом помогал мне, или я ему, аккуратно перетащить Кувакина. Дождь нам сопутствовал. Мы пошли в рост, потому что ракеты не пробивали дождливую темень, а ещё и потому, что сил у нас не было на ненужную маскировку. Офицерик изредка, как-то по-свойски, поправлял Кувакину повязку.

В свои окопы мы свалились незаметные, одуревшие от напряжения и усталости. А когда нас обнаружили, то офицерика оккупировали сразу же штабисты, нас тоже пытались выпрашивать, но больше — меня. Потом Кувакина, а за компанию и меня, забросили в госпиталь. Спал я, наверное, сутки, а когда проснулся, то сосед мой по лежаку, раненый, подал мне листок помятой бумаги. «От приятеля твоего. Везёт парню. Отправили в тыл на излечение», — хмыкнул он.

Я развернул листок. Каракулями, видно, писано левой рукой, было начертано: «Останусь жив — найду тебя. Живи, сынок, людей любя. Кувакин».

Что в этих строчках такого было? Но я истерично завопил у всех раненых на виду.

И никто не обсмеял меня — и я понял, а все это знали, что Кувакин не сможет найти меня.

Никогда не сможет.

Вошла женщина-врач. Такая домашняя. И мне захотелось прижаться к ней, уткнуться в её живот, чтобы никого не видеть и не слышать. Она это почувствовала — обнимала, гладила меня

и что-то спрашивала, а я не понимал ничего и сказать не мог: голос заклинило. Потом япил какую-то вонючую жижу и снова спал, а когда проснулся, то вздрогнул от ожидавшей меня доброты:

— Поедешь к моим, с эвакогоспиталем. Они устроят тебя в интернат, — так обрадовала меня прекрасная врач. Поблагодарить её и что-то объяснить я не мог: речь ещё не восстановилась.

Но ужинал я уже в ОИПТД: помятый котелок, ложка со сломанной ручкой, горячая каша и это моё солдатское окружение, которое и молчание моё понимало, и само сочувственно молчало. Я был у своих, у себя дома, на передовой.

Пушечный дивизион этот был истребительно-противотанковый, раскрывать себя на другие цели не имел права и технических возможностей. Но это я узнал позже. Пока большую часть дня я учился «читать карту» и определять расстояние в метрах, используя протяжённость известных объектов на местности, а также условные обозначения.

Просто читать я умел хорошо и даже не помнил, где я этому научился. Может быть, когда сестра делала свои школьные уроки. Но к «чтению карты» я прилип с полным осознанием необходимости этого дела. Тем более на батаре даже намёка не было на эвакуацию меня в тыл. Да и польза от меня имелась, как я понял из услышанного разговора командира с кем-то из прибывших старших. Так в течение недели мы вместе с ординарцем лепили из глины в масштабе местность, которая была перед нами, фронтально и с флангов. Работу оценили, потому что я знал здесь глубину каждой рывины. Мой дивизион на десять дней по этому делу сдал меня вместе с ординарцем соседям, и не безвозмездно.

Вот так я и стал как бы полноправным бойцом — топографическим разведчиком. Основная моя задача — наблюдать, выявлять цели с последующим отчётом перед старшими. Свой хлеб я ел уже не зря. Стал хорошим, а главное, надёжным наблюдателем, но больше склонным к индивидуальным действиям. Здесь уже сказывался мой характер: я и в раннем детстве любил играть в прятки, бродить в одиночку в поисках нужного мне и обладал, как говорил дедушка Колдун, собачьим терпением при воровстве с чужих садов и огородов. Что было, то было. И это пригодилось.

Иногда я выбирал место для наблюдения на «нейтралке» и приносил данные, которые с наших позиций никак не увидеть. За это же иногда получал «вялый нагоняй», но не более того.

Нагоняй — поскольку это был фронт, передовая, практически в распоряжении пехоты. И обстрелы здесь не редкостью, и люди гибли от осколков и пуль снайперов. Однако всё это — обычное и привычное, закон фронта.

Уже начиналось лето, и «бои местного значения» случались всё чаще. Соответственно, чаще приходилось менять позиции батареи. Немецкие орудия и тяжёлые миномёты, стрелявшие с хорошо обустроенных и замаскированных позиций, усложнили нашу фронтовую жизнь: тяжелее стало со снабжением, чаще погибали люди. Может, ещё и потому, что людей стало намного больше, а траншей накопили столько, что, как говорили, по ним можно было дойти до самого Курска. И все чего-то ждали. Только авиация несмолкаемо гудела: и наша, и немецкая.

Над нами постоянно висела «Рама» — немецкий самолёт-разведчик, а наши «ястребки» кружили над ней, как осы, и никак не могли её поразить. Но один всё-таки решился на таран. «Рама» кувыркнулась, лётчики раскрыли парашюты и приземлились на нашей стороне, где их и пленили. О нашем лётчике слухов не было, но и парашюта с «ястребка» тоже никто не заметил. Видно, погиб.

Ещё до этого напряжённого времени я пару раз добирался до своей деревни своевольно. Жителей в ней не было, а в деревне по балке вдоль речки, которая никак от нас не просматривалась, было очень много всякой немецкой техники: машины, броники, пушки и даже танки. Всё это понаблюдав я в первый раз, а в последний была та же техника, но вся погорелая и пустая. Видно, очень хорошо отбомбились наши самолёты.

Однако я всё-таки высмотрел там тяжёлые шестиствольные миномёты, обустроившиеся в так называемом «страшном рве» — узком, протяжённом, поверху заросшем, а внизу — с ручейком, где водилась плотва и можно было набрать грибов — «гливы». Засечь и поразить эти пушечки от нас, как я уже понимал, было непросто, а точнее, невозможно.

Самовольство моё с посещением деревни раскрыли разведчики. Когда и как они это сделали, я так и не узнал, но нагоняй получил. Не турнули меня из дивизиона только потому, что я приволок целую охапку всяких немецких карт из разбитых и погоревших машин. Они были намного точнее наших. Потом и вовсе заговорили о том, как бы у этого оврага соорудить «значок».

Разведчики отнеслись к этому с большой неохотой как к делу безнадежному и гибельному: колючая проволока протя-

нулась на многие километры, а противопехотные и противотанковые мины закрыли поля сплошным ковром. При этом — же вражеские огневые точки и налаженное круглосуточное наблюдение.

Но разговоры о «значке», «маячке» не прекратились. После особо чувствительного обстрела кто-то съехидничал над разведчиками: мол, пацан линию передовую переходит, как с печки на лавку, а разведка наша — дальше сортира ни-ни. «То было ранее», — возразили разведчики. Кто-то хлопнул меня по плечу: «Видишь, как тебя обижают». Если бы не этот хлопок, то я бы смолчал: ссориться с разведчиками мне и подавно не хотелось. А тут я ляпнул, что и сейчас могу пройти на передовуху. Вдруг разговор неожиданно притих: над нами стоял командир взвода топографической разведки дивизиона. Он тоже молчал и пристально глядел на меня.

— Значит, пройдёшь? — подытожил он, — а «маячок», где надо, тоже можешь поставить, коль перейдёшь передовуху?

— Про «маячок» я не говорил, — ответил со скрипом я. У меня что-то снова стало клинить речь. И тут начался обстрел, и все разбежались по укрытиям. Это было такое облегчение, потому как тащиться с каким-то «маячком» мне совсем не хотелось. Но разговор был запущен. А «маячок» оказался небольшой дымовой шашкой-ракетой. Меня не уговаривали и, как будто о деле решённом, долго объясняли, показывали и тренировали обращению с этой штукой. Было интересно и очень красиво, когда она взлетала, а потом плавно и долго опускалась, дымя разноцветными брызгами. Два дня я на макете всё доводил до автомата: с закрытыми глазами устанавливал, запускал и бежал прочь. В дополнение мне вручили настоящую зажигалку-бензину, которую я не очень-то и оценил: мой термитный патрон на поджог мне представлялся и проще, и надёжнее. Сделали и сумочку-вещмешочек для сухого пайка. Я не отказался, но съел всё ещё до перехода линии фронта. Опыт мой выработал во мне недетское понимание опасности: ничего лишнего в вещах, а еду, если есть, надо съесть.

Вся эта муторная подготовка продолжалась неделю: ночи короткие и светлые от луны, а непогодой и не пахло. Но когда к вечеру поднялся хороший ветерок и пустые банки на проволочных заграждениях беспричинно стали погромыхивать, я пошёл. Ничего необычного не случилось. По кустам, по ручейкам и щелистым овражкам я уже к утру обосновался в погребе своей сгоревшей деревни, припрятал «маячок» на всякий случай в сгоревшей печке, а сам, как безобидный оборванец, дремал и запоздало сожалел, что досрочно схомячил весь сухой паёк.

Ещё из последнего посещения деревни я видел, как немцы к вечеру выкатывали пушки и миномёты из длинного «страшного рва» и лупили по нашим, а после стрельбы увозили. Какой вот момент выбрать, чтобы их накрыть?

Когда немцы стреляют, нашим не до стрельбы. Вывозят и устанавливают технику немцы быстро, а вот увозят дольше, потому, видно, что и гильзы собирают.

Продвинуться мне к оврагу было несложно. Узенькая, заросшая и кое-где топкая речка — ручей Крома — извивалась до самого оврага, и в её русле я знал каждый поворот, каждый камешек на дне её. А рядом с оврагом, с краю его, — копёшка то ли сена, то ли соломы прошлогодней как бы и укрытием могла стать. Было очень жарко и недвижно, только слышались весёлые голоса и плеск воды. Это мне было непонятно, но как я позже узнал, немцы в овраге перегородили ручей и сделали пруд, в котором и мне по освобождении деревни потом не удалось поплескаться.

А пока я думал, куда бы мне приладить «маячок». Пристроил его я на затылок: решил идти по речке, а к сырости маячок был непригоден.

Выспавшийся, отдохнувший, по заросшей вишняком и лопухами бахче я сполз благополучно в тёплую речушку и пошёл её кустистыми берегами, готовый каждую минуту выбросить «маячок» и изобразить из себя сиротку-бродягу. Но никто меня не спугнул и не окликнул, и я разлёгся под кустами у самой копёшки соломенной, очень обстоятельно установил «маячок» и стал ждать. Выжидать мне было в привычку и не тяготило, как других, потому и время вроде прошло быстро.

Да и размышления пришли другие: сигналить на выезде, до стрельбы, а то знай, как они по нашим напрямую всыпят.

Овраг — «страшный ров» — тянулся по логовому склону, на который и выкатывали миномёты и пушки. Немцы ещё продолжали воевать «по часам». Долбили они нас хоть и ожидаемо, но основательно. И я не запускал сигнал, пока вся эта техника не вылезла из оврага.

Потом запустил свой сюрприз, и он пошёл, дымный и быстрый, но от него загорелась солома в копёшке, подсыхая в эти жаркие дни. Мне некогда было смотреть по сторонам. Сквозь траву и кусты я бросился в речку, занырнул ближе к берегу, и на меня сразу же посыпались листья и ветки, срезанные пулями. Видно, меня заметили.

Страха не было. Родная речка всегда помогала мне и успокаивала. Я шёл к деревне, заныривая и отталкиваясь от дна. Потом громыхнули позади взрывы снарядов, но листья и ветки

уже не сыпались в речку. Похоже, немцам теперь было не до меня. А когда я добрался до своей деревни, заросшей бурьяном, бузиной и густой вишней, то совсем успокоился: здесь меня найти — что иголку в стогу.

Долбёжка немецких позиций продолжалась, и над ними колыхался густой чёрный дым. Любопытно бы посмотреть, что там делается. Но у меня были уже другие заботы — как возвратиться при том, что меня обнаружили. Оставаться безопасно — значит, не маячить. Но чем жить, что жрать? По темноте я разыскал подвал дедушки Колдуна. Пожевать ничего не нашлось, кроме подвешенных высохших кочанов капусты. Здесь я и устроился.

Потом пошли дни непонятные и гремучие. По дороге то в одну, то в другую сторону мчались машины с пушками и солдатами, в воздухе ревели самолёты. Бомбёжка и артобстрелы. До меня, похоже, никому не было дела. Я обнаглел, облазил почти все подвалы деревни и у Жирятинского моста обследовал разбитые машины. Брал только то, что можно было пожевать и налегке унести. В одну из ночей я столкнулся с колонной немцев, скорее с толпой — молчаливой и безразличной. Прошли мимо, а я почему-то совсем не испугался и не побежал.

Вообще, эти несколько дней и ночей были неумолчными, а потом уже началась трескотня, ружейная и автоматная, и через деревню пошли наши танки, и два из них сразу же на выезде подорвались на минах. К вечеру я уже сидел у своего подвала с нашими бойцами-пехотинцами. Над костром в ведре что-то булькало, пахучее и вкусное. Но я не был голоден, до этого нажравшись дарёной американской тушёнкой. Потому и заснул тут же на охапке бурьяна. А когда утром проснулся, то рядом со мной — тоже сонный — сидел раненный в ногу боец.

— Здоров ты спать, — заявил он. — Вставай. Мне помогать будешь за санитаря, за ординарца и за кого ещё, потом разберёмся. А что не так — как дезертира на фронте... — И навёл на меня ствол карабина.

Я мгновенно упал в траву и скатился к речке. И сколько ни призывал меня раненый, кричал, что пошутил, что будем друзьями, я не вернулся. Пошёл, уже не прячась, своим старым путём через бывшую «передовуху». Но что это было? Сколько разбитой техники, сколько убитых, горящая земля и трава, какой-то постоянный гул.

С трудом я разыскал расположение нашего дивизиона, которого уже и не было: перевёрнутые изломанные пушки, пустые снарядные ящики, разорванная, уже вся в мухах коняга и брат-

ская могила — холм, над ним станина от пушки, увенчанная пробитой каской. Я не помню, когда я до этого в последний раз плакал, у меня как-то не было слёз, но здесь я сидел на разбитой пушке и ревел. Не знаю, по ком я голосил. Ведь в моей жизни уже столько было потерь, столько смертей я видел — и держался.

После полудня, видно, заметили меня с дороги. Подошли военная девушка и пожилой солдат. Они как-то без слов, как своего, довели меня до своей подводы и привезли в Лисицы. Народу и техники здесь было — не пройти, не проехать. А я снова оказался один.

Разыскивать партизан и партизанские семьи мне совсем не хотелось: начнутся расспросы, и особо о Фёдоре. Про это я никак не хотел вспоминать. Да и сказать было нечего: я его оставил ещё живым, а как было дальше — незнамо. И я пошёл в своё село. Пёхом. По открытой дороге. Без привычного ожидания артаналёта. Даже самолётов стало в небе как-то меньше. Но людей, техники всякой — бесконечный обоз. И всё движение какое-то спешащее, напряжённое.

Я пытался идти по обочине, но военные несколько раз окликали меня, даже ругали: мины. Поля натыканы минами, и даже те, кто собирал по полю убитых, ходили медленно и осматривательно с миноискателем.

Было очень похоже на грибную охоту.

Окрикам я подчинялся — выходил на дорогу, но ненадолго. С минами я давно был знаком. Мой первый учитель — одноногий боец-сапёр, которого бабушка прятала у себя. Его наши санитары при отступлении не успели эвакуировать, а немцы с такими ранеными не церемонились — лечили быстро и до смерти. У бабушки было много забот, и ей не до разговоров с сапёром, а моё любопытство и его со мной беседы от скуки очень многое во мне оставили.

Может быть, в моём блуждании по полям прошедших боёв, как на практике, пригодилась устная школа одноногого сапёра. Может, и жизнь мне она сохранила не раз. Я всегда хотел учиться, узнавать что-то новое, и эта тяга осталась у меня на всю последующую жизнь. В моей памяти хранилась куча примет, по которым можно было определить не только место установленной мины, но и её тип, способ разминирования. Сапёр говорил: «Если мина бою не помеха, оставь её с маячком. Разминировать нужно только по необходимости, а не ради любопытства».

Мой миноискатель — глаза и память. И я от дороги свернул в поле и пошёл, никем не обгоняемый и не наставляемый. Вошёл в село напрямиком. Если только можно назвать селом место, пол-

ностью выжженное, забитое погорелой техникой, с тошнотворным запахом от убитых животных, зарастающее бурьяном и кустарником. Но уже кое-где суетились возвратившиеся из ближних тыловых сёл эвакуанты.

Через пару дней вернулся с семьёй и мой дядя. Они все живы и сразу вместе с тётей стали работать на своей усадьбе. Мне поручение — искать землянки, где хорошие брёвна, чтобы их использовать для строительства хаты. Так я оказался в «страшном рву» и посмотрел, что там натворила наша артиллерия по моему «маячку». В самом овраге разрушений не так и много, а наверху — навал из разбитых миномётов, пушек и тягачей. Но главное, во рву были добротные землянки, обустроенные с немецкой аккуратностью, и пруд, в котором я по такой жаре искупался. В речке купаться мне хотелось, потому что в ней много убитых: и наши бойцы, и немцы. Дядя со мной осмотрел землянки, отметил некоторые и сказал, чтобы я здесь побыл сторожем и днём и ночью, потому как в деревне спать негде. Вот так и началась работа по восстановлению села.

ВСТРЕЧИ

Моё участие в восстановлении деревни первоначально было самым активным. Как сторож отмеченных дядей землянок и как исковик таких землянок и прочих вещей, которые могли бы пригодиться в хозяйстве, я был, по словам дяди, незаменим. Это мне по характеру — блуждать в одиночку, постоянно раздумывая и фантазируя по любому поводу. Но потом появилась и определённая: раненый боец, назвавший меня дезертиром, остался в деревне для организации сбора и охраны стрелкового оружия. Сдавшим такое оружие полагалась банка американской тушёнки. Для изголодавшихся это хоть какая-то подмога, потому как иного источника пропитания и помощи не просматривалось.

Сбор оружия стал активным, и боец-охранник Лёша стал важным и нужным, но, по моему понятию, дурковатым. При виде меня, сдающего оружие, он заржал, как норовистая лошадь в узде: «А, дезертир припёрся», — и направил на меня ствол винтовки.

Я мгновенно, без раздумья нырнул в ближние кусты, потом по ручью всё дальше. А вслед мне только мат: «Дезертир, дезертир! Возьми свою тушёнку, иди, бери!» Но я не вернулся и в деревне к этому месту сдачи оружия больше не подходил. Но оружие собирал, собирал больше, чем другие, потому что хорошо знал поля, а главное, знал, где больше всего полегло лю-

дей в боях. Сдавал я оружие через ребят и взрослых «по условию»: полученная тушёнка напололам. Однако житуха в деревне мне опротивела: уже и ребятня посматривала на меня, как на труса, да и кличка «дезертир» стала прилипать ко мне и злобить меня.

Защитить меня было некому: брат уже в армии, а у дяди своих забот хватало.

Только одна попытка была как-то избавиться от меня и устроить в открывшийся в Кромах детский дом, но неудачная. Я сын врага народа, о чём был осведомлён директор детдома — давний житель нашего села. Но дядя просил. Жаловался на то, что своих трое: ни кола, ни двора, и урожай стихийный. А старший сын погиб на фронте недавно.

Директор терпеливо слушал и в который раз объяснял, что это первый детский дом для детей офицеров, но не для детей врагов народа.

Тут же стояли ребята — слушали и с любопытством рассматривали меня. Директор не устоял — пообещал связаться с каким-то обычным детским домом и передать меня туда. А пока оставить у себя. Дядя благодарил, тряс директору руку, приглашал погостить, после чего как-то поспешно засеменил домой.

Я остался. Обед был сытный, по моим представлениям, и некоторые ребята не всё съедали. А после обеда мои попытки пообщаться натолкнулись на такое противодействие, которого я никак не ожидал: ты враг народа, а с врагами надо только сражаться.

Кто-то тонко выкрикнул, а потом начались тычки и мелкое избиение. С кем было схватиться в драку, не определишь. Бьют все. Я рванул к выходу через коридор, но и здесь меня готовы были встретить. Все кричали: «Бей врага народа!» Я понял, что мне здесь не место. Надо уходить. Рванул из кармана постоянную спутницу и кормилицу при рыбной ловле — гранату немецкую — яичко. Крик смолк на мгновение, коридорная свалка из ребят выкатилась на крыльцо, и я свободно и с превосходством покинул этот дом, который показался мне совсем не детским. Оглянулся. На крыльце в окружении ребятни стоял одноногий директор, грозил мне и что-то кричал.

А я всё раздумывал. Смог бы я бросить гранату в ребят или нет? Но однозначный ответ не получался. Уже к вечеру по дороге в деревню гранату я бросил в пруд и поужинал мелкой рыбёшкой роскошно — с солью и хлебом, которые по уже давно сложившейся привычке спёр. И солонку, и кусок хлеба я захватил в негостеприимном детском доме.

Следующие несколько дней я по давней привычке бродил в поисках съестного, даже подходил к своей кормилице — машине-шоколаднице: немца в машине уже не было, а сама машина сгорела. Вокруг неё в пожухлых травах я смог отыскать только две шоколадные банки, но шоколад в них оказался твёрдым и горьким. Попался немецкий солдатский рюкзак, и в нём немного раскрошенного печенья, булка и какие-то пузырьёчки с жидкостями разными. Остальное не для еды: ложка, кружка, котелок. Вспомнил, что мне надо возвратиться к дяде, когда нашёл пилу, два топора, молоток и коробку гвоздей.

С этим добром дядя встретил меня по-доброму: «Что, подрался с ребятами?» — спросил. Я кивнул. Расспрашивать дядя не стал. Некогда. На том всё и успокоилось.

Я частенько вспоминал дедушку Колдуна — он бы подсказал, что надо делать и как урезонить Лёшу — охранника теперь уже такой большой горы оружия. Я понимал, что он не убьёт меня и ствол винтовки, направленный на меня, даже не угроза, а просто дурь-забава, пуганье. Но побороть свой животный мгновенный страх никак не мог.

К поздней осени, где-то уже в ноябре, сарафанное радио донесло, что ребята, мобилизованные в армию, проходят то ли обучение, то ли службу где-то под Брянском. И что кормёжка у них не лучше, чем в тюрьме. В селе это обсуждали, потому что село ожило, получило помощь на колхоз и даже семена для посева на весну. Да и картошка в ямах сохранилась, хотя и с гнильцой.

Молодки — невесты и сёстры мобилизованных ребят — кучковались, подсушивали сухари для передач и решали, кто повыносливей, чтобы пёхом добраться до Брянщины. Это был самый подходящий случай уйти из села, где я был вроде как и обузой, и упрёком в своём необустроенном сиротстве. И я пошёл с нашими женщинами — пятеро невест. Никто меня и не держал, и не напутствовал. Причитающаяся мне помощь от колхоза уместилась в узелок сухарей и две банки тушёнки. Так и пошёл я «в свет».

До Брянщины шли где-то двое или трое суток. Останавливались на ночь в деревнях в хатах что победнее, и кормились на подачках от постояльцев. Брянск мне показался бесконечно длинным, со множеством военных и военной техники. Женщины-то наши всё выпрашивали, а им в шутку бойцы — и молодые, и постарше — предлагали себя в женихи. Эти перебрёхи как-то мне поднадоели. А тут ещё сытный запах из военной пекарни застолбил меня. Так я и потерял своих женщин.

Сказать, что я испугался или расстроился, — нет. Просто я знал наперёд, что так и должно было случиться. Город — это было для меня новое бытие, в котором я чувствовал себя не очень уютно. Да и милостыню здесь как-то просить не получалось. Но голод не тётка. Надо было приспособливаться. Наблюдая за жизнью города, за такими, как я, бездомными ребятами, я понял, что надо держаться стихийных рынков и барахолок и быть всегда готовым и к мелкому воровству, и к наказанию за таковое.

Моё первое знакомство с этим промыслом произошло уже в Белых берегах — недалеко от Брянска, а сказать точно — вроде как в пригороде Брянска. Там на стихийном базарчике торговали в основном пожилые тётки и бабки. Товар — варёный картофель, пироги, блины и даже творог. Меня толкнуло туда отчаяние, а потом уже и членораздельный крик: «Лови, лови его!..» И я увидел бегущего и на бегу жующего мальчугана. Он споткнулся, упал, но продолжал жевать даже тогда, когда мужик с красной повязкой на рукаве надел на него. Тут и бабушка подскочила к нему и встала, вся взъерошенная и в слезах. Но умолкшая и какая-то виноватая. А потом и вовсе расстроенная. Сгневом высказала мужику: «Да что ж ты его, сирого, давишь, креста на тебе нет, дай хоть прожевать, а то ить подавится». Мужик молча встал, расправил одежду.

— Чего ж ты орала, дура?! Всегда вы орёте, а потом жалоститесь, чесотки на вас нет, — и отошёл.

Мальчишка вскочил, кинулся к дырке в заборе, где я стоял, и сунул мне в руку пирожок со словами: «Схавай, я уже нажрался». Но как-то я не решился на виду у всех хавать пирожок. Мальчишка хихикнул, сплюнул и авторитетно заявил: «Не дрейфь. Бабки здесь добрые. А что орут — так это для цирку. Тут свои могут уделать до крови, потому как я на их поле траву рву. Смываемся...» Он нырнул за забор, и я за ним. Потом недолго шли мы по каким-то переулкам и заросшим бахчам, пока не скатились по обвалившейся стене в подвал. Здесь было темно и тепло. Ребяшня, человек десять-пятнадцать, занималась кто чем: карты, орлянка, ножички.

— Ну что принёс, Грач? — начальственно спросил один, уже не ребёнок, а переросток с культёй вместо левой руки. Мой новый знакомый — Грач — отвечал неробко и даже весело:

— Выручил вот неуча, а теперь буду его в люди двигать. А вы сами его обучите? Или кто ещё претендовать хочет?

Но никто не изъявил желания связываться со мной. Грач дёрнул меня в дальний угол и там, разлёгшись на наваленном тряпье, кивком предложил мне место рядом.

Потом был долгий, не очень связный рассказ о себе, о том, как прокормиться. Оказалось, что Грач (Грачёв Валька) из минских эвакуантов. При бомбёжке эшелона отстал от матери и сестёр и уже больше двух лет «на вольных хлебах».

— Со мной не связываются. Я битый. При немчуре воровал не только для себя. Я, брат, в комендантский час пекарню немецкую обчистил и вот эту ораву накормил. До утра всё сожрали, чтобы ни крошки не осталось при обыске. Потому и ни петли, и ни расстрелу, а так — задницы кнутом погрели и всё. Сейчас что — рай. Побьют, не покалечат, а ещё и пожалеют. Давай храпанём, а потом обскажу, что и как.

С Грачом было легко подворовывать и выпрашивать: он чем-то сразу располагал к себе, а у меня была роль отвлекальщика — обозначал очень явно готовность что-то выхватить, украсть или отвлечь разговорами. «Я нацеленный», — говорил о себе Грач. И действительно, если он на что-то нацелился, то сопрёт, и наказание его никак не страшило.

— Тюрьму для малолеток ещё не открыли, а посидеть в милицейке — это как награда: есть где спать, да дают жрать. Не то что у немчуры, — просвещал он меня.

Становилось холодно. Одежка на мне поизносилась, а Грач вообще был в летней форме: пиджак со взрослого вместо пальто, солдатские галифе и обувь, которая не подходила ни под одно название — вроде онучи, привязанные к подошвам. По причине похолодания Грач нацелился на «тёпленькую одежку».

Как-то утречком после холодной ночки, озябший и охрипший, он заявил: «Умёрз я, даже жрать не тянет. Пошли к складам, где военные всякую обмундиру получают. Там оно не то что у бабули блин слизнуть. А всё равно мне нужны ватные брюки и ватник, фуфайка. На полушубок я не тяну — за этой одегой следят по счёту ой как. Поймают на все сто... Да и в детдом отправят на позор всей компании», — промеж кашля излагал свою «целюху» Грач.

Два дня мы крутились возле вещевых складов, наблюдали, кто, что и как получает и выдаёт. Проще было стибрить у тех, кто уже получил и готов был погрузить и отъехать. Но Грач имел свой «принцип»: то, что уже получено, — это для бойцов, а брать надо у складских — они всегда выкручиваются с недостаточей да ещё иногда кое-что на барахолку за самогон сбрасывают.

Мы бродили в этом столпотворении военных, в чём-то даже помогали. Могли подкараулить машину с уже нагруженным. Кусок хлеба, сахарок, и даже тушёнку нам дали однажды. Но

интересовали нас только ватники, ватные брюки и валенки. На третий день, помнится, Грач всё-таки нашёл позицию и выдернул ватник из складской связки. Бежать он и не думал, а сразу надел ватник на себя и свободным шагом ушёл за ближнюю машину. На мне одежда всё-таки была потеплее, поэтому очень хотелось заполучить полушубок — белый, с тёплым воротником. Вот тут и случилась осечка. Когда я только притиснулся к огромной кипе этих самых полушубков и потянул, меня схватили чьи-то сильные жёсткие руки, и тут же меня обдало крепким махорочным запахом.

— Нравится шубка? — гукнул в ухо голос. — Не для тебя это шито.

Но когда он развернул меня к себе, то сразу ослабил руки, и на лице его была полная растерянность. Я тоже ошалел — передо мной оказался бывший партизан, помощник Фёдора. В военной форме со старшинскими нашивками. Мы стояли друг против друга и молчали.

— Вот так встреча, — сказал наконец он. Потом взял меня за руки и повёл к полуторке, уже загруженной. Водителю посоветовал прогуляться до полевой кухни и по талонам получить причитающийся харч. — А если там дежурит Семён, то попроси излишку. Скажи, что тут наш партизан объявился, — напутствовал он водителя. А меня он затолкал в кабину, завернул в тёплый белый полушубок, закурил и только после этого обернулся ко мне и коротко приказал: — Рассказывай.

— С какого места? — спросил я.

— А с того, как ты нас вывел, с госпиталя, — ответил он. Я его по имени не знал, но побитое оспой лицо запомнилось. Это он советовал Фёдору не брать меня с собою в ту ночную атаку.

Водитель с харчем не появлялся очень долго. Всё это время я говорил: рассказывал, где был, что делал и как оказался в Брянске. Сколько сигарок выкурил старшина за это время — не сосчитать. От дыма этого едкого у меня уже кружилась голова и глаза слезились. Но наконец-то появился водитель с котелками и не один, а с поваром — бывшим партизаном из тех семи-восьми человек, которых я вывёл к своим.

— Вот кто пожаловал?! — закричал он, тиская и целуя меня до боли. Потом уже старшина всё обсказывал Семёну за меня. Я объедался горячим борщом, закусывал всё это настоящим салом и тушёнкой, а партизаны выпили по чарке за упокой, и ещё — за здоровье оставшихся в живых, и ещё — за меня и за моё здоровье. Остальное я слышал смутно, меня потянуло в

сон. Только понял одно — обсуждают, что со мной делать и куда определить. Несколько раз я услышал слово «детдом». Грач говорил, что он и при оккупации, и при нашей власти срывался из таких домов, как с каторги. И что я смоюсь, если определят туда. А пока тепло и сытно, надо выспаться.

Спал я, в отличие от последних дней, спокойно и не проснулся даже тогда, когда меня перенесли в кузов машины между кипами обмундирования. Не знаю, сколько мы ехали, то ли долго, то ли нет. Когда проснулся, оказалось, что мы в лесу. Ряды длинных землянок и даже несколько изб и новых амбаров. Но явно не деревня: ни палисадных, ни заборов и никакого скота. Машину начали разгружать, а я уже сидел в кабине. Старшина был занят передачей на склад привезённого, водитель помогал ему. А я, как наблюдатель, притихший и вроде спящий, слушал, как старшина кого-то убеждает, похоже, офицера, принять во мне участие.

— Надо хорошо позаботиться. Он хоть и пацан, а только дел опасных сколько за ним, — гудел он. — Ну хоть на зиму, а то ить пропадёт. Нас спас тогда, а мы его куда? Скинем в детдом, лишь бы отделаться? Не по характеру ему детдом. Лихо военное знает, в том и останется.

Похоже, что убедить начальство не получалось. Я уже начал оглядывать местность, чтобы дать дёру. Но куда? Машину уже разгрузили, и она уехала, а я остался дожидаться старшину, который пошёл к начальству. Стоял я довольно долго и уже наметил, в какую сторону мне удобнее рвануть. Но всё не решался: уж так было многолюдно, и все в военной форме, а я один такой «не такой» и потому очень заметный. Но тут появился старшина, и наконец-то я услышал его смешную фамилию — Цыплёнков. Он привёл меня в большую землянку. Если бы в ней были окна, то внутри она — настоящая хорошая хата. Полковничья землянка.

И сам полковник — пожилой, с добрым лицом, в одной только гимнастёрке с орденами, прихрамывая, ходил, опираясь на длинный стол.

— Ну что, партизан, хочешь стать артиллеристом? — спросил он, улыбаясь.

— А я уже был артиллеристом, — ответил я.

— Ну-ка, ну-ка. Где и когда?

— В ОИПТД. Наблюдатель, корректировщик. И ещё ходок через передовую линию по заданию, — ответил коротко. Я почувствовал, что здесь мой шанс, потому как видел целую площадку с какими-то очень большими, но явно пушками.

— А где же твой ОИПТД? — спросил полковник.

И я, опять же очень вкратце, сказал, как по заданию перешёл линию фронта, поставил «маяк», но вернуться назад не смог, а когда вернулся, то увидел только побитые орудия, братскую могилу и убитых лошадей.

Полковник выслушал внимательно. Помолчал. А потом с какой-то горечью изрёк:

— Рановато взрослым ты стал. Сожрала война твоё детство. — Потом обратился уже по телефону к адъютанту: — Комбата Хотько ко мне.

Комбат Хотько оказался быстрым, но не суетливым. Капитан. Информацию обо мне выслушал молча. А на предложение принять меня в его батарею управления временно, пока не двинем на фронт, хоть вот на зимние холода, понимающе и согласнo кивнул.

— Место в землянке найдётся. Проблема с кухней, — сказал он.

Как я понял очень скоро, питание было по третьей тыловой норме и ещё частенько с недодачей продовольствия из-за нехватки его на складах.

— Паёк обычный, солдатский, — заверил полковник и, обратившись к адъютанту, приказал: — Продовольственникам поставить сынка на довольствие в батарею управления, а как и в каком качестве — пусть сами додумаются. Проверишь и доложишь. — Похлопал меня легонько по спине и подтолкнул к комбату. — Там у тебя комвзвода чуть ли не академик из Ленинграда, который очень хорошо обстановку на картах малюет. Пусть учит малого и этому делу, и по-школьному, чтобы без дела не сидел.

— Да, старший лейтенант Дурнев, бывший заместитель директора Ленинградского картографического института. Учит он охотник. Думаю, что парню с ним скучать не придётся, — усмехнулся Хотько. — Разрешите идти?

Полковник кивнул, и мы вышли.

После тёплой землянки полковника на улице уже было холодно. Хотько это, видно, отметил и что-то спросил у адъютанта.

— Значит, озадачить не только продовольственников, но и ОВС? — спросил адъютант. — Если уж взяли, то и обустроить по-хорошему.

Хотько пошёл по какому-то срочному делу, адъютант вернулся в полковничью землянку, а мы со старшиной пошли «по службам»: у вещевиков нам безоговорочно выдали тёплое одеяло, подушку и большой мешок, чтобы набить его сеном или соломой, соорудив так матрас. Женщина, военная, из сострадания и без приказа сдёрнула с моих ног чёбо-

ты, накрутила новые тёплые портянки и ещё разыскала хоть и поношенные, но настоящие валенки. На ногах моих наступил райский режим.

— Обшить тебя по-настоящему пока не получится, — сказала она мне, а старшину заверила, что через недельку займётся этим делом плотно.

Потом мы были у продовольственников, куда приказ уже дошёл. И со следующего дня я был приписан к кухне в батарее управления. Тут старшина взвился:

— А сегодня что? Давай он вместо тебя пообедает и поужинает. Ты тут для своего пуза наскребёшь тушёночки и сгущёночки. Я ж тебя знаю, хмырь болотная. Покажи расходную накладную.

Сержант-снабженец засуетился, хотел что-то сказать, но потом как-то обмяк и выписал на сегодня сухой паёк мне и старшине, который и на складе не чертыхался и не просил, а требовал. Складской служивый не обижался, громко смеялся и всё выдал, как он сказал, «с превышением почти до штрафбата», лично мне ещё дал банку сгущёнки и пачку галет, а старшине — полстакана водки. Цыплёнок выпил как должное, но не преминул заметить: «Вот как профессия человека учит всё половинить, а по полной — шиш».

Парень смеялся, предлагал долить до полной, но старшина отказался: «Пошутил я, а погреться и того довольно».

Землянка батареи управления была очень длинной, с двумя выходами, а по бокам сплошные нары. По центру стояла бочка-печка, которая топилась под наблюдением дневального. Для моего матраса раздвинули место в середине. Потом, пока мы пили кипяток с сахаром настоящим и ещё с добавкой сгущёнки, дневальный принёс для меня новенький котелок и кружку, а ложка у меня была своя.

— Нынче ложись и отдыхай, а завтра — под команду старлея Дурнева. Он будет твоим отцом-командиром. Смотри, распорядок дня не нарушай, не пререкайся со старшими и старайся больше слушать, чем болтать. Я буду к тебе навещать. Тут всё близко. Я — в артснабжении. Артиллерийское снабжение. Пушки снарядами снабжаем и кое-что ремонтируем.

Так напутствовал меня мой ходатай, старшина, который постоянным вниманием ко мне остался в памяти моей как самый мудрый и добрый учитель.

Распорядок дня для меня особо не отличался от общего: в шесть утра подъём, зарядка, завтрак, общее построение, где комбат уточнял, кто и чем будет занят. Только после обеда и

ужина, когда была политинформация, я поступал в полное распоряжение лейтенанта Дурнева. Учителем он был требовательным и жёстким. Читал я хорошо, а вот писать мог только каракулями и с ошибками. Правописание — вот мука. Бумаги было мало. Мой учитель где-то разыскал большущую кипу немецких листовок. На их обратной стороне я должен был предварительно разлиновать всё, а затем заняться правописанием. Получалось очень плохо.

— Ты должен писать грамотно и понятно для всех, — говорил он и требовал иногда до десятка раз писать одну и ту же букву. Занятия всё усложнялись, потом он принёс откуда-то математику и русский язык (учебники) за третий класс. И если здесь моя учёба проходила трудно, то армейские занятия в составе взвода и батарей давались легко: сказались мои навыки, приобретённые в ОИПТД. Комбат Хотько сначала удивился моим познаниям, а потом стал похваливать и ставить меня в пример другим бойцам. По совету старшины Цыплёнова, который частенько меня навещал, я стал «прикусывать губы», то есть не демонстрировать свои знания в обиду бойцам, которые до того, может, и знать не знали, что такое ориентир, директриса.

Так шли дни. Мне уже пошили армейскую летнюю и зимнюю форму, а в феврале выдали настоящую красноармейскую книжку (без фото, правда, но и у большинства бойцов они тоже были без фото). Теперь, отдавая честь, я чеканил: «Воспитанник Гришанов. Взвод топоразведки».

Появились успехи в чистописании, а математику отложили на потом, потому что задачник за третий класс как-то с интересом и без посторонней помощи я к этому времени осилил полностью. Зато диктанты писал посредственно, хотя уже и почерк устанавливался, если не спешить. Хотелось познакомиться и с миномётами 160 мм, они были новинкой, в секрете и потому мне недоступными.

Знакомясь с окружающей территорией, я обнаружил, что рядом большое село Песочное, в которое я ходил по заданию Фёдора. Да и Карачев оказался не так далеко. Но сейчас отважиться пойти туда я не посмел. Не знаю почему, но старшина Цыплёнов, видно, знал мою внутреннюю причину этого бзика и попросил комбата и других офицеров не навязывать мне таких посещений.

Главным событием стали контрольные стрельбы, которые посетил маршал артиллерии лично. Вместо Николаева, который часто болел, назначили нам нового командира — полковника Богомолова. Когда нас перевели на первую — фронтовую — норму снабжения, то всем стало ясно: скоро на пере-

довую. Без всякой команды пока стали готовить своё хозяйство к погрузке.

Капитан Хотько, частенько донимавший меня разговорами о детдоме, как-то замолк. Но я был настороже, хотя у меня и имелся запасной вариант: старшина Цыплёнков даже уговорил начальника артснабжения майора Лаврова взять меня к ним. Но это пока тормознул Хотько. Общая суета была как-то и незаметной, но она росла, и команда на погрузку в эшелон не стала неожиданной.

К этому же времени прислали пополнение с курсов младших командиров, и я встретился с братом Николаем, уже сержантом. Он обучался на этих курсах вместе с другими ребятами из нашего села.

Сарафанное радио было достоверным, и я мог бы с ним встретиться ещё раньше, если бы в своё время в Брянске не отстал от женщин и не потерялся. И были мы теперь в одной дивизии, недалеко друг от друга, но по фронтовой жизни сталкивались раза два-три. И по окончании войны нас разбросало снова. Теперь же вся возможная помощь брата уложилась в слова: «Бе-реги себя, Ванёк!»

Он поехал первым эшелонам, а мы следом, вторым. Вагоны были обустроены нарами, печкой-буржуйкой и помойным (гальонным) ведром. Всё индивидуальное хозяйство в вещмешке, оружие в пирамиде, поперечная тяжёлая доска как опора поперёк входа.

В моём вещмешке, кроме всего армейского, оказались штаны гражданские, байковая рубаша и тёплый пиджак. Всё это мне затолкали по приказанию комбата. Назначение этого инвентаря понятно, если учесть, что мы уже едем на фронт, и до детдома ли тут? И стало ясно, почему Хотько затормозил передачу меня в артснабжение: предполагались переходы за линию фронта, и, конечно, не в армейской же форме.

По пути к фронту нас только дважды побомбили, но не столь основательно, как эшелон гаубичного полка нашей дивизии. В середину нашего эшелона задвинули ещё одну открытую платформу с двумя ЗПУ. Но поработать им пришлось не по воздуху, а по наземным целям при разгрузке: по карте место выходило чистым, но как немцы на брониках оказались близко от нас — непонятно. Нападать немцы и не думали, а куда-то двигались по своему маршруту и круто развернулись от нас, обстрелянные. Разведчики получили «по соплям» за халатность, и мне вместе с ними было приказано «прогуляться по окрестностям».

Гуляли мы больше суток, но ничего серьёзного не обнаружили. До нашего переднего края, где отдыхала пехота, было

5—7 километров, а как у нас в тылу оказались немецкие БТРы и куда они сгинули, как-то выяснить не получилось. После того, как договорились с разведкой о встрече, я пошёл в ближайшее село — большое, совсем не разрушенное, и пахло в нём сытно. Я там и не выпрашивал ничего, а в дом меня чуть ли не насильно заволокли и накормили. Немцев в селе не было — ушли ещё два дня назад, о чём мной и было доложено по возвращении к своим.

Таков был фронт. От коротких затиший до ожесточённых боёв. Война как она есть. С потерями, поражениями, победами. Это был привычный для меня мир, а обо всём остальном я и не думал или, может быть, даже подзабыл. И в памяти зарубки не по датам, а по болезненным потерям: осенью погибли мать и сёстры, а тётя Нюша — ближе к весне; на гранате из речки взорвался дружок Пана, потом летом мой одноклассник и двоюродный брат Саша тоже не поладил с гранатой, а двое других братьев с ним же были ранены. Ничего детского про игры. Мы — дети войны. И я воспринимал всё это жестокое время как неизбежное, данное нам в назидание и наказание от Бога. Молитвы я не знал, но всегда чувствовал, что хранит меня в жизни сила добрая, всесильная. Иногда ситуации были настолько безнадёжные, что впору было смириться с гибелью. Но оставался в живых.

Топоразведка для миномётов, особенно наших тяжёлых 160 мм, несколько своеобразна: это оружие для поражения закрытых целей, которых пушками не поразить. Например, скрытых возвышениями, укрытых в оврагах или даже в массиве строений. Мне частенько приходилось переодеваться и «бродить» в поисках целей. Наши миномёты работали успешно, и одна из хороших операций — разгром заземлённых складов с боеприпасами, когда весь взвод топоразведчиков, кроме меня, был заслуженно представлен к наградам — мы вели корректировку без прикрытия с нескольких точек и практически на «нейтралке». Я потом спросил капитана Хотько, почему же меня-то обошли наградой.

— Иван Иванович, — сказал он (партизанская кличка осталась у меня на всю жизнь), — выбирай: или медаль и командировка в детдом, или ты с нами и без всяких официальных наград. Нельзя тебя показывать в списках.

Действительно, к тому времени вышел приказ об отзыве из действующих воинских частей всех воспитанников. Я сказал, что мне лучше остаться со своими без медали, чем с медалью где-то в детдоме драться с пацанвой. Так и решили. Меня всё-таки награждали — зависть для всех: браунинг

Верке, небольшой пистолет, хотя по патронам на него был дефицит; какой-то облегчённый автомат, немецкий или итальянский; настоящий кинжал в чехле для высших немецких офицеров.

Жёстко стабильного фронта, как в 43-м у нашей деревни, уже не было. Мои «брожения» обычны, только одежку гражданскую мне изредка меняли, хотя вряд ли в этом была необходимость. Когда уже перешли границу, через долгий почти год, мне одежду сменили на такую, какую носят местные. Всё было в норме и не так уж опасно и страшно.

Только как-то раз стало до того страшно, что и страх пропал — одни судороги. Так получилось, что на какой-то речке, не очень-то и широкой, немцы разбомбили переправу, и наши мины не успели переправиться, а мы остались с пехотой без прикрытия и связи с батареями.

Вот тут и началось. Фрицы долбили по речке из всех видов оружия, а перекинуть телефонную нитку на тот берег не получалось. Несколько попыток оказались смертельно неудачными — двое или трое связистов погибли. Тогда комбат Хотько решил меня в это дело впутать. У берега горели скирды соломы, и он запаковал меня так, что вроде сноп соломы, и таких снопов пустых ещё много пустили по течению. А я с проводом, и мне дан наказ: пока не коснусь ногами дна, не шевелиться. Не помню, шевелился я или нет, но то, что пытался орать, — это было. Но только не получалось: голос сел, и я с неделю не мог говорить, как и в том случае, когда нас, партизан, расстреливали в овраге. Провод, похоже, я дотащил, но и страху — целые штаны.

Об этом как-то прознал старшина Цыплёнков. Он явился к Хотько вместе с начальником артснабжения майором Лавровым. Видно, разговор был серьёзный, потому что у всех лица были красные, когда меня вызвали. Я явился и по-уставному доложил о прибытии. Хотько как-то с сожалением посмотрел на меня и чётко приказал: «Воспитанник Гришанов, вы переводитесь в штат артиллерийского снабжения», — и вышел из помещения, где мы размещались.

А я взял свой вещмешок и пошагал с Цыплёнковым в тыл километра за три, где базировалось артснабжение.

Был тот несчастный отдых — месячный или немного больше, связанный с пополнением живой силой и техникой, а артснабжение ещё занималось ремонтом в пределах своих возможностей. Распорядок нехитрый: подъём, информация о предстоящих работах, завтрак (основательный по фронтовой первой норме) и развод по своим участкам.

Для меня чего-то определённого не было. Часто меня брали на транспорт в качестве охранника при перевозке боеприпасов с артскладов, а иногда и из вагонов на железной дороге. В погрузке я не участвовал, потому как ящики с минами тяжеленные. Пару раз попадали под бомбёжку, но не интенсивную. Конечно, не считая поездок, в артснабжении было скучновато. Как раньше, бродить через линию фронта не приходилось, и из опасного — только фронтовые дороги, по которым и проходило артиллерийское снабжение батарей боеприпасами. Тут ты в кузове машины, на минах, и какой бы там ни был обстрел или бомбёжка, надо двигаться, доставлять «товар» по назначению. Толку тут от меня было немного. В мою обязанность входило записывать места размещения артбаз, маршруты к ним и предполагаемое их перемещение. Ну и прочие сведения, если таковые были.

Ну и элементы подхалимажа — связисты, в основном женщины, порой настолько издёрганные и злые, что и в ответ, кроме накладной и ругани, не очень чего и добьёшься. Но меня как-то жалели: и позывные радиотелефонные чётко обсказывали, и время отгрузки ускорялось.

Я в долгу не оставался: не могу сосчитать, сколько я раздал малогабаритных немецких пистолетов, которых у нас хранился ящик, который попался на каком-то разбитом складе.

Но всё это было до поры не очень быстрых наступлений. Потом пошло всё посложнее и потруднее. Своевременное снабжение батарей боеприпасами — это постоянная транспортировка, движение в колоннах по фронтовым дорогам, под бомбёжками и артобстрелом, часто в поиске переместившихся батарей без чёткого маршрута к ним и предпочтительно в ночное время и в нелётную погоду.

Уже после перехода нашей границы мне стало всё это делать сложнее: я не знал местного языка. Проблему решил пожилой солдат, ездовой при кухне. Он научил меня азам языка глухонемых. Вначале мне это показалось неподъёмным, но потом стало даже очень интересно, и при каждой возможности мы старались разговаривать с ним по-немому. Самый необходимый запас этих знаний я использовал нагло и успешно: и нужную информацию добывал, и свои интересы не забывал, чисто детские. Однажды даже припёр детскую колёсную машинку ножную и показатся на ней, а когда при транспортировке хотел запихнуть её в кузов машины, то сразу понял — не то, детство кончилось, и бойцам, сидящим на ящиках со снарядами, мой «груз» не в жилу.

Маршрут предстоял не из простых, ночной, когда на передовой, да и не только, и свои могут по ошибке изрешетить. Что делать — война. На место машинки погрузился я, немножко пожалел об этой игрушке и спокойно задремал, как уже привыкший к ночным перемещениям. Как обычно, говорил старшина Цыплёнков: «Нужен будешь — разбудят». И будили меня частенько. Всю войну эту не опишешь: военные будни с опасностями и потерями, но это был мой привычный мир, в котором я жил уже несколько лет, воспринимая и тяжёлые потери, и редкие фронтовые радости как должное.

ЕВРОПА. БОИ

Зима 1944—1945 годов была не из лёгких. Тяжёлые затяжные бои в Венгрии. Из запомнившихся событий — отдых и пополнение в степном городке Пилеше. За точность названий не ручаюсь. Потом окрестности Будапешта. И всё это в условиях гнилой зимы и неразберихи, которая часто и раньше случалась в уличных боях даже при взятии небольших городов. Но в Будапеште всего этого было через край. Тут же фронт, и тут же ходят жители, и я ходил, не очень-то и прячась, высматривал, по словам старлея Дурнева, где, что и как.

Положение позиций менялось постоянно. Однажды так случилось, что я вроде бы к себе зашёл в помещение, а там стоял, повернувшись к стене, огромный мадьяр. Он обернулся, увидел меня, засуетился, а я со страху выпустил в него из своего «компакта» весь рожок и кинулся бежать чёрт-те куда. Последнее, что увидел, — как он вроде сползал по стене. К своим я добежал без происшествий. Как оказалось, я перепутал входы в этот длиннющий дом, который одновременно занимали и мадьяры, и наши разведчики. Эта картинка расстрела сопровождала меня долго и как-то тревожила. Но и служила призывом к осторожности. Такое в моей жизни случилось впервые.

Потом уже нас перебросили на короткий отдых в город Сегед. Что в нём запомнилось, так это баня с бассейнами внутри. Все должны были помыться, привести в порядок обмундирование, технику и самих себя: выспаться, наестся по-людски, а через пару недель оказаться у озера Балатон в таком дерьме, что не забыть: подвалы с бочками и зерном. То ли кукуруза, то ли горох. И всё это в мадьярском вине из разбитых бочек. Окружение. И откуда у немцев столько танков взялось? Ползают по всей территории и бьют болванка-

ми и разрывными. Но подвалам это не очень вредит. Наши пехи вели себя спокойно. Их ротный, который и затащил нас к себе, авторитетно заявил:

— Освободят нас если не завтра, так через день-два. Кончатся у немчуры топливо, и всё. «Тигры» и «Пантеры» пожрать любят. А пехоты у немцев маловато. С этим и мы справимся. А мадьяры по домам своим побежали.

Так и случилось. Но дня два мы вынуждены были жевать то ли гнилую кукурузу, то ли горох и запивать это кислятиной, которая называется муст — и не вино ещё, и уже не сок. Нас освободили. Наступление шло небыстро, но безостановочно. Сёла, посёлки, городки, города... и без таких разрушений, как в нашей России. Я маршруты через них и записывать только успевал, а не то чтобы обследовать. Серьёзные столкновения были, но бои всё больше как бы беспехотные. В основном только техника: танки, броники. Пехоты было мало.

Мадьяры уже не в счёт. Им сообщали пункты сбора, и они разоружались. Шли колоннами без оружия, но со своими командирами во главе. Форма одежды не изношенная, да и вид не назвать измождённым. Говорили, что у них теперь новая власть и что они вышли из войны. А куда же делись каратели, которые не щадили ни малого, ни старого? Вот их бы я хотел достать, как они нас доставали. Они шли по обочине дороги на восток, и не похоже, что в плен. Хмурые, не улыбочивые и какие-то злые.

Наступала весна. Настроение у всех как под лозунг: «Дорога на родину — через Берлин». Хотя и двигался фронт к этому самому Берлину короткими перебежками. Потом и вовсе затормозили у посёлков Ловать-Берень и Мадьяр-Алаш. Даже окапываться начали.

Пушечникам тоже было не до скуки: танки пёрли на наши позиции, хотя как-то и не так нахально. Даже при не очень плотном встречном огне разворачивались и уходили, а иногда экипажи бросали машины и шли в плен. Надоедали ночные бомбардировки. Нашего войска скопилось на этой линии очень много, и даже неприцельные бомбёжки не обходились без потерь.

Эвакогоспиталь в соборе Мадьяр-Алаша был полон и весь в работе, как будто мы уже в наступлении. Но наконец-то это стояние закончилось. Более часа длилась такая артподготовка, какой я раньше и не слышал. Переход через первые немецкие позиции был медлительным не столько из-за встречного сопротивления, сколько из-за искорёженности, разбитости и разрытости всей этой зоны. Бои непрерывные у городов Секешфехервара, Мора...

Неприятность поджидала меня у города Веспрема. Поселение не сказать большое, но растянутое — и по равнине, и в горку уходит. Там даже виден был какой-то старинный замок. Да и весь центр старинный, а в церкви колокольный звон слышен. Улицы узкие, поэтому брала город в основном пехота. Мне же надо было посмотреть, где можно на машинах объехать всю эту старину. К тому моменту город уже был взят, и люди по улицам перебегали. Мина хлопнула как-то беззвучно, и вообще стало тихо, тепло и сонно. Очнулся я уже в госпитале, на каталке. Надо мной, как небо, два лица в халатах, забрызганных кровью. И голос врача: «Второй осколок не вынимать. Сам со временем выйдет. На эвакуацию». И откуда-то со стороны тот же голос с матерщиной, отчитывающий кого-то за то, что пацанов по войне таскают. В ответ какое-то бурчание, а затем снова голос врача: «В тылу разберутся, куда его. Контузия... Ему сейчас ходить надо учиться».

Очень болела шея слева, а в голове распирающее каким-то густым туманом, что и глаза открывать не хотелось. Но это как-то меня не касалось. Как чёрная туча, снова напал страх детства. Паника...

Но знакомый голос старшины Цыплёнка, наклонившегося ко мне, сразу успокоил: «Держись, сынок. У меня этих контузиев три, а хожу вот. Попробуй встать...» Я попробовал, встал как-то легко, но весь мир передо мной закачался, и если бы не крепкие руки старшины, я бы полетел в тартарары.

— Ничего, ничего, — успокоил старшина, — это по первости так. И такого вот отправлять, отдавать в чёрт-те чьи чужие руки... Хрена. Я уже катался в этих эваковагонах. У нас своя есть санчасть.

Успокоенный, я снова отключился. Спал я много, но беспокойно. Даже ел как бы во сне. Сколько это продолжалось, и не знаю. Но однажды встал рано утром. И не в госпитале, а в кузове открытой машины нашей санчасти. Было уже не холодно, а свежо и тихо, и стрельбы никакой, и вроде город опрятный, но пустынный.

— Что это за город? — спросил я у нашего медбрата. Спросил нормальным, чётким голосом без заикания и боли.

— Какой-то Сомбател, — ответил он и ухватил меня, когда я попытался вылезти из кузова на землю. Но с его помощью я сделал это и, хотя с какой-то непривычной раскачкой, дошёл до укрытия, где справил нужду и посидел в тишине, привыкая к своему новому состоянию.

В голове вроде стало светлее, перевязанные шея и голова болели терпимо, но удивило то, что левым ухом я практически

ничего не слышал, хотя правым ухом — как раньше, без изменений. Встал и до машины дошёл сам — враскачку. Усвоил: идёшь прямо и не вертишь головой — хорошо, а резко повернулся — хватайся за что можешь. Ко всему можно привыкнуть.

Уже через день за мной пришёл ординарец майора Лаврова — Иван Ефимов. Парень молодой, хозяйственный, хитрый. В артснабжении его не любили, но как ординарец он был по месту.

— Ну как, отъезжая у медицины? — спросил и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Пошли воевать, а то отвыкнешь тут. Майор на тебя хочет внимательно посмотреть. — И мы пошли на смотрины.

В доме тут же поблизости майор сидел за столом и завтракал. Жена его, сержант отдела вещевого снабжения, что-то подшивала и негромко разговаривала с Цыплёнковым. Майор показал мне на стул рядом. О Лаврове никто плохого не говорил. Добрый сочувствующий человек, настоящий воин. Нечасто встретишь такое, чтобы и в Сталинградской битве покипел, и в блокадном Ленинграде на смертельных «пятачках» оборонялся.

Ординарец поставил передо мной котелок с кашей — мой котелок, а вот ложка именная потерялась. Но тут же я углядел её за голенищем ординарца. Он проследил за тем, куда я смотрю, и нехотя поменял ложки.

— За эту мену тебе бы в рожу въехать, — заявил Цыплёнков. Все рассмеялись.

— Ну как, Иваныч, дальше служить будем или на демобилизацию? — спросил майор, усмехнувшись.

— Служить, — ответил я. Есть мне не хотелось, но и огорчать я никого не хотел. Ел кашу, демонстрируя аппетит и здоровье.

— Старшина, как ты думаешь выкрутиться и оставить Иваныча у себя? — спросил майор.

Цыплёнков, видно, всё обдумал давно и мне не раз говорил, что если будем живы и война кончится, он заберёт меня к себе как сына и как спасителя своего. О наших партизанских делах не забывал и другим порассказать любил. Ответ старшины был неожиданным.

— А никак, — сказал он, — с довольствия не сняли, в списках есть, а тут начнутся бои — и не до того будет. Надо немного повольниться с этим делом, а Иванычу эти пару дней до боёв глаза не мозолить начальству. — И добавил: — Кроме вашего начальствия.

— Это вариант, — сказал майор. — А вот где его держать? Мы и сейчас в перегрузах, а дальше — хоть не заглядывай.

В разговор вмешалась Мария Яковлевна, жена майора:

— ОВС не так уж и в напряге. Я позабочусь. В кузове моей машины как раз ему место: и мягко, и тепло, и шляться в поисках маршрутов не надо.

(ОВС — отдел вещевого снабжения. — И.Г.)

Этот полусемейный разговор так ничем и не закончился: подошла колонна машин с боеприпасами для батарей. Майор с Цыплёнковым, продолжая разговор, встали и вышли, а Мария Яковлевна приказала ординарцу собрать нужные «бебихи» и топать к её «Студебеккеру».

— Во мороки с тобой, — сказал ординарец. — Видно, войну ты полюбил крепко. А я б — так в тыл, как на крыльях. Знаешь, есть такой посёлок Бурзян в Башкирии. Прямо царство небесное на земле.

При ОВС я пробыл недолго. Называть жену майора сержантом как-то не получалось, пока сама она не установила: «Для тебя я никакой не сержант, а тётя Маруся». На всю жизнь так она и осталась для меня тётей Марусей. Заботой особо не баловала, но в эти дни и в наступлении мне было удобно и сытно в кузове «Студебеккера», а при бомбёжках не надо было бежать черт-те куда, как если бы сидел на боеприпасах. Здесь же залез под машину и сопи: рваться в машине нечему, кроме всякого обмундирования.

В санчасть я не ходил, но трудился добросовестно: старался ходить при любой возможности, падал всё реже, шишек и синяков поубавилось. Ординарец, любитель пошарить вокруг, наткнулся на какой-то «святой госпиталь» или «госпиталь какого-то святого». Он был, по словам ординарца, для всех: и для немцев, и даже для наших, но под присмотром. Он и приволок меня туда. Там и наш врач был, русскоговорящий, но меня осматривал пожилой австриец, а предварительно я попал в руки двух монашек в чёрном, которые так быстро меня раздели, что я от этой поспешности и говорить ничего не мог, только мычал. Мыли меня, как ребёнка, и халат такой мягкий накинули, что стало тепло и уютно.

Врач осматривал меня долго, заставлял приседать, нагибаться, поворачивать голову. Через переводчика сообщил, обращаясь к ординарцу, что мне нужно в семью, в заботу, а если нет такой возможности, то оставить меня то ли в госпитале, то ли в монастыре. Как надолго, он пока сказать не может. Русский врач сообщил нам, что австриец очень знающий, а как мы поступим — это наше право.

Я надел свою армейскую одежду, а халат и что-то из вкуснятины монашки напихали в сумку. Что-то говорили ласковыми голосами, гладили по спине и при уходе долго меня крестили.

— Ни слова о том, где были, а с сумкой я разберусь, — заявил ординарец.

Слово держать я умел, он это знал. Да и когда и кому об этом говорить? Не больше чем через час я уже сидел в трясущейся коляске мотоцикла, которая подбросила меня поближе к какому-то небольшому посёлку с сараями, где я пошёл осмотреть местность, чтобы колонна не попала под прямой обстрел. Всё было как и раньше — пёхом вдоль предполагаемого маршрута следования нашей колонны.

В напряжении ожидаемой опасности как-то и боль от раны ушла, и двигался я свободнее, независимее, без ожидаемого головокружения.

Всё-таки боль как-то отвлекала, снижала осмотрительность и осторожность. Такое войной не прощается и наказуемо. Так вот, в маленьком посёлке пустынном я в своей армейской форме, а не переодетым, оглядывал поворот дороги между домами. Я даже не понял, как меня вдёрнули вроде бы в закрытую дверь. Я оказался в помещении. На полу — оружие, а на стульях сидели немцы. Семь человек, как я позже сосчитал. Сразу двое держали меня и приглушённо говорили:

«Плен, плен...»

До меня дошло, что я в плену. Дотянуться до гранаты в кармане не получалось. И вот тут вошла женщина и уже по-русски сообщила мне, что не я в плену, а немцы-солдаты хотят в плен, но не знают, как безопаснее это сделать. Ещё какое-то время продолжался негромкий галдёж по-немецки, подразумевавший в переводе на русский, что мне предстояло стать посредником.

Высыпали все патроны наглядно и с поднятыми руками вышли на улицу. А я пошёл к своим машинам — метров триста за кирхой — с таким вот сообщением, умолчав, однако, о том, как я подзалетел из-за своей беспечности. Потом уже вернулся с сопровождением. Немцев под конвоем повели куда-то на сборный пункт. Они уходили и улыбались мне. А женщина, из угнанных в Германию на работы, обосновалась у нас вольнонаёмной в продовольственной службе, но фактически переводчицей, что очень было кстати в конце войны, когда контакты с местным населением становились более частыми.

После ранения мне не приходилось так активно, как раньше, шастать по предполагаемым дорогам для колонны с боеприпасами. Учитывались и моё ещё не очень мобильное состояние, и

обстановка на фронте, хоть и наступательная, но какая-то уверенно-спокойная. Только дважды за это время были уж очень опасные ситуации. И один такой случай — ночной, из-за неразберихи чисто информационной.

Помнится, ночь была тёмной, колонна двигалась по вышению, предположительно уже занятому нашими частями. Ниже нас была низина. И вот оттуда в нашу сторону началась массированная стрельба. Развернуть колонну в такой ситуации было сложно, а если вправду — то и невозможно. Водители и сопровождение спешили, готовые к обороне. Но я, привыкший постоянно прислушиваться и присматриваться, хоть и был глухим на левое ухо, ещё до остановки услышал в стороне от стрелявших русскую речь. О чём настойчиво доложил старшему лейтенанту, возглавлявшему колонну. Он отмахнулся от меня вначале, но, видно, кто-то из водителей сопровождения кое-что положительное обо мне вякнул. Старлей был новый, после ранения, и кликнул меня сам. А потом, уже как о решённом, в сопровождении одного бойца приказал вернуться назад метров на триста, скатиться на равнину и выяснить, кто так пытается нас поджарить.

Колонну спасала ночная темень — двигатели машин были выключены, и стрельба била в нижнюю часть бугра, а не в саму колонну. А ракет у стрелявших, похоже, не было.

Уже внизу, на равнине, я ещё раз услышал русскую речь, приправленную матом, и сам закричал:

— Кто вы? Не стреляйте. Мы свои.

Стрелявшие крик уловили. Ответили, и огонь с этого ближнего края стих. Мы с бойцом уже в полный рост подошли к какому-то строению, где нас встретил пехотный командир.

Выяснилось, что пехота на отдыхе — второй эшелон, а передовые — километрах в трёх, в фольварке, куда и двигалась наша колонна. Стрельба прекратилась полностью, состоялась встреча пехов и наших. Похихикали друг над другом: наши упрекнули за нецелевой расход боеприпасов, а капитан пехотный посоветовал всем нам, артиллеристам, посушить штаны, чтобы яйца не протухли. Но выделил сопровождающего, который поехал с нами к передовой. До своих батарей мы доехали благополучно, без происшествий. Старлей представил к награждению бойца, который сопровождал меня. А я — в пролёте. При встрече как-то через несколько дней старлей ругнулся и сказал, что «гундосый» (делопроизводитель) вычеркнул меня, «чтобы не демонстрировать неисполнение приказа командования об отчислении воспитанников из действующих частей».

Меня это никак не расстроило: я давно был знаком с этой строчкой и радовался «неисполнению», оставаясь со своими, своей военной семьёй.

Намечалась семья — и не одна — в более узком, гражданском послевоенном понятии: старшина Цыплёнков об этом не говорил, но считал меня своим сыном; топоразведчик Мерзликин, огромный мужик, охотник с Алтая, заявлял, что по окончании войны «сгребёт» меня с собой. А пока семейную конкретику без всяких заявлений проявляла тётя Маруся. Она всегда как-то знала, когда мне худо, поругивала бойцов, задававших мне, по её мнению, тяжёлую работу, и частенько припрятывала меня в уютном кузове своего «Студебеккера». Так что и без медалей и орденов жизнь моя, по моему мнению, была в норме. А главное, мне не грозил тыловой детдом.

Наступательная успокоенность и какая-то расслабленность часто наказуемы. Уже поговаривали об Австрии, а может, мы и были уже на территории Австрии. Я очень хотел увидеть границу, как она выглядит и что представляет собой. Но такая встреча не состоялась. Местность была довольно гористая, удобств для размещения батарей маловато. Как-то сгруппировались и миномётчики наши, и гаубичники, и истребительно-противотанковые пушки. Почти здесь же разместились и пехота. Гаубичники были ещё в колонне. За скатом, где-то километрах в двух-трёх, виднелись какие-то строения протяжённые, вроде как скотные дворы, и даже с башней, похожей на железнодорожную водокачку.

Стояла эта башня чуть повыше, по краю строений. Пейзаж мирный, тихий: ни стрельбы, ни звуков. Только один раз мне почудилось, что в той стороне газанул танковый двигатель, не похожий на прогазовку наших танков.

Ко всяким звукам я всегда был готов. Этому научила меня война. И поскольку здесь присутствовал майор Лавров, наблюдавший разгрузку боеприпасов на уже занявшие позиции батареи, то я о замеченном и доложил лично ему. Он долгой всматривался в том направлении в бинокль, поговорил с майором Прибыткиным — командиром дивизиона, которого и по телефонной легенде, и в обиходе величали «Музыка»: он великолепно играл на аккордеоне и делал это в любой ситуации.

Его дивизион уже обустроил свои позиции, получил комплект боеприпасов, и он наполнил утро мелодиями. Все передвигались в полный рост, в том числе и пехота, передвинувшаяся вперёд. Нас с топоразведчиком Халецким на мотоцикле подбросили до того места, где уже разместились пехота. И мы с ним договорились, что он пойдёт к водокачке, чтобы с неё обозреть окрестности, а я обследую эти белые длинные сараи.

Когда я вошёл в широкие открытые ворота, у меня что-то ухнуло в груди и животе. Это были в основном навесы вокруг огромного, как футбольное поле, пространства, занятого танками и брониками. Мне было трудно сдвинуться с места от страха и удивления.

Спасла многолетняя привычка даже без необходимости подходить настороженно, чтобы по возможности обезопасить себя. Бежать к своим — далеко. И я рванулся к водокачке, к Халецкому, чтобы он сообщил координаты батареям. Сидевшие на брониках немцы заметили меня с большим опозданием, когда я уже карабкался по лестнице на водокачку и кричал Халецкому о том, что там, под навесами.

Началась стрельба. Броники стали выезжать из ворот. Их готовились в суете встретить пехотинцы, которые шли после нас. Но били немцы в основном по водокачке, по её верху, откуда свалился ко мне на пол Халецкий с разбитой рацией, зажимая рану на ноге. От попаданий в водокачку всё гудело, потому что в её середине была встроена огромная бочка. Халецкий кричал мне прямо в ухо: «Беги, сообщи, а я тут сам...»

Бежать было некуда. Стрельба с броников пехоту поджала к водокачке, которую окантовывала хоть и мелкая, но вроде канавка. Пехотинцы её яростно углубляли. Всё было в грохоте и пыли, но я заметил, что у пехотинцев один из бойцов держал телефонную трубку. Крикнул Халецкому, чтобы дал координаты. Он орал их мне в ухо, а я орал на пехоту. К телефонисту там подполз их командир и что-то прокричал мне, но из-за грохота смысла было не уловить.

Первые мины легли точно по строениям, откуда уже и танки начали выползать. И они били по водокачке, по нам, и ползли к нам. Но к этому времени, похоже, уже выкатился на прямую наводку наш истребительно-противотанковый дивизион, а наши миномётчики пристрелялись и долбили проклятые строения очень основательно. Без танковой поддержки броники оказались для наших пушкарёв очень лакомой мишенью. Самый шустрый из выехавших взлетел от взрыва метрах в ста от нас, и оставшиеся в живых немцы с поднятыми руками кинулись к нашей пехоте у водокачки.

И всё как-то неожиданно стихло.

Пленные немцы кучкой стояли у водокачки, Халецкому пехотинцы помогли спуститься вниз, а я бежал к тому месту, где должен был стоять наш мотоцикл. Колесо и какое-то тряпье разбросано по кустам, погибший боец скрюченно-вдавленный лежал у воронки. Так вот закончилось мирное фронтовое утро.

В нашем расположении дымилась приехавшая кухня, повар разливал по котелкам и бачкам кашу с тушёнкой. Все, кто мог, завтракали. Меня подташнивало, наверное, от дыма, которым я надышался на водокачке, а может, от чего другого. Есть я не хотел.

В нашем распоряжении была американская широкая и низкая открытая машина «Додж три четверти», и в её кузов я забрался под брезент и мгновенно заснул. Но проснулся уже в «Студебеккере» тёти Маруси, которая держала котелок с чем-то вкусным и горячим, что я молча проглотил, даже не поняв, что это была за чудо-каша.

Не знаю, сколько дней я валял дурака: спал, ел и снова спал. Мне было и тепло, и уютно. Но как-то утром я проснулся от холода, а когда выглянул из кузова, то онемел от удивления: по обочинам лежал снег, под проплывавшими над нами облачками — лёгкими, пушистыми, прозрачными — внизу виднелся белый город, и звонили очень нежно колокола.

Наша машина стояла на перевале, ждала своей очереди на движение вниз. Регулировщицы хриплыми голосами хулили и угрожали «нахалам». Одна из них заметила меня и даже то, что одет я был по-летнему. Сразу крикнула своей напарнице, что тормозила нас: «Пропусти этих, а то ребёнок простуду прихватит».

Мне было обидно, что называли ребёнком. Но я знал по войне цену стояния под арт- или авианалётами, и, как только мы двинулись, я, стоя в кузове, отдал регулировщице честь по всем правилам строевого устава. Она засмеялась в ответ, помахивая флажками, а что прокричала, я не разобрал.

Оказалось, мы уже в Австрии, а городок внизу — Бромберг: чистый, не разбитый, уютный. А война-то ещё шла, и как она была не похожа на ту, что была в нашей родимой России. Выходит, границу я проспал и не увидел, как она обустроена.

До самой Вены движение наше оказалось вполне благополучным. Случались ночные авианалёты, но не интенсивные, а скорее одиночные. Я думал, что если Вена большая, как Будапешт, то опять пойдёт уличная неразбериха. Но этого не случилось.

У самого города, на въезде, в огромном бывшем ресторане для наступающих развернули центр пищевого обеспечения: кормили все воинские подразделения без представления каких-либо продовольственных документов. Кто это придумал, умно и безжадно?! В уличных боях в городе с кухней не поездишь. Да и найти своих проблемно: всё меняется очень быстро. Один недостаток — армейские 100 граммов здесь не давали: «затырили», как говорили бойцы.

Здесь мы позавтракали, а к обеду уже через центр города, мимо знаменитого Венского театра проехали, как на параде. Только один раз разрывы мин загнали нас во двор капитального строения. Но, похоже, это свои по ошибке нас «одарили». Обошлось без потерь, да и транспорт не пострадал. А к вечеру мы мирно разместились то ли в сквере, то ли в садике с уютным домиком.

Вечер был тёплым, старшина выставлял охранение и, помахивая кулаком, обещал уснувшим штрафную роту. По ближней дороге шли и ехали войска. Наши бойцы сидели прямо на траве, покуривали и наслаждались тишиной и теплом.

Мимо проходила колонна пехотинцев, их командир с превосходством взглянул на наше компанейство и крикнул:

— Смотрите, смотрите... Это мои орлы, мой батальон... Мы брали Вену!

Но было их меньше роты. Я не всё расслышал, а по глухости привык говорить очень громко, и крикнул:

— А мы не батальон, мы батарея.

Командир пехов в ответ что-то скомандовал и остановил колонну. Развернул колонну лицом к нам и сам пошёл навстречу вставшему старшине Цыплёнку. О чём они перемолвились, я осмыслить не успел, потому что оказался в воздухе. Пехи подбрасывали меня вверх, ловили и снова подбрасывали. Шее было больно: видно, смещался оставшийся в ней осколок. А когда это качание кончилось, то я понял и узнал, что это та самая пехота, что оборонялась у водокачки. Только теперь их было сильно меньше.

Командир батальона вручил мне немецкий офицерский тесак со своего пояса (такой у меня был) и очень громко оценил мою заслугу как корректировщика огня, но не забыл и о своей отваге. Видно было, что и командир, и его бойцы боевые сто граммов взяли на грудь и за себя, и за павших. Все дружно трижды прокричали «ура» и двинулись своим путём. А мы втиснулись, кто где мог, в уютном домике, уставшие, слушали какого-то нашего нового бойца, который говорил про Вену, про Штрауса и про каких-то императоров. И крепко засыпали.

Война не предполагает экскурсий, но наш боец-историк уговорил организовать таковую. В ящики загрузили банки с тушёнкой, сухие американские пайки и наш хлеб — солдатские буханки. Вена голодала. Наш историк привёл старого австрийца, который и стал проводником. Мы много где побывали — не запомнить. В памяти осталось только, как я сидел в императорском кресле Венского театра, а ещё фотографирование в большом лесопарке с памятником, похоже, ком-

позитору. Но больше всего памятно, как я раздавал хлеб и тушёнку ребятишкам моего возраста и их родителям. Встречал во взглядах восхищение ребят и благодарность их родных. Мне было тепло и радостно до слёз. Голод! Это я понимал и знал не понаслышке. И если бы можно было изничтожить его для ребятни хотя бы, я мог пойти на любой риск, чтобы совершить это.

МИРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

После Вены особых происшествий и боёв как бы и не было. По словам старшины, только короткие стычки. Только на подходе к городу Санкт-Пёльтену мне пришлось ползать через мокрые заросли кустарника и высокой травы. И всё из-за того, что ближе к утру началась впереди сумасшедшая стрельба. Трёх — Мерзликина и ещё двух молодых бойцов — направили в разведку выяснить, что там на нашем пути нас ожидает.

Расстояние вроде бы и небольшое. Ждали довольно долго, но бойцы так и не вернулись. Тут меня разбудили, напялили прямо на гимнастёрку гражданский пиджак, напомнили об осторожности, и я потопал: сначала по дороге, а ближе к фольварку уже — скрытно, по обочине.

Посёлочек небольшой, в центре кирха высокая, и возле неё толпа людей и стрельба, но никто не разбегается. И вместе со стрельбой — музыка, радио. А когда я подошёл ближе, то был ошарашен: много стояло немецких солдат без оружия, гражданских людей и наших бойцов. А посередине стоял стол, из пустого железного ведра, видно, для усиления звука, гремело радио. На столе ещё стояло множество кружек, а старый австриец наполнял их и подавал окружающим. Все пили, кричали, говорили и жестикулировали. Тут были и наши.

Мерзликин заметил меня и тоже закричал: «Конец войне, сынок! Дожили, дожили...»

Но я не забыл вернуться и встретил ужедвигающуюся в нашу сторону колонну: кто-то им сообщил раньше меня об окончании войны и бешеной стрельбе по этому поводу.

Потом всё смешалось на несколько дней: поздравления, застольные обеды, поминание тех, кто не дожил. Встречи с представителями гражданского населения. Въехали мы в город Санкт-Пёльтен, но пробыли там недолго. Артснабжение разместили в замке на равнине, а штаб наш — в очень красивом замке над речкой, у входа в него рос дуб во много обхватов, у которого все любили фотографироваться.

Хозяйкой этого замка вроде была какая-то русская графиня, которую комбриг Богомолов возил на красивой трофейной легковой машине как переводчицу. Почти такая же легковая машина появилась и у нас: ординарец Ефимов отыскал её в каком-то горном строении при прочёсывании лесистой части вокруг нашей дислокации. Тётя Маруся не любила эту машину, предпочитая свой «Студебеккер» и крытый двухколёсный прицеп, который и оборудовала сама как маленькую комнатушку.

Но это приятное, весёлое благополучие длилось недолго. Поступила команда: всю тяжёлую технику — на баржи и по реке Дунай до Болгарии, болгарского города Русе (Рушук), где и произвести разгрузку. А колёсные машины — своим ходом, тоже в Болгарию. Вот так и случились первые расставания: почти все из артснабжения пошли на баржи, а майор Лавров с женой, ординарцем, водителями колёсных машин и несколькими прикомандированными, в числе которых был и я, своим ходом двинулись в город Хасков в Болгарии. Этот переход был непрерывным, но с ночными остановками, во время которых в обязательном порядке проводился контроль и ремонт машин.

Из всего этого длинного перехода, в котором мне вменили в обязанность записывать попутные населённые пункты, запомнились дороги Румынии. И не их состояние, а какой-то вселенский базар. По обочинам — людская цепь со всем мыслимым и немыслимым: брынза, вино, лепёшки, фрукты, платки, кепки... И всё это под крики «мена, мена». При малейшей остановке колонны впахивалось для обмена на что угодно. Колонны не развернуть назад, поэтому много было надувательства. Даже как-то к вечеру нам зачитали военное распоряжение: из-за случаев отравления некачественными продуктами по «мене» впредь подвергать дисциплинарному наказанию участвующих в продуктовой торговле, а медперсоналу усилить контроль за состоянием личного состава своих подразделений. Но разве за всем уследишь?

Ещё я был восхищён длиннющей понтонной переправой через реку Дунай. На каждом понтоне с двух сторон стояли сапёры с баграми. Переправа вся колыхалась, и по ней осторожно двигались машины. Мне на спину прицепили какой-то пузырь и велели не ёрзать по кузову. И я крутил только головой, осматривая равнинный берег Болгарии, город Русе, где нас встречала толпа его жителей с криками и плакатами: «Добре душили, братушки!» Но непрерывная колонна машин не предусматривала остановок, и мы прокатились по городу дальше.

Остановка на сутки случилась только перед столицей Болгарии — Софией. И день, и ночь приводили в порядок машины, меняли укладку в кузовах, чинили, стирали или заменяли оборудование. Ожидался парад, который и состоялся, но как в походном порядке. На площади — деревянная трибуна, на трибуне — наш командующий генерал С.С. Бирюзов, рядом — вождь Коминтерна Димитров, ещё какие-то иностранные генералы и болгарский царь — ребятёнок моего возраста или немного постарше.

Колонна наша очень близко двигалась к трибуне, и этот царь указал на меня, что-то прокричал и помахал рукой, а я приложил ладонь к пилотке в приветствии. Кто там стоял на трибуне, это мне обсказал наш старлей Топалов и не преминул, как это было свойственно только ему, хихикнуть:

— Ты удостоился высочайшего царского внимания. Великая награда, но учиться всё равно тебе надо.

Об учёбе он мне часто напоминал, а награда... Пацан как пацан, хоть и царь. Пожалуй, я бы с ним справился.

По Софии проехали мы быстро под крики и всё те же лозунги: «Добре души, братушки!» — и ещё долго не останавливались, пока не подъехали к какой-то горной речушке, где воды пить можно было прямо из неё. Да и умыться можно было тоже, но для купания — холодновата.

На следующий день мы уже обустроивались на окраине города Хаскова, а точнее, над Хасковым, который был ниже. Там разместился в школе многоэтажный штаб нашей воинской части и всякие службы, а техника ещё не прибыла. Здесь же начались и всякие мирные мероприятия и реорганизации: отбор претендентов на Парад Победы в Москве, демобилизация старых военных, разрешения на вызов из России семей офицеров и размещение их в жилом секторе Хаскова, и многое другое.

Здесь я впервые попробовал «сладолёд» — мороженое, о котором раньше только слышал. Болгарский язык вошёл в меня как-то сам собой. Уже где-то через месяц я мог даже спорить с ребятнёй, и свободно разговаривать со взрослыми, и даже читать. Это мне было интересно: всё узнавать, особенно слушать старого продавца книг, который преподавал мне историю не только Болгарии, но и России. Я любил сидеть в его маленькой лавочке, слушать, дразнить попугайчика, который за монетку вытаскивал из коробочки талончики. На них были выписаны предсказания — сколько будет жить обладатель талона.

Ребятня игра «Скомболовча» — катание стеклянных шариков щелчками в лунки — мне показалась интересной только

вначале. Потом я охладел к ней, и мой приятель, мальчишка Санчо, никак не мог понять этого.

— Кого искаш? (Что ты ищешь?) — спрашивал он.

Я и сам-то не знал, что я ищу. С ребятнёй мне было скучно, а взрослые, военные, кого я знал, теперь были заняты, как на работе. А при коротких встречах быстро угощали меня мороженым и обязательно спрашивали, когда и где я буду учиться.

Жил я у дяди Миши и тёти Маруси в тесном дворике с ординарцем Ефимовым, а дни проводил по своему усмотрению.

Где-то в августе нашу воинскую часть передислоцировали в город Варну. Жильё — «дворик по-итальянски» — чуть выше по дороге от порта. Здесь хозяин имел на первом этаже магазин, а на втором — цех пошивочный. Но жить в этом месте мне пришлось немного. Кто-то узнал, что в Софии есть русская школа и пансион, в котором на платной основе обучаются дети болгарского руководства (из бывших коминтерновцев, живших в России). На офицерском собрании было решено отчислять на моё обучение из офицерского довольствия столько, сколько потребуется. Об этом стало известно в политотделе 37-й армии, а затем и командарму — генералу С.С. Бирюзову, который ещё и совмещал должности командующего Южной оккупационной группой войск и председателя миссии СКК (Союзной контрольной комиссии из представителей США, Франции, Англии и России). Командарм наш славился строгостью и справедливостью не только в войсках, но и по работе с местными проблемами Болгарии. Поддерживал вождя болгар Димитрова и его коминтерновское руководство. В общем, дел у него хватало. И при этом он нашёл время, чтобы принять меня, по-отцовски поговорить минут десять, дать тут же распоряжение работникам политотдела полковнику Калозинову и майору Кухареву организовать моё зачисление в пансион за счёт средств миссии СКК.

— Не обеднеют от этого союзнички, — сказал. — А тебя учить надо и до школы. Парень ты, вижу, цепкий. Догонишь своих одногодков.

Так я в сопровождении майора Кухарева и оказался в пансионе в здании бывшего австрийского посольства, рядом с собором Александра Невского и через переулочную дорогу от резиденции патриарха, который вроде бы сбежал. Условия были великолепные. Я никогда не пользовался многими вещами и даже не слышал о таком: туалет в доме, ванна, горячая вода, постельное бельё. Мне было хорошо и страшно.

А в столовой полное удивление: ребята перебирают с едой, не доседают, пользуются вилкой и ножом, а под шею повязывают салфетку.

Одежда у всех чистая, по росту, и я в своей армейской форме выглядел каким-то заплёвышем.

По учёбе тоже были проблемы: долго определяли, уровню какого школьного класса я соответствую. Вот, скажем, за отсутствием других учебников математики меня обучали по 5—6-му классу, русский язык и особенно грамматику я вообще не воспринимал, а писал как слышал и без всяких знаков препинания и печатными буквами в основном. Прописные правила я осваивал долго. Всё это в двухнедельный срок до начала школьных занятий я должен был поправить. И я старался, а ещё через каждый час занятий приседал и отжимался на руках.

Воспитательницу, которая занималась со мною, я слушал как непосредственного командира. А уж когда начались занятия в школе и я оказался в 3-м классе, более прилежного и внимательного ученика не было. Я здесь установил себе режим топоразведчика: ничего не пропускать и всё запоминать. Потому и домашние задания выполнял быстро, чтобы почитать книжки из школьной библиотеки. Грамматика мне давалась трудно, а остальные предметы — на 4 и 5. По математике мой теперешний приятель Арустамов Джим, сын торгпреда, на класс старше меня, считал, что я разъясняю и решаю его домашние задания лучше «школьной училки». Он был с лентой и для математики — закрыт наглухо. Но по жизни парень очень сообразительный, физически крепкий и знавший много анекдотов и всяких историй. Так, он рассказывал, что помогал нести зонтик жене Рузвельта, когда она приезжала в Кисловодск, откуда он и родом.

Мы с ним жили вдвоём в мансардной комнате на самом верху помещения, и это он научал меня всяким премудростям гражданского бытия: зачем и как чистить зубы, для чего носовой платок, как пользоваться вилкой и ножом и как нужно произносить всякие слова вежливости и в каких случаях. Даже притащил про это книжку, которую я очень внимательно прочитал и какое-то время использовал как справочник. Впрочем, сам Джим эту теорию только знал, но редко применял.

После обустройства моего в пансион всё общение с бывшими однополчанами ослабло. Зимние каникулы я проводил с Джимом в городе Русе, на Дунае, в семье его отца — торгпреда. Но за это время я должен был выполнить индивидуальные задания от воспитательницы, а также натаскать Джима по математике для поступления в какое-то закрытое учебное заведение. Я старался, и, похоже, успешно: Джим после летних каникул в пансион не вернулся.

Весенние каникулы я провёл в городе Плевне. Много узнал за это время исторического, увидел и прочитал уже по-болгарски. А летние каникулы — в летних лагерях арtpолка, но в учениях и занятиях бойцов я практически не участвовал. На короткое время я съездил в город Варну к майору Лаврову как к своему командиру. В нашей дивизии шла реорганизация, передислокация: знакомых бойцов и офицеров осталось немного, да и тех распределяли по другим частям и гарнизонам. Ординарца Михаилу Савельевичу уже было не положено, и Иван Ефимов стал командиром артиллерийского расчёта, над которым похихикивали подчинённые: всю войну он кормил и охранял своего командира, а пушки видел только издалека. При последней встрече пожаловался мне, что без наград придётся домой ехать.

— А что, я не заслужил? — спросил. И я искренне ответил:

— Заслужил.

В разных переделках он был со своим командиром и труса не праздновал.

Во второй год моего обучения пансионная школа стала большой советской школой при миссии СКК. В ней учились дети из семей гражданских служащих, приехавших в Болгарию. Моё положение никак не изменилось: я по-прежнему оставался в пансионе на полном обеспечении, в школе стабилизировались мои знания по предметам, а ещё я пристрастился к чтению книг из библиотеки сбежавшего главного болгарского попа. Читал много, первоначально без разбора, но потом дворецкий — то ли русский, то ли болгарин — очень много мне порассказал и подсказал. Начитавшись рекомендованных им книг, я позднее «выдавал» в суворовском училище такое, после чего преподаватели по литературе и истории стали избегать меня спрашивать. Правда, грамматические правила я как-то по-прежнему не признавал.

Второй год в пансионе проходил спокойно. Я вроде бы вжился в это тёплое сытное житие. Но что-то тревожное будоражило это благополучие. Наша дивизия расформировалась, кто и где теперь служил, уже и не узнать было. Одно везение — брат оказался в воинской части, которая располагалась на окраине города Софии. И мы с ним пару раз встречались. Он был доволен службой, доволен моим положением.

Но тревога и в нём чувствовалась: войска наши должны были покинуть Болгарию уже к лету. Второму лету моей учёбы. И по окончании учебного года мне больше некуда было отчаливать на летние каникулы. По доброте душевной меня на две недели забрал из пансиона в город Плевну вместе со своей дочерью наш военный представитель. Плевна — город российской во-

инской славы. Музей, памятники, легенды о генерале Скобелеве. Всё это я увидел, познал и запомнил на всю жизнь. Здесь росли и крепили моя вера и гордость за наше воинство.

Когда я вернулся в пустующий пансион, там меня ожидал заместитель генерала Бирюзова по комсомолу майор Кухарев, который, по моему понятию, был ещё и журналистом, и корреспондентом газет, центральных и армейских. Он постоянно был в разъездах, а меня поручил своей добрейшей жене Нине. Она опекала меня, водила в офицерскую столовую, где я тоже временно состоял на довольствии. С нею было хорошо и уютно. Думаю, что я тоже не доставлял ей много хлопот. Я уже понимал, что беременную женщину нужно жалеть и оберегать. Но уют длился недолго: совсем неожиданно поступила команда явиться на приём к генералу Бирюзову. Помню, что после этого сообщения я вздрогнул, как от предчувствия опасности: детский дом замаячил, а смыться некуда, потому как не в России я.

Генерал принял меня с улыбкой, похлопал по плечу, похвалил за учёбу и спросил, кем я собираюсь стать в жизни. Я по своей наивности ответил, что хочу служить в своём артсоединении.

— Похвально, — сказал генерал. — Значит, прямая дорога в суворовское военное училище. Готов к этому?

Не такого я ждал. Потому замешкался с ответом. Но и всё же молниеносно сообразил: поездка в Россию, где можно смыться ещё по дороге в какой-то суворовский детский дом, где домом и не пахнет. Ответил я, что готов. Но генерал заметил мою заминку и понял её очень верно. Поэтому, уже обращаясь к майору Кухареву, чётко сформулировал поручение: офицер-сопровождаец, рекомендация на воспитанника и документы на Курское суворовское училище. Генерал был очень занятым человеком, строгим и справедливым, вершителем международных решений. И всё-таки нашёл он время и возможность принять участие в судьбе бездомного мальчика.

— А что наградами тебя обделили... Это не беда. Награды у тебя ещё впереди. Расти настоящим человеком! — закончил он.

Приём окончен. Девять минут. Мы вышли.

— Откуда товарищ генерал знает, что меня вычёркивали из наградных? — спросил я майора Кухарева.

Он рассмеялся, помолчал, потом как-то очень уж серьёзно заявил:

— Наш командарм всё знает про тебя, даже и то, что ты драпануть надумал. Не глупи. Суворовское — это не детдом. Генерал наш такое участие к тебе оказал, что и не понять пока, за

какие заслуги. Может, за будущие. Мы подошли к дому, где квартировали Кухаревы. Тётя Нина всплакнула, когда я вскинул на плечо свой артиллерийский вещмешок. Пожелала счастливого пути, а путь мой был через город Констанцу в Румынии, где мне в красноармейскую книжку вклеили фотографию и выписали какие-то бумаги на пересечение границы СССР.

Вся эта бюрократическая галиматья длилась два дня. Днём я обедался мороженым, а вечером был на концерте знаменитого певца по фамилии Лещенко. Он жил в Румынии и очень хотел вернуться в Россию, как и многие другие эмигранты.

Российская граница встретила нас непогодой и шеренгой оцепления вдоль состава. У нас с сопровождающим вещей почти не было, кроме дорожного харча, который нам выдали со склада. На нас проверяющие только взглянули и потопали дальше. А мы с сопровождавшим меня капитаном всё больше торчали в тамбуре: он всё курил, тяжело дышал, прокашливался. По наградам — не такой уж герой, но по движениям, рассуждениям — разведчик. Он всегда наперёд знал, что мне надо, что я задумал сделать. И когда в городе Брянске я уже готов был рвануть в бега, он очень чётко и своевременно тормознул меня. Потом почти всю ночь мы говорили обо всём, как двое равных, взрослых.

— Взял бы я тебя с собою, но вот еду я в никуда, и судьбина у меня болезненная и короткая: изрешечён весь вдоль и поперёк и вместо дома, которого у меня нет (погибли все), направление в госпиталь.

В этой речи не было ни жалости к себе, ни зависти к здоровым и молодым. По грамотности оказался он каким-то профессором языковым. Это выяснил я уже в суворовском, разговаривая с преподавателем, который диктантом и упражнениями по математике устанавливал мой уровень знаний.

Когда закончилась эта проверка, мой сопровождающий как будто растворился — вышел перекурить и не вернулся назад. А меня повели переодеваться, а затем в летний суворовский лагерь «Мокву», на берегу речки Сейм, под Курском.

Лагерь — несколько рядов армейских палаток на 5—7 человек. В них койки, тумбочки и на опорной стойке — вешалки. На территории — столовая под навесом, двухэтажное строение летнее (санчасть, канцелярия) и домик начальника училища. Имелась и баскетбольно-волейбольная площадка, плац для построений, стадион травяной для футбола и конной выездки (училище имело свою конюшню, которую ликвидировали в пятидесятые годы и ввели автоподготовку).

Ребят в лагере было мало: только те, кому некуда было ехать в отпуск. Круглые бездомники и югославы — человек десять.

Занятий никаких не было: отпускное время. Обязательны: ранний подъём, приём пищи по расписанию дня, а в основном — футбол и до, и после обеда в пределах территории лагеря, а также плавание с училищного пляжа под присмотром дежурных — помощников офицеров-воспитателей.

Суворовцы оказались общительными. Кто и как попал в училище, обсуждению, и тем более осуждению, не подлежало. Тема закрытая: и детдом, и криминальные компании были в прошлом у некоторых. Но всё это если и не забыто, то в себе подавлено.

Приняли меня хорошо. Уже через неделю я много узнал не только о расписании, но и о порядках нарушения этого расписания «в пределах допустимого», то есть так, чтобы избежать наказания. И когда уже все вернулись из отпусков, начались пока не школьные, но уже серьёзные занятия: кроссы по пересечённой местности, заплывы на реке Сейм, стрельбы, метание гранат, сдача нормативов на спортивные разряды, дневные и ночные игры в войнушку. На «зимние квартиры» переходили 24—25 августа. Было два здания: главное — четырёхэтажное (бывшее студенческое общежитие) и «красное» — двухэтажное (бывшая городская больница). Уцелели они только потому, что во время оккупации Курска в одном было гестапо, а в другом — госпиталь.

В сравнении с лагерным расписанием более плотный. По общему мнению, сначала в нашем мальчишеском мире было не Слово, а Команда. И не одна, а множественная, почти без пауз: «Подъём! Выходи строиться на зарядку без рубашек! (Это по любой погоде.) Становись! Равняйся! Разомкнись! Упражнения на 16 счётов начи-най! Раз, два, три... Стой! Кру-гом! Бе-гом марш! Стой! Оправиться! Заправить кровати! Умыться! Приготовиться к построению!»

В процессе зарядки приветствовалась дополнительная пробежка в пределах одного километра и полное обливание холодной водой.

Напряг во всём и практически в течение всего дня. Но без жестокости и с какой-то доброжелательной строгостью.

Чисто школьных уроков было шесть-семь до обеденного приёма пищи. Всегда сытной и свежей и в таком объеме, что и не съесть всего — многовато. Это отслеживалось и выяснялось, по какой причине воспитанник страдает отсутствием аппетита. К здоровью и к физическому развитию в целом было самое пристальное внимание. По этим обстоятельствам даже были отчисления из училища. Я это унюхал в первую же зиму и «принял опережающие действия», как тогда было принято говорить: разорвал и выбросил свою медицинскую справку, в которой было указано о моём ранении и тяжёлой контузии. Не хотелось

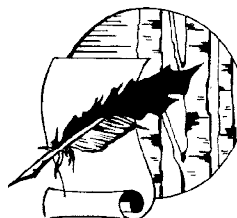
быть отчисленным, а ещё и заработать кличку «контуженный», что было вроде как ругательным прозвищем.

Хотя осколка в шее уже не было (он ещё в пансионе в Софии сам собою, как чирей, выпал), но при нагрузках и физических упражнениях я ощущал себя болезненно. А что уж говорить о головных болях! Но скрывал и преодолевал. А в плотном учебном графике становилось всё легче и проще. Привык и полюбил справедливую строгость распорядка дня, свой взвод, роту и преподавателей (в основном, офицеров, бывших преподавателей вузов), которые сумели вложить в нас жажду познания и достоинства. Не хватит никаких слов, чтобы оценить высочайший вклад офицеров-воспитателей и их помощников в наше воспитание: они проводили с нами, наверное, больше времени, чем со своими семьями и детьми.

Доброта, которой обделены мы были в своём военном детстве, в суворовском — Курском суворовском училище — жила и процветала.

Потому и суворовское братство я принял как моё. Сразу и навсегда. Хотя со своею военной судьбой я вращался в него тяжело и болезненно. И об этом, возможно, будет отдельное повествование.

г. Дедовск Московской обл.

Леонид САФРОНОВ,
протоиерей, настоятель Свято-Никольской церкви
в пос. Рудничный Кировской (Вятской) области

ГОСПОДНЯ РИЗА

ПОЛЕ КУЛИКОВО

По ночам в дозоре очи зорки,
Не упустят посвиста стрелы...
За татарским станом воют волки
И клекочут грозные орлы.

За татарским станом стонут гуси,
Точат туры старые рога...
«Помоги нам, Господи Иисусе,
Одолеть коварного врага».

Тишина стоит за русским станом.
Будто светом промелькнувших крыл,
До рассвета очи и уста нам
Тихий ангел бережно укрыл.

Хоть бы пёс, но даже пёс не лает,
И не слышно ржания коней.
Далеко на севере пылает
Неземное зарево огней.

Лишь однажды кликом лебединым
Встрепенётся Русь, оглашена.
И опять дыханием единым
Над полями дышит тишина.

Я к земле сырой приставил ухо,
Будто колос сломленный ржаной,
И услышал, как рыдают глухо
Русская с татарскою женой:

«Ты лети, лети стрела прямая,
А у самой цели окривей.
Не лишай любимого Мамаю
Голубых с прохладой кровей».

«Обернусь из девки в ездоки я
И от сабли князя сберегу...», —
Вслед за ней княгиня Евдокия
На другом курлычет берегу.

От росы рыданье смолкло, смолкло,
Будто начался потерям счёт...
Между станов тихо речка Смолка,
Будто кровь горячая, течёт.

Словно кровь, течёт она по жилам
И втекает грозно в Синий Дон:
«Матерь Божья, помоги дружинам
Воротиться к жёнам в отчий дом».

С неба месяц сбился, как подкова.
Что нас ждёт, не видно впереди...
Жизнь прожить, что поле Куликово
За Россию в битве перейти.

1997

ЗАРЯ

Как будто откровение из рая,
Внимающих за всё благодаря,
Окраины России озаряя,
Пылает полуночная заря.

Уж полоса зари всё уже, уже,
И вот она уже едва видна...
Померкло всё. Лишь в придорожной луже
Ещё всплывает светлое со дна.

Исчезло всё. Как будто не бывало...
Чем так недолго восторгались мы.
Как будто мрак набросил покрывало
На наши просветленные умы.

И снова мы беспомощны, как дети,
Лишённые и памяти, и глаз,
Как будто откровенья Божьи эти
Мы видим в первый и последний раз.

И всё же это краткое сиянье
В нас, потемневших, Бог не угасил:
По-прежнему мы жить не в состоянье
И пребывать по-новому нет сил.

И лишь душа бездонная поэта,
Которая от мира далека,
Подхватит в нас сияющее это
И выразит, быть может, на века.

2005

ЛЕРМОНТОВ

Он жил душою в двух мирах.
Ту душу Ангелы носили.
Он был, как радужный мираж,
В святой поэзии России.

То человек он был, то дух,
То полон доброго, то злого...
И всё же главным в этих двух
Всегда вначале было Слово.

Такой, как Лермонтов, поэт
Всегда рождается раз в вечность.
И даже звёзды с эполет
Его сошли, сияя в млечность.

Он в этом мире будто был
И в то же время будто не был...
В его стихах таится быль
Которую рождает небыль.

Средь поэтических светил,
Блеснув как яркая комета,
Он эту землю посетил.
И слава Господу за это!

Июль 2025

О МИРНОЙ ТИШИНЕ

Пришёл со службы фронтовик
В погонах старшины.
Он за пять лет совсем отвык
От мирной тишины.

Вползает в душу тишина,
Как танк, ее круша.
Той тишиной оглушена
У старшины душа.

Совсем не спит он по ночам,
Здоров, высок, плечист...
Хоть сей же час беги к врачам —
От тишины лечись.

И под бессонным старшиной
Скрипит всю ночь кровать:
Кто знал, что с мирной тишиной
Придётся воевать.

Июнь 2025

ПОСЛЕДНИЙ ВЕТЕРАН

Последний последней войны ветеран
В войну молодой был да ранний.
Он если умрёт, то умрёт не от ран —
От горьких воспоминаний.

Доживший до самых последних седин,
Домашним уходом доволен,
Узнает вдруг, что остался один
На поле сражения воин.

Он резко очнётся в житейском дыму,
Сердечную примет таблетку
И тут же умрёт, потому что ему
Идти будет не с кем в разведку.

Май 2025

РОДИМАЯ КРЫСА

На землю тяжёлые крыши
С высокого неба свело.
Кругом ни души — даже крысы
Покинули это село.

Увидели голод и холод
И в избах погашенный свет,
Собрали пожитки и в город
Ушли за хозяином вслед.

От них никуда не укрыться,
Хоть будь на седьмом этаже.
Лишь ляжешь — родимая крыса
Скребёт и скребёт на душе.

Июнь 2025

ТАБАК

На Курской Дуге в мясорубку
Вползает на танках народ...
И Сталин табачную трубку
Уверенно в руки берёт:

«Эх, задали черти задачку!
А то бы лежал на боку...»
И «жукова» целую пачку
Он в трубку вогнал табаку.

И снова про Курскую стычку
Ещё что-то буркнул под нос,
И резко горящую спичку
К заряженной трубке поднёс.

Горячего дыма затяжка —
И чувствует Сталин уже:
Не так одиноко и тяжело
Теперь у него на душе.

Противника цепь поредела.
И полон горючего бак.
Какое великое дело
Творит этот Жуков-табак!

24-25 июля 2025

* * *

Зимний холод стоит на пороге.
Голубеет осинник нагой.
Кто-то шибко спешит по дороге,
Только листья гремят под ногой.

Набок шапка потёртая лисья.
Он шагает, слегка подпитой,
И гремят облетевшие листья
У него под могучей пятой.

Он ходил за покупками в город
И не то что бы очень устал,
Просто холод, пронзительный холод
Мужичка по дороге застал.

Оттого он немного и выпил.
Не какой-нибудь там скандалист!
Просто выпил от грусти и выпал,
Как осенний осиновый лист.

Он шагает легко и упруго,
Чтобы вёрстами ног не намять.
Ждёт его молодая супруга,
Может, завтра кормящая мать.

Распирает волнение мужчину,
Приподняв до небесных высот.
Он несёт для ребёнка машину,
А на случай, и куклу несёт.

В тёплой хате из мокрой котомки
Он достанет бутылку с вином.
«Погляди-ка, какие потёмки,
Дорогая, стоят за окном».

Выпив рюмку, приложится ухом
К голубому её животу.
Тянет с Неба таинственным Духом.
За окном все деревья в цвету.

Март—апрель 2008

* * *

Елене Владимировне Мкртчян

Она родилась, как Господь, в Рождество:
Уж тем поцелована в темя.
Хоть с Дивным младенцем одно тождество
Имея рождения время.
Ей дан был от Бога не голос, а Глас.
При звуках небесной цевницы
Она родилась — и над нею зажглась
Звезда несравненной певицы.
Страшась, пеленала родимая мать
Младенца крылатые руки.
С родства научилось дитя понимать
Из слов исходящие звуки.
Уж лучше б она родилась соловьём,
Всю жизнь распеваящей пташкой!
Она и была в пониманье своём
Той птицей в судьбе своей тяжкой.
Светясь, воспевала Рожденье Христа.
Но в жизни настали минуты:
Её воспевальные птичьи уста
Людской глухотою замкнуты.
С тех пор ни минуты она не поёт —
Лежит на земле, как немая,
И слушает ангелов тихий полёт,
Лишь ангелов пенью внимая.

В ночь с 6-го на 7-е января 2025

ГОСПОДНЯ РИЗА

Из дальней Персидии с визой,
Коня убыстряя разбег,
Несётся с Господнею Ризой
Высокий посол Улугбек.

Он скачет от шаха Аббаса.
И с ужасом видит гонец
Всему, чем в дорогу припасся,
Вот-вот и наступит конец...

И станет он лёгкой добычей
Средь северных долгих ночей,
Добычей и зверьей, и птичьей,
Ещё там неведомо чьей.

«Навеки я сердцем остыну,
Ничо не поделаешь тут...
А данную шахом святыню
Степные снега занесут.

Взойду я степной повиликой
Один, одинокий, как перст,
Когда-то наездник великий,
Единственный истинный перс».

Но как-то случилась стоянка.
Последний кусок со стола
В бесхлебицу баба крестьянка
Худому послу отдала.

Доколь колесил он по свету
Горел он и зяб он, и мок...
Как хлебную корочку эту,
Россию забыть он не мог...

Бескрайние русские дали,
Светясь от молитв и постов,
Во веки веков не видали
Ещё из Персиды послов.

Юродцы с ним ста́жались лбами,
Служа ему, как коновязь,

А то верстовыми столбами
В незнакомом пути становясь.

Московии сведав пустыню,
Спознав её холод и зной,
Он прячет у сердца Святыню
В суме перемётной с казной.

В степи бесконечной безводной,
Убитому долгой ездой,
Та Риза горит путеводной
Святой православной звездой.

И вянет, как пышная астра,
В душе за верстою верста
Родная звезда Зороастра
Религии перской звезда.

И вот уж у истого перса,
Где раньше была темнота,
Уже не у сердца — средь сердца
Святыня упрятана та.

Пропах он и потом и илом,
Ездок, не любитель карет.
Встречает с царём Михаилом
Посла Патриарх Филарет.

И после обычных приветствий,
Душою уже не такой,
Наездник, святыню привезший,
Отходит в посольский покой.

Вернувший домой из разлуки,
В щепотку сложив три перста,
Пойдёт он на крестные муки
За русского Бога Христа.

Но это потом. А сегодня
Из рук дорогого посла
Бесценная Риза Господня
По русскому свету пошла.

И вот под молебное пенье,
Святыню неся пред собой,

Всем людом уходят в Успенье —
Кремлёвский великий собор.

Поют перед всеми святыми
Попы с протодьяком седым —
И всходит столпами витыми
Каильный над Ризою дым.

У всех в ожидании лица.
Болящие жмутся толпой:
Вот-вот и хромой исцелится,
Вот-вот и прозреет слепой...

Все смотрят с великой надеждой
Что Тот, Кому праздник отпет,
Своею святою Одеждой
Укроет Россию от бед.

Декабрь 2023 — май 2025

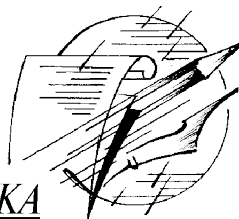
Редакция журнала «Молодая гвардия» сердечно поздравляет отца Леонида с произошедшим в октябре этого года 70-летним юбилеем! Желаем замечательному батюшке, выдающемуся русскому поэту — давнему автору нашего журнала — крепкого здоровья на благо великого служения Русской Православной Церкви, всенародной любви и Божией помощи в его больших трудах!

Евгений ВЕРТЛИБ,
член Союза писателей России,
президент Международного Института стратегических оценок
и управления конфликтами (Франция)

ЕВРАЗИЙСКИЙ РЫЧАГ РУССКОЙ СИЛЫ

Евразийский рычаг русской силы заключается в уникальном сочетании географического положения России в центре Евразии, её богатых энергетических ресурсов, стратегических транспортных коридоров и интеграционных институтов, которые вместе позволяют стране одновременно оказывать экономическое, политическое и культурное влияние на соседние государства и глобальные процессы, превращая Евразию в инструмент укрепления её международного веса и стратегической мощи.

География формирует политику, политика использует географию. Россия с момента своего зарождения выстраивает стратегическую ось, опираясь на пространство, глубину и историческую миссию. Каждое поколение военных и мыслителей создавало формулы власти и безопасности, превращая пространство в фортификацию, делая природу бастионом, а государство — организмом, выдерживающим давление изнутри и удары снаружи. Славянские князья, правители Орды, Романовы, реформаторы XIX века, советские стратеги и современные лидеры — каждый по-своему, но все исходили из единого закона: судьбу державы определяет контроль над

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Хартлендом. Эта формула — синтез идей Ратцеля, Макиндера, Хаусхофера и русской стратегической школы, сжатый до одной линии: «пространство решает судьбу государства». В этом нарративе каждый рубеж, каждая война и каждая реформа становятся элементом единой оси, ведущей от Древней Руси к современной Евразии.

Изначально русская геостратегия коррелировала, т.е. сочелась с пространством, превращая географию в продолжение воли. Как у Лихачёва: «Воля вольная — это свобода, соединённая с простором, с ничем не преграждённым пространством». Реки и водные пути «из варяг в греки» служили Киевской Руси артериями власти и стратегического контроля. Владимир Святославич использовал христианство как канал международного признания и инструмент внутренней консолидации («вера как рубеж государства»), а Ярослав Мудрый через династические связи и правопреемство укреплял Русь как силовой центр Восточной Европы («кто держит Киев — тот центр земли Русской»). Эти потоки власти протекали сквозь давление степи и Византии, обеспечивая баланс между Востоком и Западом.

Монгольское нашествие XIII века разрушило старую модель, но привело к формированию новой стратегической практики. Александр Невский сделал ставку на прагматичный союз с Ордой как меньшим злом по сравнению с западной угрозой («лучше поклониться хану, чем пасть под латинянами»). Иван Калита превратил стратегию в политику накопления: земля и богатства аккумулировались как ресурсы для геополитического самодвижения, обеспечивая прочную основу укрепления власти и развития государства. Как писал Фридрих Рацель: «Государство — это живой организм, прикреплённый к определённой части земной поверхности, и его характеристики развиваются из особенностей народа и почвы». Москва стала осью, вокруг которой концентрировалась власть и стратегическое управление Русью.

Иван III разрывает зависимость от Орды и оформляет концепцию суверенитета, превращая Москву в ядро единого государства. Именно тогда формулируется идеологема «Москва — Третий Рим» — первый цивилизационный проект России («два Рима пали, третий стоит, четвёртому не бывать»). Эта формула приобретает мессианский характер: Россия выступает как катехон — удерживающая сила, сохраняющая христианский порядок в мире и противостоящая наступлению сил зла. Василий III и Иван IV опираются на эту парадигму, закрепляя границы через покорение Казани и Астрахани, формируя линию против степи и Османской империи. Опричнина становится инструментом

внутренней мобилизации пространства («государство держится железом»), обеспечивая централизованное управление и контроль над ресурсами. Вокруг — давление Запада и Юга, формирование единого континентального организма.

Смутное время XVII века демонстрирует цену потери центра. Минины и Пожарские создают прецедент народной мобилизации («народ — последний резерв государства»), возвращая стабильность и легитимность власти. Романовы начинают столетие внутреннего восстановления: Фёдор Алексеевич укрепляет армию, Софья и Голицыны расширяют рубежи, а Пётр I переносит стратегический вектор на Балтику. Его формула проста и ясна: Россия без флота уязвима; Балтийская экспансия — окно в Европу и средство признания («флот — продолжение армии»). Запад в это время живёт по логике морских империй, но Пётр впервые интегрирует Россию в эту игру, соединяя внутреннюю мобилизацию, контроль над пространством и внешнюю стратегию в единый геополитический комплекс.

Россия при Екатерине II закрепляет выход к тёплым морям: Крым становится опорой, Чёрное море — зоной стратегического присутствия, Балканы — полем расширения влияния и защиты православия. Потёмкин формулирует стратегический тезис: «граница должна быть передовой», создавая Новороссию как плацдарм для движения на Юг. Это синхронизируется с кризисом Османской империи. Одновременно Суворов выводит военную школу в принцип «побеждать не числом, а умением» — и это становится геополитической аксиомой России («скорость и натиск компенсируют пространство»). На фоне того, как Великобритания утверждает господство над морями, Россия закрепляет стратегический баланс на суше. Крым и Чёрное море становятся южными опорными точками, а Балканы — зоной обеспечения России контроля над ключевыми сухопутными коммуникациями и стратегического веса в Восточной Европе.

XIX век начинается победой над Наполеоном. Кутузов формулирует концепт стратегической обороны на глубине пространства («потеряв Москву, мы не потеряли Россию»). Это классическая формула географии как оружия. Александр I после Венского конгресса осознаёт Россию как арбитра континентальной политики («без России нет Европы»). Параллельно Сперанский предлагает административное упорядочение огромного массива, превращая власть в рациональный аппарат («власть должна работать как машина»).

Николай I символизирует роль оплота европейского порядка: Россия берёт на себя задачу стабилизации континента

(«наша армия — барьер хаосу»). Крымская война вскрывает слабость: без флота и союзников континентальная мощь оказывается изолированной. В этот момент на Западе Альфред Мэхэн формулирует доктрину: «морская мощь решает судьбы империй». Россия делает вывод: внутренние реформы необходимы для усиления военной силы. Дмитрий Милютин проводит реформу армии, вводит всеобщую воинскую повинность и увязывает структуру войск с географией рубежей («армия — инструмент географии»), превращая войска в органическое продолжение живой территории, обеспечивая гибкость, мобилизацию и устойчивость континентальной стратегии.

К середине XIX века Россия выходит в Среднюю Азию. «Большая игра» с Британской империей становится школой геополитики: англичане контролируют океаны, Россия — сушу. Муравьев-Амурский закрепляет Приамурье, выход к Тихому океану, обеспечивая стратегическую глубину на Востоке («граница должна смотреть к океану»).

Россия — центр Евразии. География, история и цивилизация здесь сливаются в единую органику. Как писал Фридрих Ратцель: «Государства вовлечены в бесконечную борьбу за пространство... Государства развиваются на пространственной основе, извлекая всё больше энергии от земли». Для России эта основа — сам Евразийский материк. Здесь пространство становится не ареной, а продолжением воли, той самой «территорией как судьбой народа» (Лихачёв).

Россия — центр Евразии, её тело и «живодышащая земля», от которой нельзя отказаться, не утратив государственности. Для англосаксов Евразия — объект внешнего контроля; Британия — «крокодил», удушающий континент через блокаду.

Макиндер лишь систематизировал то, что Лондон ощущал инстинктивно: контроль над Евразией — ключ к мировому господству, а Россия — ядро неизбежного противостояния морским экспансионистам. Данилевский писал: «Россия и славянские народы относятся к особому культурно-историческому типу. Европа — чуждое и часто враждебное». Россия — центр Острова; для русичей — живая материя государственности; для морского разбоя же Евразия — лишь трофей. Россия удерживает центр и разворачивает его в цивилизационный проект своей геостратегической идентичности — «иног типа истории».

Тютчев: путь России противоположен Западу; её миссия — сохранение евразийского ядра («Умом Россию не понять»). Фон начала «Большой игры» — кризис Османской империи, расширение влияния России на Балканах.

Военные теоретики закрепляют практику. Иванин и школа военной географии рассматривают войну как функцию территории («география — продолжение стратегии»). Милютин институционализирует этот принцип, создавая систему округов и армейских резервов, привязанных к рубежам государства («армия — инструмент географии»). Драгомиров добавляет моральный фактор и мобилизацию духа войска, показывая, что территория без дисциплины и моральной воли бесполезна («война — акт пространства и духа»).

На Западе Ратцель публикует работы о государстве как организме («государство растёт или умирает»). Альфред Мэхэн развивает морскую стратегию, показывая, что флот определяет судьбу империй («кто владеет морями, тот владеет миром»). Россия противопоставляет этим теориям континентальную логику: суша обеспечивает долговечность и глубину («континент сильнее флота в решающий час»). Евгений Вандам формулирует военную геополитику России как союз континентальных сил против морских держав («континент — противовес флоту»). Его идеи находят отражение в дипломатических планах и военной подготовке, соединяя древнюю традицию глубины с современными вызовами.

Россия продвигается в Среднюю Азию: овладение Туркестаном создаёт стратегический щит в глубине континента. Дальневосточными территориями закрепляется выход к Тихому океану. Об этом мечтал Николай II. Он ставил ключевую стратегическую задачу: Владивосток и Приморье рассматривать как опорные военно-морские и экономические пункты, а Транссибирскую железную дорогу, обеспечивавшую связь Европы с Дальним Востоком, — как укрепление позиций на Тихом океане. Что было необходимо для противостояния Японии и западным державам. Регион воспринимался как источник ресурсов и новые торговые пути, что вписывалось в концепцию «великой России», соединяющей Европу и Азию. Граница стала «смотреть к океану». Контур геополитической оси креп — сухопутная логика надёжно обеспечивала возможность стратегического манёвра, несмотря на контрмеры морских цивилизаций. Конфликт с Британией на границах Индии и Афганистана демонстрирует, что суша и глубина решают судьбу держав.

Первая мировая война проверяет все накопленные принципы. Россия вступает на два фронта, используя географическую глубину, численность армии и моральный фактор как инструменты стратегии. Кутузов и его наследие глубокой обороны живут в доктринах командования («потеряв город, не потерять страну»). Но внутренняя слабость, политическая не-

стабильность и социальное напряжение разрушают организационную структуру. Революция 1917 года ломает государство, но не отменяет географический закон: пространство остаётся главной осью стратегии.

Революция 1917 года разрушает старую имперскую структуру, но не географию. Ленин видит в мировом порядке ресурс для укрепления России и формулирует стратегическую аксиому: «отдать пространство, чтобы выиграть время». Брестский мир — прагматический шаг, уступка территории ради мобилизации сил («выжидание — оружие слабого»). Вокруг рушатся империи, формируется новое поле глобальной борьбы.

Троцкий предлагает альтернативу — «армия как мировая экспедиция», но его концепция гибнет вместе с ним. Советская стратегия возвращается к классической логике глубины. Михаил Фрунзе утверждает: армия должна быть единым инструментом политики и территории («война — выражение государства, армия — её рука»). Тухачевский разрабатывает глубокую операцию, синтезируя манёвр, технику и моральный фактор («удар на всю глубину решает исход»).

На Западе Джулио Дуэ формулирует воздушную доктрину: «кто владеет небом — владеет войной». Хаусхофер предлагает континентальную геополитику и *Lebensraum*: «пространство — жизнь народа». Спайкмэн выдвигает *Rimland* — прибрежные зоны как ключ контроля над материком («контроль римленда — контроль Евразии»). Но эти западные формулы лишь фиксируют теоретически то, что Россия реализует столетиями на практике — комбинация глубины, армии и индустрии.

Сталин превращает индустриализацию в стратегический ресурс: «без фабрик и дорог страна уязвима». 1930-е годы формируют мобилизационную мощь — заводы, железные дороги, армия. Глубина и территориальная подготовка становятся основой обороноспособности. Репрессии и чистки, включая Тухачевского, жёстко фиксируют централизованную дисциплину, оставляя идеи глубоких операций в основе будущей стратегии («контроль над армией — контроль над пространством»).

1939—1941. Европа в кризисе. Германия идёт на Восток. Хаусхофер рекомендует союз против морских держав: «Континент решает, морские силы вторичны». СССР готовится к столкновению. Стратегия опирается на историческую логику: глубина, мораль, индустриальная база, подготовленные рубежи.

Великая Отечественная война — проверка тысячелетней лии. Немецкий блицкриг рассчитывает на быстрый успех, но

Россия отвечает стратегией пространства. Жуков воплощает доктрину глубокой операции («удар всей массой, на всю глубину»). Сталин повторяет уроки Кутузова: «потеряв Киев, не потерять страну». Глубина, зима, логистика — все факторы работают в едином стратегическом континууме.

1945 год: СССР удержал Хартленд и вышел к Европе. Западные теории доказали свои возможности в плане анализа, но практическая реализация принадлежала России: «пространство и воля сильнее блицкрига». Континентальная логика, стратегическая глубина и индустриализация стали решающими факторами победы.

После 1945 года геостратегическая реальность приобретает глобальный масштаб. СССР выходит из войны как центр Хартленда: «контроль над Евразией — ключ к мировой стабильности». США формируют противоположную логику — Rimland, контроль прибрежных зон и океанов («контроль римленда решает судьбу материка»). В мире два центра, два подхода, два видения геополитической оси.

Сталин закрепляет территорию через индустриализацию и железные дороги, укрепляя стратегическую глубину: «дорога и линия фронта — одно и то же». Масштабная индустриализация делает возможным стратегическое маневрирование ресурсами и армией. География служит инструментом планирования и обороны, а не только границей.

Холодная война формирует новые параметры: ядерное оружие вводит концепцию сдерживания, но основа остаётся прежней — суша и контроль пространства. Кузнецов и Гречко формулируют военно-морскую доктрину СССР: флот защищает коммуникации, но континентальная логика остаётся базой («флот — вспомогательное средство, суша — ядро»).

Западные стратегические и международные теоретики продолжают оперировать несколькими ключевыми моделями. Реализм рассматривает государства как рациональных акторов, преследующих собственные интересы и власть в анархичной международной системе; сюда относятся как классический реализм, так и неореализм Кеннета Уолтца. Либерализм и неолиберализм акцентируют внимание на международных институтах, экономической взаимозависимости, демократии и правах человека как факторах стабильности, включая теорию комплексной взаимозависимости. Геополитические и морские концепции оперируют пространственными моделями власти: теория Хартленда Маккиндера утверждает, что контроль над «Мировым островом» — Евразией — ключ к глобальной гегемонии, доктрина Римлен-

да Спайкмана подчеркивает значение прибрежных зон, а морские теории рассматривают «морские державы» как контролирующие океаны и глобальную торговлю. Стратегии силы и доминирования, такие, как теория гегемонии, объясняют нестабильность международной системы и возможность войн при смене баланса сил.

Современные подходы включают концепции сетевой и информационной войны, учитывающие влияние технологий и киберпространства, а критические и конструктивистские теории изучают роль идей, идентичностей, норм и дискурсов в формировании международной политики. Все эти модели позволяют западным аналитикам объяснять и прогнозировать динамику международных отношений, оценивая как материальные, так и нематериальные факторы глобальной политики.

Западные теоретики продолжают оперировать моделями, переосмысливая идеи Макиндера и Спайкмана через призму НАТО и американской политики сдерживания: контроль Римленда трактуется как контроль Хартленда. В СССР же стратегия строится на собственной практике: концентрация сил, подготовка глубины, индустриальный потенциал и моральное единство, где все линии ведут к центру, а центр — к победе.

В 1960—1980-е годы, в эпоху Брежнева, фиксируется идея устойчивой обороны и контроля ключевых зон влияния. Африка, Ближний Восток, Восточная Европа воспринимаются как плацдармы Хартленда. Ракетные войска стратегического назначения становятся продолжением пространственной логики: ракета — орудие глубины, а армия и флот — лишь компоненты единой оси. Западная доктрина MAD (Mutual Assured Destruction) ограничивает открытую войну, но не меняет сути: контроль над пространством решает исход цивилизаций. Сравнение показывает превосходство русской линии — суша и глубина обеспечивают стратегическую автономию, морские и воздушные концепции лишь дополняют её.

В конце 1980-х СССР сталкивается с внутренними вызовами, но фундаментальная геостратегическая логика сохраняется: индустриальная и военная база, контроль транспортных коридоров, географическая глубина — всё это поддерживает потенциал влияния. Противоборство с США показывает, что морская мощь и технологии важны, но без континентальной базы стратегическая ось рухнет.

Распад СССР в 1991 году смещает стратегическую линию, но не отменяет географических законов: Россия остаётся ядром Хартленда, где пространство определяет политику, а политика использует пространство. В 1990-е годы преимущество США в

морской и технологической мощи очевидно, однако Россия сохраняет континентальную линию, концентрируясь на защите границ, восстановлении армии и стратегической инфраструктуры. Морские операции рассматриваются лишь как вспомогательный инструмент.

После распада СССР в 1991 году Россия пережила системный кризис, но география осталась неизменной. Потеря союзных республик лишь временно смещает стратегическую линию, тогда как ядро Хартленда сохраняется. Внешняя и внутренняя политика формируются через понимание глубины, ресурсов и транспортных коридоров, а морские операции остаются вспомогательными инструментами.

В 1990-е годы очевидно преимущество США в морской и технологической мощи, однако Россия сохраняет континентальную линию, концентрируя усилия на защите границ, восстановлении армии и стратегической инфраструктуры. Геостратегическое ядро обеспечивает автономию и манёвренность, позволяя управлять пространством и ресурсами в интересах государства.

В начале XXI века Россия формулирует доктрину усиления через Евразию: восстановление армии, модернизация флота, транспортные проекты и экономические коридоры отражают принцип: «Кто владеет Хартлендом, тот управляет Евразией». Примеры — Украина, Крым, Сирия — демонстрируют сочетание Россией глубины, контроля коммуникаций, политической воли и индустриально-военной базы. Современные технологии, включая киберпространство и космос, лишь расширяют инструменты, не изменяя континентальной логики, где суша даёт долговечность, глубина — время на манёвр, ресурсы — стратегическую автономию, а морские и воздушные силы служат дополнением.

Сегодня Россия действует как центр Евразии: США и НАТО контролируют периферию, но ключевые решения зависят от географического ядра. Тысячелетняя линия стратегии сохраняет свои принципы: концентрированная мощь, контроль коммуникаций, глубина и моральная готовность остаются острыми инструментами сохранения государственности и влияния. Россия продолжает быть осью Евразии, а Хартленд определяет судьбу мира, объединяя историю, армию, политику и пространство в единую стратегическую формулу, проверенную временем.

Современная геополитическая динамика указывает на смещение центра оси тяжести к Индии, знаменуя наступление новой многополярной эры на основе евразийской модели. Россия сохраняет консолидационную роль, обеспе-

чивая стратегическую глубину, координацию и единство континентальной линии, в то время как Китай, с его экономической мощью и региональным лидерством, уравнивает центр оси, создавая симметричное евразийское пространство силы. Индия, активно развиваясь и интегрируясь в международные структуры, занимает ключевую роль, формируя вместе с Россией и Китаем ядро новой многополярной системы.

Сопrotивление традиционных западных центров власти остаётся значимым, но временным и не способным остановить объективный процесс: формирование евразийско-многополярного порядка продолжается независимо от попыток сдерживания со стороны агонизирующих структур. Глобальный порядок постепенно смещается от евроатлантической доминанты к сбалансированной системе, где континентальные и морские силы взаимодействуют в единой стратегической логике, без диктата внешних транснациональных игроков внутри БРИКС-консенсуса всеобщих мировых интересов.

Мы стоим на пороге исторического перелома: эпоха бесспорного англосаксонского доминирования, которая продолжалась более пяти столетий, завершается. Со смещением геополитической оси на Восток меняется архитектура глобального управления, происходит структурная перекалибровка базовых центров силы, и мир вступает в фазу многополярной конкуренции. Одним из ключевых феноменов этого сдвига стала русско-китайская биполярность, формирующая новый центр силы, способный ограничивать западное влияние на Евразию и ключевые регионы Африки и Индо-Тихоокеанского бассейна. Россия выступает здесь как военно-энергетический актор с высоким влиянием в стратегической глубине Евразии, Китай — как экономический и технологический гигант, активно интегрирующий инфраструктурные, финансовые и военные проекты по всей Евразии и Африке. Их кооперация эффективна там, где совпадают материальные интересы, но остаётся асимметричной: технологическое преимущество и глобальная экспортная ориентация Китая создают ограничения совместных действий, а Россия сосредоточена на региональных стратегических альянсах и военной автономии.

В этой новой архитектуре глобальной силы особое место занимает Индия, которая выходит из категории восходящей региональной державы в ранг критического многофункционального центра. Демографическая и экономическая мощь, стратегическое положение в Индийском океане, развитие IT-сектора и гибкая политика «мультивыравнивания» позволяют Индии ма-

невривать между различными центрами силы, повышая свою цену как партнёра и арбитра в глобальных процессах. Она не действует как антагонист Запада, но формирует собственный портфель влияния, способный одновременно сокращать зависимость от западных финансовых каналов и взаимодействовать с русско-китайской осью. В этом смысле Индия превращается в «коромысло», балансирующее между северо-восточной военной осью и многоцентровыми экономическими и институциональными сетями Глобального Юга.

Эта трансформация создаёт качественно новый ландшафт безопасности и экономики. Архитектура будущего мира будет строиться на принципе гибридной асимметрии, где преимущества распределены по секторам — технологии, финансы, вооружения, демография — и ни одна система не достигает тотального доминирования. Региональные ядра — Евразийская система, Индо-Тихоокеанская сеть, Африканский клуб — формируют многоуровневую сеть, координацию в которой обеспечивают надрегиональные институты. Институциональная плюрализация и стратегическая автономия акторов становятся ключевыми элементами, минимизируя зависимость от единой системы и повышая сложность прогнозирования действий крупных игроков. Это требует создания региональных систем предупреждения конфликтов, финансовых «сетевых» механизмов, технологических консорциумов и новых режимов контроля над стратегическими ресурсами.

Практическая реализация стратегической гибкости проявляется на трёх плоскостях: военной, экономической и идейно-институциональной. Военная стратегия сочетает традиционные силы и новые средства — беспилотники, гиперзвуковое оружие, кибер- и электронную борьбу, логистические узлы и базы вблизи театров ответственности. Экономика демонстрирует геоэкономический диверситет: диверсификация поставок, новые северные коридоры, региональные платёжные системы и бартерные схемы снижают уязвимость от блокировок и санкций. На информационно-идеологическом фронте идёт борьба за легитимность норм и стандартов; новые центры силы формируют альтернативные модели управления, включая BRICS+, региональные объединения и культурно-образовательные инициативы в Глобальном Юге, продвигая «порядок-по-делке» вместо «порядка-по-правилам».

Прогноз на ближайшие 5—15 лет включает несколько сценариев. Базовый сценарий — «асимметричная коагуляция» — предполагает прочную практическую коалицию России и Китая в Евразии при экономическом усилении Индии и сохранении западных регионов влияния, но с падением институци-

ональной гибкости Запада. Сценарий «многополярный сдвиг» предполагает активизацию Индии как центра «третьего пространства», замедление Китая и ускоренную институциональную плюрализацию, тогда как стрессовый сценарий — «системная конфронтация» — прогнозирует усиление стратегической конкуренции между блоками, разрушение глобальных цепочек поставок и рост милитаризации. Эти траектории требуют от акторов готовности к многослойным кризисам, созданию автономных экономических и военных коридоров, технологической и цифровой независимости, а также гибкой дипломатии.

Генштабной логикой будущей стратегии становится конвергенция сценарного моделирования, региональной модульной архитектуры безопасности, технологической автономии и экономических «коридоров устойчивости» с активной институциональной и культурной дипломатией. Россия и её партнёры должны выстраивать сеть адаптивных инструментов и партнёрств, способных защищать национальные интересы в мире, где центр силы переставлен и множится. Переломный период не гарантирует мгновенного конца англосаксонской гегемонии, но открывает окно возможностей для формирования новой системы глобального баланса, где военная мощь, экономический вес и стратегическая автономия интегрируются в многоуровневую и динамическую архитектуру безопасности и влияния, способную поддерживать стабильность и конкурентоспособность ключевых акторов.

Владимир КРУПИН

О, РУССКАЯ ЗЕМЛЯ!

РАССКАЗ

Церковь закрыли в двадцать седьмом,
Школу в две тысячи пятом.

Светлана Сырнева

В деревне Ивановка, а таких у нас были тысячи, жили старик и старуха. Жизнь прошла долгая, много всего пережили. Муж — участник войны, боевой старшина. Вернулся — грудь в крестах. То есть в орденах и медалях. Вот только здоровье всё истратил, даже и левую ногу оставил в немецкой земле. Вернулся инвалидом. Но и косил, и пахал, рыбачить любил. Детей трое. И все дочери. Первую назвали Верой в память о рано умершей матери мужа, вторую Надеждой, в честь матери старухи. Ну, а уж третья, само собой, стала Любовью. Хорошие выросли девочки, красивые, добрые. Но вышли все замуж далеко от дома, в областном городе. Звали стариков к себе. Старуха и рада была бы, но старик ни в какую. «Тут родился, тут и помру. А ты давай поезжай». Но куда она без него?

Деревня Ивановка умирала. Не сама умирала, а её убивали. Убили колхоз, убили и попытки выжить своим хозяйством. Вырастишь поросёнка — перекупщики тут как тут. Берут живым весом, то есть за копейки. Не

ПРОЗА

соглашаешься — вези на рынок сам, сам и продавай. А на рынке: за место плати, за клеймение ветнадзору плати, да ещё ходят по рядам кавказские вымогатели, им плати. За что? За то, что русский, за то, что осмеливаешься выжить, всё никак не очистишь от себя Россию. От них откупишься, появляется родной господин полицейский, ему тоже плати. Много ли домой привезёшь? Спасались пенсиями. Даже и дочкам иногда урывали. Трудно все они жили. «Вы, папа и мама, воспитали нас честными, — говорили они, приезжая. — А как сейчас честным? Честные сейчас все бедные».

Ещё у стариков была причина для огорчений — сосед Панька. Знали его с малых лет, он даже за их младшей дочкой ухаживал. Но она его резко отворотила, когда увидела, что он и выпивает, и наркотиками балуется. К наркоте этой его как раз кавказцы и приучили. Панька постоянно приходил, постоянно цыганил «на пузырьёк»: — «Спасите! Не выпью — подохну». Вначале старик пытался отбить его от пьянки и наркоты, подолгу говорил с ним, но зараза оказалась сильнее, и Панька окончательно пропадавал. Пропил у себя всё, что можно было пропить, только телевизор не вынес. Телевизором дорожил. Легко находил в нём какую-нибудь похабщину или уголовщину и смотрел. Называл телевизор учебником жизни.

Старик болел всё тяжелее. В Ивановке, окончательно её уничтожая, власти оставили только магазин со спиртным и консервами, а медпункт и начальную школу ликвидировали. Школы и медпункта нет, работы нет, куда жителям деваться? Старики умирали, молодёжь уходила. В районную больницу ездить было далеко. Старуха всё-таки настояла, чтоб туда поехать, хотела сдать мужа на стационар, но его не взяли. Хоть и участник войны, но сказали: «Что вы хотите — возраст», а одна врачиха, брюнетка в золотых очках, даже весело пошутила: «От старости лекарства нет». Хотя какие-то витамины прописала.

Витамины лежали на виду, на столе, их в тот же день стащил Панька. Больше некому, только он и заходил, кланчил на пиво.

Старик мужался, не жаловался, но видно было — гаснет. Ел очень мало, через силу. Хотя старуха всяко старалась разнообразить питание. Всё-таки картошка своя, без нитратов, как и свёкла и морковь, ими и питались. Сухофрукты, присланные одной из дочерей, заваривала. Как-то жили. К концу зимы старик уже и на крыльцо не выходил. Старуха попросила Паньку наловить рыбки, уж очень любили они уху.

Но даже и это Панька не сумел. Сумел только урвать денег на бутылку, вроде как аванс.

Старик, видимо, знал, когда умрёт. Он вечером как-то особенно посмотрел на жену, на красный угол с иконами, потом прикрыл глаза, полежал немного, опять их открыл и тихо сказал:

— Земля оттаивает.

Это потом старуха поняла, что старик думал о том, что легче будет могилу копать. Она свою догадку дочерям рассказала, когда те приехали на похороны.

— Под утро чего-то я как-то сильно вздрогнула, вроде как кто в окно стукнул. Окликнула его, молчит. К нему подошла, а он уж готов. И руки сам сложил крест-накрест. Мне бы раньше сообразить, что к чему. Не зря же он вечером попросил рубаху переодеть. А у меня в комоде рубахи лежали. Чистые, стиранные. А эта белая, ненадёванная. И у меня сама рука за ней потянулась. Значит, и мне знак был, а я-то, я-то... — голова у старухи затряслась, слёзы полились. — Без меня ушёл, не дождался...

— Мама, прекрати, — строго сказала старшая Вера. — Сейчас вообще время вдов, а не вдовцов. Подумай, как бы он был без тебя? Будешь жить у нас по очереди.

— Ой, нет-нет. Куда я от могилки, куда? Никому в тягость жить не хочу. Деточек летом посылайте. Ой, жалко как, не видели они деда с орденами. Его ведь всегда в школу на 9 мая приглашали. Мы вначале на пиджак ордена нацепляли, мне он показывал, какие справа, какие слева, какие повыше, какие пониже. А я, забываха, разве я запомню. Говорю: давай вообще не будем отстёгивать, повесим на плечики. Так и висел до следующей Победы. Я его тканью укрывала. Да вот... — старуха принесла тяжелый пиджак, сняла белую простынку.

От сияния орденов и медалей в избе стало светлее. Стали рассматривать. Было много медалей за взятие городов: Кёнигсберга, Варшавы, Берлина, ордена Славы, «Красной Звезды», медали «За отвагу», много юбилейных, уже послевоенных наград.

— Ещё, говорил, была бы медаль за Прагу, как раз их из Берлина туда двинули. Двинулись, да под обстрел попали, тут-то и ногу отдёруло. Вот она, нашивка за тяжёлое ранение. Я медали к празднику начищала суконкой, они ещё сильнее горели. А все вместе такие тяжелые! Гляжу из зала — сидит мой мужёк в президиуме, локтями в стол упёрся — тянут же! Золото, да серебро, да бронза — ещё бы!

— Может, в музей сдать? — спросили дочери.

— Ой, нет, — сразу сказала старуха. — Никому это нынче уже не надо. Пока живу, с ними буду, помру — забирайте.

На поминки дочери привезли всего, и старуха постряпала, а есть и пить некому. Стали вспоминать друзей отца — все уже там. Перебрали своих сверстников — никто в Ивановке, как и они, не живёт. Со встречи все равно посидели хорошо, душевно. Даже негромко спели любимые песни отца: «По Муромской дороге», «Степь да степь кругом», «Славное море, священный Байкал», «Враги сожгли родную хату», «Раскинулось море широко», «Ох недаром славится русская красавица»...

— Он ведь у меня трезвенник был, — сказала старуха, — а вот иногда, очень редко, немножко больше нормы примет, встанет: «Мать, подпевай!» — да как грянет! И откуда голос берётся? Грянет: «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает!». Да. Вечером сидит, письма всё ваши перечитывает.

И ещё долго сидели и поминали отца и мужа, и всё добром. И как учил различать голоса птиц, как плавать учил. Как любил расписываться в дневниках в конце недели. Дочери никак не могли решить, кого же из них он любил больше. Все уверяли, что именно её.

— Да чего хоть вы! — весело примиряла старуха, — любил всех без ума. Вот три пальца — укуси. Любому больно. Переживал за каждую. Придёт из школы с родительского собрания: «Ну, мать, за наших невест краснеть не приходится». Конечно, страдал, что сына не получилось. Эх, говорил, мальчишка бы рыбачил со мной. Вас-то он к рыбалке не приучил.

— И как бы он, интересно, приучил, если тут огород, да ко-рова, да поросёнок? — спросила Вера.

— Зато мамины цветы на всю жизнь. У меня на участке с апреля по октябрь, — заметила Надя.

— Да он больше не из-за рыбалки страдал, из-за фамилии. Сын-то, говорил, хоть бы фамилию продолжил.

— Я продолжу! — сказала вдруг младшая Люба. — Не хотела говорить, именно сейчас надо сказать. Мам, только не реви. Вера и Надя уже знают, и ты всё равно узнаешь. И не вздумай реветь: я разошлась. И сама вернусь на нашу фамилию, и сына запишу на неё же. Он же у меня Саша, Александр, в честь деда.

Старуха горестно помолчала, посмотрела на фотографию мужа:

— Чего ж теперь реветь? Кабы я чего могла исправить. А так...

Панька с дружками выкопали могилу. Помогли и гроб опустить, и землёй засыпали, и холмик нагребли, и временную табличку с фамилией поставили. Конечно, им заплатили, конечно, угостили. На поминках тоже с собой посадили. Панька выпил, осмелел и сказал младшей дочери, за которой ухаживал:

— А вот скажи, ведь ты неправа, что меня тогда отшила. Это ты меня посадила на пьянку. Я же с горя запил, от потери любви. Ты же Любовь.

— Ладно, не болтай, нашёл виноватую. Кто тебя заставляет дурью мучаться? Ты смотри тут, без нас маме помогай.

— А как же! Вот именно что! А ты как могла подумать? — и не постеснялся сказать: — Ты не поможешь парней угостить? Стараются.

И в самом деле, назавтра, когда дочери уезжали, Панька с дружками усердно взялись за дрова. Изображая усердие, громко кряхтели. Конечно, были вознаграждены.

Дочери обещали в городе заказать отцу заочное отпевание, потом привезти с отпевания земельку и высыпать на могилу. Здесь-то негде было взять священника.

Поехали доченьки. Повёз их на станцию тот же нанятый водитель, что и сюда привёз. Мать крестила их вослед. Вернулась в дом — топоры брошены, в доме пьянка. Есть что допить, есть что доест. Старуха вздохнула: как прогонишь? И могилу копали, и дрова кололи.

— Мать! За Иваныча!

Потом старуха вспомнила, какими глазами глядели они на украшенный наградами пиджак мужа. Вспомнить это пришлось очень скоро. Алкоголику и наркоману никогда не хватит ни водки, ни наркоты. Парни, конечно, понимали, что награды старика — это дело не копеечное, дорогое. Вон сколько по телевизору сюжетов о том, как крадут ордена у ветеранов. Продать их можно запросто. Продать и погулять...

Назавтра они пришли, стали просить награды вначале по-хорошему. Обещали и огород копать, и крышу починить. И старику оградку сделать. Старуха, конечно, не соглашалась. Но она даже и представить не могла, что они, известные ей с детства, решатся на воровство.

Не только решились, той же ночью залезли. Сон у неё тонкий, проснулась, поняла, закричала:

— Панька, ты? Да у меня же, дурак ты, топор под подушкой!

Никакого топора у неё не было, она со страху так закричала. Они поверили, испугались, убежали. А она на следующую ночь, теперь уже всерьёз, принесла топор из сени и положила рядом.

И что это началась за жизнь, одни нервы. Из-за этих наркоманов и уходить из дома надолго боялась. Сняла ордена и медали с пиджака, завязала их вместе с орденскими книжками в узелок и постоянно перепрятывала. Приходила на могилку и жаловалась мужу на одиночество.

Вот уже и май. Стала думать, какие цветочки на могилке посадить. Земля могильного холмика осела. Она принесла лопату и подгрестила землю с боков. Может, тогда и мелькнула у неё эта мысль, может, и сам старик подсказал ей. Иначе, почему же она оставила лопату у могилы?

В этот год в деревне уже некому было праздновать День Победы. Старуха оторвала листок численника с красной, праздничной цифрой, вздохнула. Положила его в узелок к орденам и медалям. Спрятала узелок под пальто и вышла из дома.

Пришла на кладбище. Раздвинула уже завянувшие, привезённые дочерью цветы и вырыла в могильном холмике глубокую ямку. Приподняла над ямкой тяжёлый узелок и встряхнула. Ордена и медали внутри узелка звякнули. И ещё встряхнула, и ещё.

— Такая тебе музыка, Саня, какую заслужил, — произнесла она.

Опустила в ямку сокровище и закопала. Опять вернула цветы на место.

— Вот и всё, — сказала она, выпрямившись и перекрестив могилу, — Воевал ты, Сашенька, за землю, в землю и ушёл. И награды твои пусть с тобой будут. И такого сраму, чтобы их пропили, не позволю!

Она даже не заплакала, так как была уверена, что поступила правильно.

А заплакала, когда стала спрашивать мужа, к какой дочери ехать жить.

Не дождалась ответа, но решила так: напишет на бумажках их имена, перемешает и вытащит. Какая выпадет, к той и судьба. А она долго не заживётся, она чувствует, как со смертью мужа в ней самой стала убывать жизнь.

У ворот её ждал Панька.

— Ведь совсем молодой, — сказала она, — а уже весь серый. Ни воин, ни пахарь. Стоишь, трясешься. Жалко тебя.

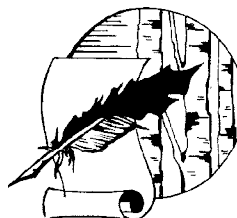
— А жалко, так опохмели. — И опять заканючил про ордена. Даже и угрожал. — Нам не отдашь, из района приедут.

— У меня их больше нет.

— Как? — не поверил он.

— Так. Сдала.

— Куда сдала?
— На вечное хранение.
— Врёшь! — не поверил Панька.
— Тебе перекреститься?
— Н-не н-надо. — Он даже стал заикался. — Ну, тётка Анна, ну! Ну хоть на пивцо-то, а? Иваныча помянуть. День же Победы, а? За родину выпить, а?
— А родине лучше, если ты за неё не выпьешь.
Пришла домой, написала на одинаковых бумажках имена дочерей. Перемешала. Долго сидела перед ними. Долго смотрела на иконы, на фотографию мужа. Наконец, взяла одну из бумажек, перевернула и прочла: «Люба».

Валерий ХАТЮШИН

ОГНЕННЫЙ МЕЧ

* * *

Еще один сентябрь, еще одно прощанье
с мерцанием листвы, с теплом ушедших дней.
Всё ближе, всё слышней унылое звучанье
гудящих проводов и ветреных дождей.

Я медленно иду по опустевшей роще,
и сладкая печаль переполняет грудь.
Я знаю, надо жить безропотней и проще,
не плакать ни о чём и не жалеть ничуть.

Прошедшее мертво, но в памяти тревожной
оно, как смутный сон, глаза туманит мне,
трепещет на ветру былинкой придорожной,
шумит ночным дождем, блестит в чужом окне...

Привычное уму коротких дней теченье
стремится изменить природы ясный лик.
О, как бы я хотел унять земли вращенье
хотя б на полчаса, на пять минут, на миг...

Далекий добрый друг, коль сможешь прикоснуться
к моим словам душой, бредущей наугад, —
тоску не береги, к тебе еще вернутся
и запах трав лесных, и буйный листопад.

Не стоит сожалеть о промелькнувшем лете,
оно еще не раз ворвется в жизнь твою.
Но каждый первый луч, блеснувший на рассвете,
прими как Божий дар на гибельном краю...

Сентябрь—октябрь 1997

* * *

Оптиной обители колокольный звон
всё плывет над Родиной, как от бед заслон.

Век за веком в Оптине, в пустыне святой
молятся святители, встав за аналой.

День за днем, смиренною паствою любим,
о России молится старец Серафим.

Непрестанно молятся, Господи еси,
Оптины насельники и по всей Руси.

И в небесной пустыни их слышны слова.
Потому-то, верю я, Родина жива.

И молю я Господа, чтоб над Русью всей
не угаснул в вечности свет монастырей.

Чтобы глас молитвенный никогда не смолк,
чтоб никто родимую одолеть не смог.

Чтобы плыл над Родиной всем векам вдогон
Оптиной обители колокольный звон.

16 сентября 2023

ВОЙНА И ПОБЕДА

Да, война — конечно, страх и горе.
Нам ли, русским, забывать о том?..
У вдовы солдатской — мрак во взоре.
Но мрачней и горше — мир с врагом.

Да, война — конечно, боль и слёзы,
и в душе — смертельная пурга...
Что ж, прекрасны миротворцев розы.
Но кровав ехидный смех врага.

Без Победы, как в анестезии,
прозябанье мы влачим своё.
Без неё не будет и России
и не будет русских без неё.

Неизбывны древние заветы,
нам без них врага не сокрушить.
Без войны не может быть Победы.
Без Победы русской — нам не жить.

25 марта 2025

ПРЕКРАСНАЯ АННА

Памяти военкора Анны Прокофьевой

Нельзя таким красивым погибать.
Таких на гибель посылать не надо.
Она детей могла бы нарожать,
для наших глаз — и солнце, и отрада.

Жестокий этот мир несправедлив,
он выбивает лучших непрестанно.
В себя влюбила всех, соединив
и жизнь, и смерть, улыбчивая Анна.

Незабываем каждый репортаж
в ее экипировке камуфляжной.
Армейский этот серый камуфляж
ей был к лицу, прекрасной и бесстрашной.

Она глазами, голосом своим
осталась здесь, уйдя в миры иные,
навек отныне став еще одним
неотразимым символом России.

27 марта 2025

*17 апреля Анна Прокофьева награждена Орденом мужества.
Посмертно*

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

Сегодня умер Бог.
Два дня до воскресенья.
Два дня, чтоб каждый смог
душой достичь прощенья.

За то, что мир — во зле,
в огне, в тисках порока,
за то, что на земле
казнили люди Бога.

Чтоб не накрыла тень
тот Свет, сошедший Свыше,
чтоб Он на третий день,
воскресший, нас услышал.

18 апреля 2025, пятый день страстной седмицы

★ ★ ★

И опять расцветает сирень...
Май 2024 г.

Канул год... Вновь весна, и сирень...
В жизнь мою это чудо вернулось.
И в глазах прошлогодняя тень,
как тогда, на мгновение проснулась.

Тень от зыбкости нашей весны,
тень от слишком короткого чуда.
И при встрече — кому-то видны
глаз усталость и сердца остуда.

И стекает слеза невзначай
от красивых мелодий с экранов...
Но — поющий сиреневый май!..
Но — бутоны роскошных тюльпанов!..

И всей грудью дышу в майский день
влажным воздухом, в лето влекущим...
Даст ли Бог мне увидеть сирень
через год в этом сквере цветущем?..

18 мая 2025

НЕ ТАК-ТО ПРОСТО...

Синий свет ушедших вёсен...
Память чудной новизны...

Пережив печально осень,
я всю зиму ждал весны.

Дни тянулись бесприветно,
словно был я всем чужим.
В полумраке предрасветном
мир казался неживым.

Не сулила мне прозренья
дней слепая полумгла...
Словно дочери рожденья,
ждал я света и тепла.

И не умер, и дождался!
Мир светлей, приветней стал!
Потому и жив остался,
что надеялся и ждал.

Грусть отпала, как короста, —
не приходит даже в сны.
И душе не так-то просто
пережить конец весны...

26 мая 2025

* * *

Вновь на глаза набросала мне тени
необъяснимая сердца кручина
от расставанья с цветеньем сирени
до созерцанья цветенья жасмина.

Сколько б ни знал я души озарений, —
с грустью смешались они воедино
от расставанья с цветеньем сирени
до созерцанья цветенья жасмина.

Вся моя жизнь — это к небу ступени.
Близится, брезжится жизни вершина.
После прощанья с цветеньем сирени
до созерцанья цветенья жасмина...

5 июня 2025

* * *

Первый месяц прохладного лета...
На полдня затяжные дожди...
Но для сердца важнее не это,
а лишь то, что нас ждёт впереди.

Отцветает жасминная радость...
И шиповника цвет облетел...
Но больней и обидней гораздо
то, о чём ты сказать не успел.

Что томилось в душе и скрывалось
от себя, от чужих и родных,
что дрожанием век отзывалось
на холодность очей дорогих.

Дай-то Бог, чтоб оно не напрасно
бередилось в тебе средь людей,
чтоб с течением дней не угасло
это главное в жизни твоей.

Дай-то Бог, чтоб до срока осталось
этих дней и желанья в груди,
чтоб созрело оно и сказалось
потеплевшим очам впереди...

...Вот и влажный июнь отлетает,
как его ты продлить ни хотел...
В тёмном сквере жасмин опадает,
и шиповника цвет облетел...

21 июня 2025

* * *

Месяц июль. Все кусты отцвели.
Летние дни, как и жизнь, всё короче.
Что-то с годами вращенье Земли
стал я сильнее ощущать, между прочим.

Так же, как травы, деревья, цветы, —
чувствую остро земное вращенье...
Даты, прощанья, погостов кресты
слишком своё ускоряют движенье...

Нет уж поблизости лиц дорогих.
Скрыло их где-то вращенье земное.
Мир, что меня окружает, без них
жизненно движется вместе со мною.

Птицы в лесах, на ромашках шмели
чувствуют, слышат движение это...
Скоро и мне успокоиться где-то
даст круговое вращенье Земли...

6 июля 2025

ОГНЕННЫЙ МЕЧ

Львов и Тернополь в огне —
в заревах грозного пламени.
Негде в безумной стране
скрыться от Божьего зна́мения.

С мощью звезды и креста
в небе — «Кинжалы» кремлёвские.
Это десницей Христа
рушатся гнёзда бесовские.

Сборище прѣ́клятых сил
свет настигает карающий —
Архистратиг Михаил
меч простирает сияющий.

Мясо идёт на убой —
нелюдей злобное скопище.
Это Георгий святой
жжёт «Солнцепётом» укропище.

Негде в безумной стране
спрятаться от помешательства.
Киев и Харьков в огне —
в пламени укропредательства.

11 июля 2025

* * *

...И этого лета сточился июль.
И в небе всё меньше прозрачного света.
«Не хмурься глазами и плеч не сутуль, —
шепчу я себе. — Не окончилось лето...»

Да, август без спроса вступает в права,
и птичье в лесу уж не слышится пенье...
Но долго еще не уйдет ощущение
с природой и с дышащей жизнью сродства.

Оно от тоски и тебя защитить
поможет, осенним огнём опалимо...
Его ты запомни на целую зиму,
чтоб остро душою весной ощутить.

Прекрасно оно, ощущение сродства.
Не выжить тебе без него, как без хлеба.
В нём этого лета трава и листва,
и чудного вечера синее небо...

1 августа 2025

* * *

Снова звёзд холодных россыпи
плавит красный окоём...
Мы всё ближе, ближе к осени
с каждым августовским днём.

Снова блеск вечерней лунности
всё беззвучней и грустней.
И всё дальше мы от юности,
от большой весны своей.

Зыбкий миг туманной алости,
след закатной ворожбы...
Мы всё ближе, ближе к старости
с каждым окликом судьбы.

Да, в сердцах померкнут вскорости
ласки, слёзы, соловьи...
И всё дальше мы от горечи
невозвратности любви...

9 августа 2025

* * *

Серебрится листьями белая ветла.
В середине августа жизнь ещё светла.

Жизнь ещё не кончилась перед той чертой...
Ласточки высокие вьются надо мной.

Ласточки весёлые, сизые крыла...
В середине августа жизнь ещё тепла.

Звуки воробьиные в зарослях кустов.
А рябина красная — лакомство дроздов.

К лепесткам цикория ластится пчела.
Середина августа. Жизнь ещё мила.

Греет солнце спелое травяной покров.
Никому не хочется скорых холодов.

Надо мною кружатся белых два крыла...
Середина августа. Долгой жизнь была...

14 августа 2025

* * *

Множатся вихри враждебные в мире.
Дым, словно тучи, плывет над землёй...
Дивы эстрадные воют в эфире.
Травятся дети мигрантской стряпнёй.

Ящик «смакует» укропские хари.
Тащат в суды генеральских воров.
Вновь нам грозят европейские твари.
«Грады» гвоздят «нэзалэжних» скотов.

В этом безумстве тлетворного века
мы день за днем поглощать суждены
крик ВТБ и рекламу кэшбека,
гогот и пляски во время войны.

А на исходе холодного лета
в стаи уже собрались журавли,
чтобы весной вернулась к нам эта
слёзная радость прекрасной земли...

28 августа 2025

* * *

Поле щедрым светилом согрето.
Ветер веет неожиданным теплом.
И сентябрь — продолжение лета.
Но желтеет каштан под окном...

Видеть солнце — сердечная радость.
День и этот уйдёт не спеша.
Ласка глаз, губ некрашенных сладость...
Но исполнена грусти душа...

Звездный мир и прекрасен, и вечен.
И к себе манит он неспроста...
Путь к высокой мечте бесконечен.
Но дорога судьбы прожита.

А с небес — столько тёплого света!
Мы идём по траве босиком.
Но сентябрь — окончание лета.
И каштан порыжел под окном...

15 сентября 2025

* * *

Вечернее синее небо —
в последние дни сентября.
И гаснет, как свечка, заря...
Скажу по-старинке — зоря,
певучей душе на потребу.

Вечерней густой синевой
осеннее небо объято...
И желтой полоской заката,
но только уже без возврата,
сжимается жизнь за спиной.

А небо вечернее сине,
и вечностью дышит оно.
И в нем, словно в старом кино
(из детства, забытом давно),
вся жизнь мне привиделась ныне...

27 сентября 2025

* * *

Осенний парк, осенний свет,
октябрь, кружение листопада...
И мне сейчас, на грусти лет,
другого времени не надо.

Остывший парк уходит в сон.
Прохлада. Тишь. Листвы шуршанье...
Янтарным сном заворожён,
огнём кленовым окружён,
лелею на сердце прощанье.

Игра цветастого костра...
Берёз оранжевые свечи...
Прощанья светлая пора.
А значит, будет сладость встречи...

И мне сейчас на грусти лет
другого времени не надо.
Осенний парк, осенний свет...
Октябрь. Шуршанье листопада...

11 октября 2025

«ТОМАГАВКИ»

Вот опять европейские шавки
свой излюбленный лай завели...
Скоро к нам полетят «Томагавки»
с украинской родимой земли.

Полетят быстрокрыло, «низенько».
Может быть, залетят далеко...
Как привет от Тараса Шевченко
иль презент от Ивана Франко.

Мы их русской землей наделили,
мы хохлам помогли убересть —
и взлелеяли, и осветлили —
хуторянскую тёмную речь.

Русь крестил за былыми веками
Красно Солнышко, киевский князь...
Мы вскормили своими руками
самостийно-глумливую мразь.

Мы легко хуторским голодранцам
всех предательств простили вину...
Мы позволили выжить германцам,
мы полякам вернули страну.

Но опять европейские шавки
свой озлобленный вой развели.
К нам за это за всё «Томагавки»
полетят с «нэзалэжной» земли.

18 октября 2025

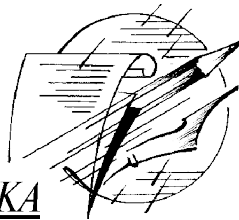
ОПАСНОЕ КВАЗИГОСУДАРСТВО

1

Созданное в 1948 году государство Израиль во многих отношениях является уникальным. Сравнивая Израиль с другими странами, авторы нередко его называют «квазигосударством», «недогосударством», «фейковым государством», «антигосударством» и т.п. Эти особенности Израиля важно иметь в виду для понимания нынешних непростых, можно сказать, трагических, событий на Ближнем Востоке, о которых мировые СМИ сообщают каждый день. Попробуем разобраться.

Одна из уникальностей Израиля была заложена в резолюциях ООН 1947—1948 гг., на основе которых он создавался. В них не было четкого определения границ государства Израиль. В них говорилось о том, что границы будут уточнены в процессе создания на территории Палестины (находившейся до 14 мая 1948 года под мандатом Британии) двух государств — Израиля и Палестины.

Международное право в области создания и функционирования суверенных независимых государств опирается на Конвенцию Монтевидео, которая вступила в силу в декабре 1936 года и которая до сих пор считается одним из основных доку-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ментов международного права. Она выдвигает независимому государству следующие основные требования: постоянное население (со статусом граждан), очерченная четкими границами (сухопутными, водными и воздушными) территория, правительство и способность вступать в отношения с другими государствами. Создание государства без четко определенных границ опасно, так как возникает угроза вооруженных конфликтов с соседями.

В 1948 году Израилю первоначально «в рабочем порядке» отводилось около 14,1 тыс. кв. км, но после войны за независимость (1948—1949 гг.) он стал контролировать примерно 20,7 тыс. кв. км (включая Западный Иерусалим и некоторые дополнительные территории). После серии войн Тель-Авив увеличил за счёт аннексированных Голанских высот и Восточного Иерусалима свою суверенную территорию до 22 тыс. кв. км. Впрочем, на сегодняшний день в Израиле у сионистов есть карты, в которых границы еврейского государства гораздо шире — «от Нила до Евфрата». Это так называемый Великий Израиль, площадь которого составляет 70 тыс. кв. км. Территории Великого Израиля включают не только всю Палестину, но и весь Ливан, Иорданию, Кувейт, большую часть части Сирии, значительную часть Ирака, Египта, Саудовской Аравии и некоторую часть Турции.

Чтобы ни у кого не было сомнения в том, что еврейское государство и далее собирается расширять свои границы, премьер-министр Биньямин Нетаньяху время от времени повторяет, что его стратегической целью является создание Великого Израиля. Нетаньяху заявил в интервью телеканалу «i24»: «Я выполняю историческую и духовную миссию и эмоционально привязан к мечте о Великом Израиле».

Еще одна уникальность Израиля обусловлена законом о национальном государстве. Это особо важный закон (имеющий статус «основного»), принятый кнессетом (израильским парламентом) 19 июля 2018 года. В нем Израиль определен как национальное государство еврейского народа. Указанный закон находится в вопиющем противоречии с Декларацией независимости Израиля 1948 года. В декларации прямо говорится, что Израиль «*осуществит полное гражданское и политическое равноправие всех своих граждан без различия религии, расы или пола; обеспечит свободу вероисповедания, совести, выбора языка, образования и культуры*». А в законе 2018 года не упоминаются ни право на равенство, ни права национальных и этнических меньшинств. А, между прочим, на момент принятия закона арабы составляли около 20% населения Израиля и 36% насе-

ления Иерусалима. На сегодняшний день нееврейское население Израиля составляет 23%.

Некоторые арабские страны, такие как Египет, Сирия, Катар, Иордания, Саудовская Аравия и Ливан, ряд международных организаций — Лига арабских государств, Организация исламского сотрудничества, Всемирная исламская лига, а также Организация освобождения Палестины осудили закон, назвав его расистским. Глава Турции Р. Эрдоган назвал закон Израиля о еврейском характере государства «фашистским». Президент Турции заявил, что в Израиле «вновь восстал из могил дух Гитлера».

На этот закон прореагировал и Европейский союз, осторожно заявив, что закон усложнил переговорный процесс. Против закона были также многие евреи в самом Израиле, в том числе ряд депутатов кнессета. Закон осудили израильские левые партии, глава оппозиции Ицхак Герцог, а также Бени Бегин, сын основателя «Ликуда».

Специалисты по государственному праву отмечают, что на сегодняшний день израильский закон 2018 года о национальном государстве является уникальным во всем мире. Аналогов нет. Ближайший аналог — законы третьего рейха, определявшие «арийцев» высшей расой в Германии.

Среди уникальных особенностей Израиля следует также назвать высочайший уровень милитаризации экономики и всех сторон общественной жизни еврейского государства. Долгое время в рейтинге стран по относительному уровню военных расходов Израиль занимал первое место. Так, на отрезке времени с 1966 по 1994 г. военные расходы Израиля превышали 10% ВВП; максимальное значение было зафиксировано в 1975 году — 30,5% ВВП. Затем показатель снизился ниже отметки в 10 процентов. Но всё равно Израиль, как правило, занимал по относительному уровню военных расходов первое-второе места (деля их чаще всего с Саудовской Аравией). После 2022 года Израиль по данному показателю был обойден Украиной. По состоянию на 2024 год военные расходы Украины, по данным Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI), составили 34% ВВП; Израиль был на втором месте — 8,8% ВВП; а у Саудовской Аравии показатель равнялся 7,3% ВВП. Прогнозируется, что по итогам 2025 года военные расходы Израиля почти наверняка превысят 10% ВВП. Как отмечают некоторые эксперты, англосаксы (Британия и США) в 1948 году создали крупнейшую в мире военную базу, замаскировав ее под государство, называемое «Израиль».

Еще одна его особенность — Израиль не столько государство, сколько транзитная территория. Кто-то в «землю обетованную» прибывает, а в это же время другие ее покидают. Идет некое непрерывное миграционное движение, такая рециркуляция мигрантов. В израильских СМИ это называют «круговой» или «циклической» миграцией. О высокой мобильности граждан Израиля свидетельствует, например, следующий факт. После начала войны с палестинцами 6 октября 2023 года в течение полугода «землю обетованную» покинули 550 тысяч человек. Часть беглецов позднее вернулась.

Есть, конечно, в Израиле некий «твердый остаток»: приехали люди из разных уголков планеты в «землю обетованную» и осели в ней раз и навсегда. Но таких истинных патриотов Израиля не так много. Из тех, кто никуда из Израиля не выезжает, много таких, которым просто некуда выезжать. Хотелось бы, например, в Америку, а не получается. Но на всякий случай дополнительным гражданством стараются обзавестись. Опрос, проведенный иерусалимским Центром наследия Менахема Бегина в 2008 году, показал, что 59% израильтян обращались или намеревались обратиться в посольство другой страны с просьбой о предоставлении гражданства и паспорта.

Также замечено, что первоначально приезжающие в Израиль люди сразу же воспринимают это государство как площадку, с которой можно далее перебраться в действительно «цивилизованные» страны — США, Канаду, Западную Европу, Австралию и т.д. Евреев, которые приехали на постоянное жительство в Израиль из стран Запада, вы днем с огнем не найдете в этом еврейском государстве. Социолог из Хайфского университета Оз Алмог сказал в интервью 2009 года: «Спросите израильтян, что они думают о евреях, которые приезжают из стран, где их не преследуют, например из США и Великобритании, чтобы жить в Израиле, и они ответят: «Те, кто это делает, — сумасшедшие».

Еврейский закон, или Галаха, определяет некоторые ограничения на эмиграцию из Израиля. Эмигрировать из Израиля можно для заключения брака, изучения Торы или обеспечения себя, в том числе в случаях, когда голода нет. В любом случае эмиграция из Израиля и даже временный отъезд не считаются в ортодоксальном или традиционном иудаизме достойным поступком для мужчины. Но большинство «неортодоксальных» граждан Израиля считают это всё предрассудками. Благо официальные власти Израиля достаточно толерантно относятся к миграцион-

ным причудам граждан. Радикальные сионисты также поначалу очень негативно относились к тому, что граждане Израиля покидают страну даже на время. Но потом также отказались от своего радикализма.

Впрочем, до сих пор в Израиле не утихают споры по вопросу о том, как относиться к эмиграции граждан еврейского государства. Одни говорят, что это противоречит идеологии сионизма и даже подрывает экономику Израиля. Ведь Израиль покидают наиболее состоятельные граждане, а также граждане высокой квалификации и с хорошим образованием. Их оппоненты говорят, что такая миграция лишь укрепляет Израиль. Во-первых, еврейское государство создает таким образом пятые колонны в разных странах мира. Через них Израиль может более эффективно воздействовать на другие страны. Во-вторых, циклическая миграция — экономическое благо для Израиля. У маленького еврейского государства нет технологических, академических и других инфраструктурных ресурсов, чтобы обеспечить работой непропорционально большое количество высококвалифицированных специалистов, уступающее только США. В результате многие израильтяне подолгу работают за границей. По возвращении они часто привозили и привозят с собой в Израиль новую инфраструктуру, например, от таких компаний, как Intel, Google, Microsoft и IBM. Кроме того, Израиль может использовать своих граждан для проникновения в экономики других стран и устанавливать невидимый контроль над этими экономиками.

Статистика Израиля по части тех, кто мигрирует и кто оседает раз и навсегда, очень приблизительная. Вроде бы, исходя из официальной статистики, можно предположить, что иммиграция существенно превышает эмиграцию. Ведь численность населения Израиля за исключением всего нескольких лет росла. Так, в 1960 году число жителей Израиля составило 2 114 тыс. А в 2023 году этот показатель вырос уже до 9 756 тыс. Но надо иметь в виду, что под «жителями» израильская статистика имеет в виду лиц, имеющих гражданство государства Израиль (что подтверждается наличием паспорта или свидетельства о рождении). А такое лицо может физически находиться не только на «земле обетованной», но в любой точке Земли. Причем неопределённо долго. Такое лицо может до конца своей жизни находиться за пределами Израиля, но учитываться в качестве «жителя Израиля». В ноябре 2003 года министерство иммиграции и абсорбции подсчитало, что 750 000 израильтян живут за границей, в основном в Соединённых Штатах и Канаде, что составляет около 12,5 % еврейского населения Израиля. По оценкам того

же министерства, в апреле 2008 года за границей проживало 700 тысяч израильтян; из них 450 тыс. жили в США и Канаде, а ещё 50—70 тыс. — в Великобритании. По данным Центрального статистического бюро Израиля, с момента основания государства в 1948 году и до 2015 года около 720 тыс. израильтян эмигрировали и больше не вернулись в Израиль. По оценкам 2017 года, от 557 тыс. до 593 тыс. израильтян, не считая детей, рождённых израильскими эмигрантами, жили за границей.

А вот интересная статистика по эмиграции евреев из Советского Союза и Российской Федерации. Она взята из следующего источника: Тольц М. «После исхода: постсоветские евреи в современном мире». Авторизованный пер. с англ. И.В. Ивахнюк // «Международная миграция: экономика и политика». Под. ред. В.А. Ионцева. М., 2006. За двадцать лет с 1989 по 2009 г. из нашей страны в Израиль эмигрировали 1 634 тыс. человек. В конечном пункте назначения осело 998 тыс. человек, или 61 процент выехавших. 326 тыс. бывших советских и российских граждан транзитом через Израиль добрались и осели в «стране обетованной» — Соединенных Штатах. Еще 224 тыс. в конечном счете осели в Германии. Те наши бывшие сограждане, которые осели в Израиле, получив израильское гражданство и израильские паспорта, также долго на месте не сидели. Часть из них стали репатриантами, вернулись в Россию. Некоторые — наоборот. У некоторых, образно говоря, «обратный билет с открытой датой».

Один израильский бизнесмен назвал государство Израиль «материнской компанией», которая сначала получает свой «капитал» в виде иммигрантов, а затем начинает, используя этот первоначальный «капитал», создавать «дочерние компании» по всему миру. Такие «дочерние компании» на официальном языке миграционных служб Израиля называются «израильскими диаспорами». «Дочерние компании», по мнению израильских политиков, способствуют укреплению позиций «материнской компании».

Самая большая «израильская диаспора», согласно израильским источникам, в США; оценки сильно варьируют — от 150 тыс. до 800 тыс. чел. Вторая по численности — в России. По состоянию на 2014 год в Москве проживало 80 тыс. человек с израильским гражданством, почти все они были носителями русского языка и имели двойное гражданство. А в целом в России на тот момент проживало не менее 100 тыс. человек с израильским гражданством.

В предыдущей главе я говорил о некоторых особенностях и странностях нового государства, называемого «Израиль», созданного по решению ООН в 1948 году. Одна из них заключается в том, что Израиль стал своеобразной транзитной территорией: многие евреи, приезжающие в Израиль из разных уголков мира, через некоторое время покидают «землю обетованную». Кто-то на время. А кто-то навсегда.

Кто-то возвращается в ту страну, из которой он прибыл. Кто-то перемещается в какую-то новую страну. Данное явление получило названия «круговая миграция», «многошаговая миграция», «миграционная циркуляция» и т.п. Примечательно, что, покидая Израиль на время или навсегда, мигранты в своем кармане имеют паспорт Израиля и остаются гражданами Израиля. Свое израильское гражданство они могут совмещать с гражданством других стран.

Всем хорошо известно понятие «еврейская диаспора». Это та часть населения страны (любой), которая представлена лицами еврейской национальности (или, по крайней мере, считающими себя евреями). Эти диаспоры стали формироваться еще в глубокой древности. Наверное, отсчет следует вести от конца VIII века до Р.Х. после того, когда ассирийцы уничтожили Израильское царство, а десять колен Израилевых были принудительно переселены. Далее было переселение евреев Иудеи, которые в VI веке до Р.Х. были уведены в плен в Вавилон. Позднее, в эпоху эллинизма имела место естественная миграция евреев Иудеи по всему Средиземноморью. Наконец, в I—II веках по Р.Х. после серии еврейских восстаний против Римской империи (Первой Иудейской войны, Второй Иудейской войны и восстания Бар-Кохбы) еврейское государство было окончательно уничтожено римлянами. Евреи были рассеяны по всему миру, образуя свои диаспоры в разных странах и частях мира.

И вот по прошествии 18 столетий евреи разных диаспор потянулись в «землю обетованную», на территорию Палестины. Процесс начался с конца XIX века, когда зародился сионизм. Систематическая репатриация евреев диаспоры в Землю Израильскую получила название «алия». До 1948 года репатриировалось около 600 тысяч евреев. А после образования в 1948 году государства Израиль процесс активизировался. И до 2019 года, по данным статистических служб Израиля, в «землю обетованную» переехало еще 3,3 миллиона человек.

Восемьдесят лет назад многие думали, что скоро все евреи мира соберутся наконец-то на своей исторической родине. Но

полного сбора не получилось. Еврейские диаспоры сохранились. По состоянию на 2023 год в Израиле проживало 7,2 млн. евреев, а за его пределами — около 8,5 миллиона. Получается, что на диаспоры приходилось 54%, а на Израиль — 46% общей численности евреев в мире. Для многих евреев «землей обетованной» оказались Соединенные Штаты — их численность в этой стране составила 6,3 миллиона человек. Не намного меньше, чем в Израиле. Суммарно на Израиль и США пришлось 86% общей численности евреев в мире. Остальные 14% распылены по очень многим странам.

Когда-то власти Израиля пытались препятствовать процессу, называемому «йерида» (на иврите означает «спуск») — это эмиграция евреев из государства Израиль. Йерида — противоположность алии. Йерида считалась чем-то постыдным, непатриотичным, противоречащим нормам иудаизма и установкам сионизма. В интервью 1976 года премьер-министр Израиля Ицхак Рабин назвал израильских эмигрантов «выброшенными на обочину слабаками».

Как ни старались власти Израиля остановить бегство «богоизбранных» с «земли обетованной», ничего не получалось. Кто-то из мигрантов ждал гораздо большего от Израиля и, разочаровавшись, опять стремился вернуться на свою прежнюю родину. Кто-то считал, что настоящей «землей обетованной» для него должна стать Америка или, в крайнем случае, Европа. Например, в 1970—2009 гг. из Советского Союза и Российской Федерации в Израиль выехало без малого два миллиона человек. А осело в Израиле лишь 1 163 тыс. Или 60 процентов от числа выехавших. Остальные 40 процентов оказались в США, других западных странах или вернулись на свою первую родину. Так за два десятилетия (1989—2009 гг.) 326 тысяч еврейских эмигрантов, выехавших из нашей страны, в конечном счёте осели в Соединенных Штатах, а еще 242 тысячи — в Германии.

Как я понял, познакомившись с историей «йериды», власти Израиля, не сумев остановить отток граждан из «земли обетованной», решили эту «йериду» использовать в полезных для Израиля целях. А именно целенаправленно формировать за рубежом израильские диаспоры за счет выезжающих из Израиля лиц, получивших израильское гражданство.

«Израильская диаспора» — часть еврейской диаспоры той или иной страны. Но первая, как правило, не растворяется во второй. Израильская часть еврейской диаспоры в целом гораздо более активна в экономическом и политическом плане. И,

как говорят эксперты, может очень существенно влиять на местную часть еврейской диаспоры. А это для Тель-Авива (теперь уже Иерусалима) крайне важно. Поскольку местные еврейские диаспоры проявляли недопустимое безразличие к государству Израиль и идеям сионизма, а порой занимали даже антиссионистские и антиизраильские позиции (критика агрессивной политики еврейского государства).

Более того, многие представители местных еврейских диаспор проявляли и продолжают проявлять удивительное безразличие к своей собственной этнической и религиозной идентичности. Это проявляется, в частности, в том, что они не видят ничего страшного в ассимиляции с местным населением. Ассимиляции как религиозной (многие становятся христианами, мусульманами и даже активно отрицают иудаизм). И, конечно же, ассимиляции кровной. Например, в американской еврейской общине уровень смешанных браков вырос примерно с 6 процентов в 1950 году до 71 процента в 2013 году. Российский политолог Александр Сергунин пишет о еврейской диаспоре Америки: *«...границы еврейской общины США продолжают активно размываться, и всё больше лиц, имеющих еврейские корни, не ассоциируют себя с этой общиной и не принимают участия в её деятельности»*.

Примерно до середины 1970-х годов израильские релоканты просто растворялись в еврейских общинах соответствующих стран. Но затем Тель-Авив стал постепенно стихийную реэмиграцию ставить под свой контроль. Искателям счастья за пределами Израиля власти стали выставлять условие: «Мы вам сохраняем израильское гражданство, а вы продвигайте в стране своего пребывания интересы Израиля».

Более того, лица еврейского происхождения, проживающие в разных странах мира, даже на время не обязаны перебираться в Израиль. А просто «на всякий случай» приобрести дополнительное израильское гражданство. На сайте Российско-израильского консультационного центра читаем: *«...израильский паспорт — не просто документ для поездок или работы, а мощная правовая гарантия, которая будет действовать независимо от перемен в мире. Даже если политическая ситуация в другой стране изменится, даже если вы проведете годы за пределами Израиля, ваш правовой статус будет оставаться неприкосновенным»*.

Юристы-международники отмечают, что гражданство Израиля считается одним из самых устойчивых и защищенных в мире. Случаи лишения человека израильского паспорта крайне

редки. Эксперты по-разному комментируют такую особенность израильского гражданства. Одни говорят об избыточной толерантности властей еврейского государства. Другие считают, что реэмигранты на местах послушно выполняют всё, что от них требуют власти Израиля. Фактически израильский паспорт становится крючком, с которого добровольно никто соскакивать не желает.

Эксперты говорят, что государство Израиль как бы создает свои «филиалы» в виде израильских диаспор в разных странах. И через эти «филиалы» проводит свою политику за рубежом. Некоторые израильские политики и эксперты выражаются более откровенно, называя израильские диаспоры не «филиалами», а пятью колоннами еврейского государства.

Точных суммарных масштабов всех израильских диаспор в мире никто толком не знает. Чаще всего встречаются оценки от 800 тысяч до 1 миллиона человек. Так, лондонский Институт исследований еврейской политики подсчитал, что за пределами Израиля проживают без малого около миллиона граждан Израиля и их детей. Евреи, родившиеся в Израиле, составляют почти половину еврейского населения Норвегии, 41% — в Финляндии и более 20% еврейских общин Болгарии, Ирландии, Испании и Дании.

Бесспорно, что самой крупной является израильская диаспора США. Оценки варьируют от 150 до 750 тысяч. Но чаще всего называется цифра в полмиллиона. С моей точки зрения, лобби, действующее в США в интересах Израиля, следовало бы называть не «произраильским», а прямо, без обиняков «израильским». В 2018 году ряд американских СМИ осмелились опубликовать списки «народных избранников» на Капитолийском холме с указанием их гражданства. Оказалось, что 89% сенаторов и конгрессменов США имели двойное гражданство с Израилем. Вот свежая статья на эту тему: «Все ли эти избранные должностные лица США имеют двойное гражданство?». В ней не называется точный процент «народных избранников» США, имеющих израильский паспорт, но обращается внимание на то, что они не должны отчитываться перед избирателями о наличии израильского или какого-то иного гражданства: «Избранные должностные лица США должны подтвердить, что они являются гражданами США, но не обязаны раскрывать, имеют ли они дополнительное иностранное гражданство». Можно добавить, что заявлять о своем израильском гражданстве не обязаны не только избираемые, но и назначаемые должностные лица. Т.е. чиновники администрации президента США, американского правительства и институтов судебной власти.

История еврейского лобби в США уходит своими корнями в XIX век и даже более ранние времена. Но вот превращение еврейского лобби в израильское — феномен примерно последнего полувека. Конечно, это израильское лобби делает всё возможное для того в американских СМИ, чтобы эта тема не озвучивалась. Но все-таки иногда некоторые факты прорываются в информационное пространство. Так, в период президентства Барака Обамы в его окружении было очень много евреев — министров, директоров агентств и служб, руководителей ФРС США, советников и т.д. Это не было секретом и активно обсуждалось в американских СМИ. А вот запрещено для обсуждения было израильское гражданство этих чиновников. Правда, все-таки я тогда зафиксировал американские публикации, в которых назывались израильские граждане в ближайшем окружении Барака Обамы. Например, это Джейкоб Лью, бывший руководителем администрации президента (2012—2013 гг.), а затем министром финансов (2013—2017 гг.). Кстати, при Джо Байдене Лью был послом США в Израиле. Также Дэвид Плуфф — старший советник Обамы. И т.д.

Позиции граждан Израиля в американском бизнесе более чем прочные. Израильское издание *The Marker* посчитало, что в 2021 году долларовых миллиардеров в мире с израильским гражданством 169 человек (71 семья). Впрочем, издание отмечало, что они почти не живут в Израиле постоянно. Примерно половина из них пребывали в США. На первом месте в списке стояла Мирьям Эдельсон, её капитал был оценен в 38,2 миллиарда долларов. Это вдова скончавшегося накануне американо-еврейского миллиардера Шелдона Эдельсона. В этом же списке Микки Арисон, главный исполнительный директор крупнейшего в мире круизного оператора *Carnival Corporation*, а также владелец команды Национальной баскетбольной ассоциации «Майами Хит». С 2025 года — член баскетбольного зала славы. Также Хаим Сабан, большую часть своего состояния заработал как телевизионный продюсер в США. Тед Арисон, один из основателей судоходной компании *Norwegian Cruise Lines*, основатель судоходной компании *Carnival Cruise Lines*, владелец контрольного пакета акций Банка *ha-poalim* после его приватизации. Адам Нейман, основатель компании *WeWork* и т.д. Конечно, этот список далеко не полный. В него попали только те, кто «засветился» относительно продолжительным пребыванием на «земле обетованной».

Когда-то Америка колонизировалась англосаксами и другими пионерами Старого Света. Но всё это в далеком прошлом. Сегодня потомки тех конкистадоров Нового Света шепотом го-

ворят о том, что Америка переживает новую колонизацию. И эту новую колонизацию активно проводит Израиль, создавая в Новом Свете свою диаспору или пятую колонну. Фактически эта новая колонизация уже завершилась. Об этом свидетельствует тот факт, что 47-й президент Америки Дональд Трамп, окруженный у себя в Вашингтоне армией граждан Израиля, без каких-либо оговорок поддерживает фашистскую политику Б. Нетаньяху на Ближнем Востоке.

Второй в мире по численности израильской диаспорой после американской считается российская. Согласно оценке на 2014 год, ее численность составляла около 100 тысяч человек, причем более 80 тысяч проживало в Москве. К сожалению, более поздних оценок обнаружить не удалось. В российских СМИ тема израильской диаспоры затрагивается редко. Правда, удалось обнаружить одну любопытную публикацию «Израильская «мягкая сила» в России». Её автором является российско-израильский историк и публицист Артем Кирпиченко. В этой статье в очень осторожных формулировках он, ссылаясь на лекцию профессора Монреальского университета Якова Рабкина, прочитанную в помещении Еврейского общинного центра в Петербурге, признаёт, что Израиль проводит активную экспансионистскую политику. Что-то в духе британского колониализма. Но этот экспансионизм не ограничивается Ближним Востоком. Этот экспансионизм многовекторный и охватывает весь мир. А средством экспансии является формирование израильских диаспор в других странах. И Россия — одно из направлений такого экспансионизма. Приведу отрывок из этой статьи: *«На сегодняшний день, помимо официальной дипломатии Израиль имеет в своем распоряжении целый ряд неформальных каналов, посредством которых он может продвигать свои интересы в России и формировать как в российском истеблишменте, так и в общественном мнении, картину происходящего на Ближнем Востоке, соответствующую израильским интересам».*

3

Многие журналисты и политические обозреватели привыкли увязывать воедино понятия «пятая колонна» и «Израиль». Имея в виду, что израильская разведка «Моссад» на базе еврейских диаспор в разных странах создает агентурные сети. И через эти агентурные сети, называемые пятой колонной, международный сионизм продвигает свои интересы по всему миру. Но, оказывается, власти Израиля и некоторые общественные деятели считают, что внутри самого еврейского государства также имеется пятая колонна,

которая сионистам мешает проводить свою внутреннюю и внешнюю политику. И эта пятая колонна в Израиле формируется преимущественно не за счет арабов или русских, а за счет тех граждан Израиля, в паспорте которых записано: «еврей».

Вот, в частности, доктор Зеэв Ицхар, соучредитель израильского форума «За гражданскую солидарность», обнародовал броскую статью-манифест «Пятая колонна в Израиле». В ней читаем: «Противостоять надвигающейся катастрофе может только национальное единство, что проблематично не только вследствие устаревшей государственной системы и многогранности народа, но и наличия пятой колонны внутри страны. Я имею в виду не арабское население, которое, как и большинство мусульман в мире и поддерживающих их «левых» в Европе и Америке, видят в нас колонизаторов, а среди еврейского народа — граждан государства Израиль».

Я уже писал о том, что миллионы евреев, живущих в Новом и Старом Свете, других уголках мира, выступают против агрессивной политики Израиля на Ближнем Востоке. А часть таких евреев занимают еще более принципиальную позицию, выступая против сионизма и поддерживая Резолюцию ООН № 3379 (1975 г.) о признании сионизма формой расизма и расовой дискриминации. И даже требуя отмены решений ООН о создании государства Израиль в 1948 году. И такое антисионистское движение в мире набирает силу. В частности, я уже писал о том, что в июне этого года в Вене прошел первый еврейский антисионистский конгресс. Во встрече участвовало более 1000 евреев-антисионистов и их единомышленников со всего мира. Я об этом писал в статье «Евреи против сионизма».

Спустя два месяца после этого конгресса произошло еще одно важное событие антисионистской направленности. Речь идет о массовых митингах против продолжения войны Израиля против палестинцев, которые прошли 17 августа. Самое интересное, что митинги прошли не в Америке или Европе, а в самом Израиле. По оценкам, в митинге в Тель-Авиве участвовало примерно 500 тысяч человек. Другие крупные протесты прошли в Иерусалиме, Хайфе, Беэр-Шеве и нескольких небольших городах. В целом по Израилю в протестах приняли участие примерно миллион человек. Демонстранты блокировали дороги и шоссе, требуя прекращения войны. Звучали призывы к правительству Израиля отменить решение о захвате сектора Газа. Почти все участники протестов — евреи. На данный момент, по официальным данным, в Израиле 7,7 млн. граждан еврейской национальности (при общей численности населения Израиля 10,1 млн. человек).

Правда, согласно оценкам экспертов, примерно 1 миллион евреев с паспортом Израиля проживает за его пределами. Так что физически на территории Израиля находится примерно 6,7 млн. граждан-евреев. Получается, что в протестах 17 августа приняли участие примерно 15 процентов еврейских граждан, находившихся на территории Израиля. Вот их-то власти Израиля и называют пятой колонной, расшатывающей устой еврейского государства.

Израиль продолжало лихорадить и после 17 августа. День 26 августа израильские СМИ назвали днем потрясений — в этот день десятки тысяч израильтян перекрыли дороги в попытке заставить Нетаньяху прекратить войну. И опять израильские власти назвали это происками пятой колонны.

Давайте присмотримся, кто же входит в состав пятой колонны Израиля.

Во-первых, те, кто прежде всего испытывает невзгоды, связанные с перманентной войной Израиля против палестинцев и соседних государств. Невзгоды самые разные. Так, 17 августа среди демонстрантов было много таких граждан, родственники которых оказались заложниками в руках палестинцев. И до сих пор остаются заложниками, причем никаких признаков урегулирования вопроса не видно. Да и служить в вооружённых силах государства Израиль (ЦАХАЛ) сегодня нет особого желания у молодежи, а у родителей есть сильное желание избавить своих детей от такой службы. Главный способ — отправить детей подальше за пределы Израиля.

Во-вторых, те, кто понимает, что в недалеком будущем война против соседей может из «конвенциональной» перерасти в ядерную. Среди соседей Израиля близки к созданию ядерного оружия Иран, Турция и Саудовская Аравия. В ядерной войне победителей не будет, а Израиль превратится в гигантскую братскую могилу. Не это ли имел в виду американский еврей Генри Киссинджер, который сказал в 2012 году, что Израилю осталось жить десять лет? Многие израильские граждане восприняли это пророчество очень серьезно. Кто-то сумел покинуть на время или навсегда «землю обетованную». А кому некуда было бежать, начал более активно участвовать в протестном движении.

В-третьих, те, кто хорошо запомнил, как власти Израиля в 2020—2022 гг. организовали борьбу с так называемой пандемией ковида. В приказном порядке всё население Израиля (за небольшими исключениями) было подвергнуто вакцинации препаратами «Пфайзер», причем число уколов было по 3-4 на душу населения. В самом Израиле это вакцинное насилие на-

звали новым холокостом, поскольку побочных эффектов от непроверенного «Пфайзера» уже тогда было много. Сегодня смертность в Израиле выросла, причиной является та самая вакцинация. Граждане Израиля стали подопытными кроликами, над которыми проводили эксперименты международные сионисты.

В-четвертых, те, кто был и остается противником сионизма и государства Израиль по идейно-религиозным мотивам. Таких противников принято называть ортодоксальными иудеями. Их можно считать «ядром» пятой колонны внутри государства Израиль. Конечно, в партии ортодоксов есть попутчики, которые себя объявляют правоверными иудеями из шкурных интересов. Дело в том, что по законам Израиля могут не служить в армии лишь евреи-ортодоксы. Но таких «попутчиков» процентов десять. К тому же часть попутчиков со временем входят во вкус и становятся убежденными ортодоксами.

Встречаются разные оценки числа ортодоксальных иудеев, проживающих в Израиле. Вот одна из них: среди еврейского населения Израиля 25 % определяют себя как ортодоксальные иудеи, а еще 17 % как «модерн ортодокс» (близко к этому понятие «религиозные сионисты»). В первой группе ортодоксов особенно «правоверными» считаются так называемые харедим (8% еврейского населения).

Для справки: 20 процентов еврейского населения — граждане, которые считают себя совсем нерелигиозными (аналог советских атеистов); их еще называют светскими евреями. Остальные — номинальные иудеи, воспринимающие иудаизм как некую культурную традицию, лишь формально и частично соблюдающие правила иудаизма. Фактически их можно также причислить к «светским евреям»

Встречаются и другие оценки. Так, в некоторых источниках численность харедим определяется в 1 миллион человек, а это почти пятая часть всего еврейского населения Израиля. Высшая ценность для харедим — изучение Торы на протяжении всей жизни, а также четкое следование всем заповедям в особой строгости. Юноши этой общины освобождаются от службы в армии, так как учатся в ешивах, высших учебных заведениях, где вся учёба посвящена изучению Талмуда. По специальной системе образования мальчики учатся отдельно от девочек, предметы только религиозные, светским уделяется очень мало времени, либо они не изучаются совсем. Семья — высшая ценность, многодетность у них в почёте. В среднем на семью приходится 7-8 детей.

Так вот, ортодоксальные иудеи — самая главная неприятность для властей Израиля. Подавляющая часть ортодоксов отвергает сионизм и считает создание в 1948 году государства Израиль небогоугодным делом. Впрочем, нередко можно встретить гораздо более жесткие оценки действий сионистов и фанатичных приверженцев государства Израиль. Российский востоковед Михаил Магид в статье «Евреи против Израиля: Век потрясений. Тень диктатуры» пишет: «Среди религиозных евреев существует мощное течение, которое мало того, что отвергает сионизм, но считает его порождением самого царя демонов». В учебниках по истории нередко пишут, что после того, когда в Базеле в 1897 году прошел Первый международный конгресс сионистов под председательством Теодора Герцля, то идеи сионизма овладели еврейскими массами по всему миру. Ничего подобного. Приверженцев сионизма (т.е. создания еврейского государства на территории Палестины) всегда было меньшинство. Среди религиозно заряженных евреев было даже активное сопротивление созданию государства Израиль. В качестве примера можно привести крупнейшую еврейскую партию Бунд, которая существовала в дореволюционной России. Она ратовала за социальные преобразования, за отмену черты оседлости в стране, она по своему духу была достаточно близка к социал-демократам и эсерам. Но просионистской ее назвать никак нельзя. Более того, она энергично отвергала сионизм.

Больше всего нынешних ортодоксальных иудеев возмущает две вещи. Во-первых, светский характер созданного в 1948 году государства Израиль. При создании государства Израиль в 1948 году в Декларации было указано о полной свободе в выборе вероисповедания. А кроме ортодоксальных и номинальных иудеев, а также евреев-атеистов в Израиле еще немало христиан и мусульман. Идеальный Израиль должен быть, с точки зрения ортодоксов, монотеистическим государством. Примерно таким, каким был Израиль во времена царя Давида и царя Соломона. С точки зрения ортодоксов, лучше никакого Израиля, чем нынешняя пародия на Израиль.

Во-вторых, по мнению наиболее ортодоксальных иудеев, создание государства Израиль в 1948 году следует считать бунтом против Всевышнего, нарушением заповедей. По Торе и особенно по Талмуду евреи могут и даже обязаны воссоздавать Израиль (вместе с Иерусалимским храмом) лишь с того момента, когда им явится долгожданный мессия (называемый машиахом). А сионисты проигнорировали эту заповедь. А потому ортодоксы не стесняются называть сионис-

тов, а также лидеров Израиля детьми дьявола. В Израиле и других странах регулярно выходят книги ортодоксов с резкой критикой сионизма и израильских политиков. Вот, например, многократно переиздававшаяся книга равви Йойлиша Тейтельбаума (1887—1979 гг.), духовного лидера хасидского движения «Сатмар». Книга называется: «Об избавлении и подмене». Вышла в 1967 году.

Она была написана в пику официальной израильской пропаганде, назвавшей Шестидневную войну «чудесной» победой Израиля над его арабскими соседями. Равви Тейтельбаум считает, что Израиль ослеплен победами в войнах со своими соседями, не понимая, что движется к своему концу. Равви пишет, что евреями Израиля управляет Царь демонов по имени Самаэль (это существо достаточно подробно описано в Талмуде). Самаэль заманивает евреев на поле боя для того, чтобы окончательно совратить и уничтожить. На страницах книги сообщается, что сионистское государство (Израиль) ослепляет глаза ложными победами в Синайской и прочих военных компаниях. Ослепленные думают, что спасаются от смертельной опасности и устраивают войну, но на самом деле они готовят себе погибель. «В войне Гога и Магога, то есть врагов человечества, найдутся и потомки евреев, которые встанут на сторону Гога», — полагает Тейтельбаум. У Самаэля есть сила совращать и дурить евреев до уровня, когда они начинают вести себя хуже тех, кто поклоняется идолам. В этой работе сионисты названы нечистью и слугами чертей.

До конца, правда, не очень понятно, почему часть ортодоксальных иудеев при всем неприятии сионизма и Израиль все-таки проживает в этом «богомерзком», как они сами говорят, месте. Чаще всего я нахожу ответы, суть которых проста: мы приехали сюда для того, чтобы спасти заблудших евреев; также для того, чтобы способствовать закрытию проекта под названием «государство Израиль». Т.е. они находятся в этом «богомерзком» месте ради того, чтобы исполнять свой долг перед Всевышним.

Ортодоксы благословляют еврейских граждан на массовые выступления типа тех, которые были проведены 17 и 26 августа этого года в Израиле. Они призывают евреев Израиля бойкотировать выборы. Кстати, ортодоксы показывают пример, как можно и нужно осуществлять финансовый бойкот властей Израиля. Так, Институт демократии Израиля (IDI) опубликовал исследование о том, какой вклад вносят отдельные группы населения в бюджет Израиля. По состоянию на 2023—2024 годы ультраортодоксальная община

Израиля (харедим) составляла, по оценкам IDI, 14% населения страны трудоспособного возраста, но приносила лишь 4% национальных налоговых поступлений. От такого налогового бойкота казна Израиля теряет ежегодно миллиарды долларов. Если текущие демографические и трудовые тенденции сохранятся, к 2048 году около четверти населения Израиля будут харедим, но в совокупности будут вносить лишь 8% прямых налоговых поступлений, прогнозирует IDI. Получается, что харедим готовят экономический коллапс Израилю.

В общем, при ближайшем рассмотрении оказывается, что израильское общество далеко не так гомогенно в социальном и особенно в идейном плане, как это иногда представляли СМИ (в том числе российские). Власти Израиля всё более ощущают давление со стороны значительной части граждан еврейского государства, не разделяющих идеи сионизма. Таких граждан власти Израиля называют пятой колонной. Название яркое, но не соответствующее действительности. Разве можно назвать пятой колонной такую массу людей, которая составляет не менее половины численности населения страны? Кроме того, пятой колонной, как правило, управляют извне. Не знаю, может быть, ортодоксальными иудеями Израиля управляет какой-нибудь тайный наднациональный синедрин? Но у меня таких сведений нет.

4

«The Times of Israel» сообщила шокирующую для Израиля новость: еврейскому государству грозит экономическая изоляция. Первоисточником этой новости стал не кто иной, как премьер-министр Биньямин Нетаньяху. На совещании израильского Минфина в Иерусалиме 15 сентября премьер-министр заявил: *«Израиль находится в некой изоляции»*. И добавил, что, возможно, *«придется перейти к экономике, основанной на самообеспечении»*. Он уточнил: *«Нам всё больше придется приспосабливаться к экономике с чертами автономии без внешней торговли»*. Самообеспечение, как отметил Нетаньяху, в первую очередь, необходимо для поддержания обороноспособности Израиля: *«Но мы можем оказаться в ситуации, когда наши оборонные отрасли будут заблокированы. Нам нужно развивать эти отрасли здесь: заниматься не только исследованиями и разработками, но и иметь способность производить то, что нам нужно»*.

Неистовый Биби посетовал, что во всем, мол, виноваты мусульмане, которые стремительно заполняют Европу, заставляя европейских политиков переходить на антиизраильские позиции и ограничивать торговлю с еврейским государством. Действительно, согласно официальной статистике, численность мусульман, проживающих в Швеции, Франции и Австрии, составляет 8-9%. В Германии и Великобритании — более 6%. А на Кипре — более 25%. Кроме того, антиизраильские позиции занимают и многие коренные жители европейских стран. На таких же позициях стоят и многие граждане еврейского происхождения.

В последние месяцы в результате военных действий Израиля сектор Газа был в значительной степени стерт с лица земли (в частности, разрушено до 90 процентов жилого фонда). Параллельно Израиль осуществляет военные операции против таких суверенных государств, как Сирия, Ливан, Иран и Катар, нанося по ним воздушные удары.

И даже самые толерантные европейские политики стали говорить о том, что Израиль уже давно от самообороны перешел к агрессии и настоящему геноциду. И что надо применить какие-то меры воздействия на агрессора. Агентство Bloomberg еще в начале лета этого года сообщило, что ряд европейских стран, включая Германию, Великобританию, Нидерланды и Францию, рассматривают возможность введения торговых санкций в отношении Израиля и ограничений на продажу оружия.

В Европе наиболее решительные политики стали приводить в пример Турцию. С 7 октября 2023 года по 2 мая 2024 года Турция сократила объем торговли с Израилем примерно на 30 процентов. А 9 апреля 2024 года Анкара приостановила экспорт в Израиль 1019 наименований товаров по 54 позициям. Глава Турции Эрдоган еще весной 2024 года заявил, что турецкая торговля с Израилем будет прекращена. Правда, торговля лишь сократилась, но не прекратилась. Но вот новое заявление от 29 августа нынешнего года. Его сделал министр иностранных дел Турции, объявив о разрыве торговых отношений с Израилем. *«Мы закрыли наши порты для израильских судов, не разрешаем своим судам заходить в израильские порты. Я подчеркиваю, что нет другой страны, которая полностью прекратила бы торговлю с Израилем»*, — сказал глава турецкого МИД Хакан Фидан.

После того, когда Израиль нанес 9 сентября подлые удары по Катару, в Европе начался новый раунд дискуссий по возможным санкциям в отношении Израиля. 10 сентября председатель

Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен, выступая на сессии Европарламента в Страсбурге, заявила о возможности санкций для израильских чиновников, «придерживающихся экстремистских взглядов». Кроме этого, как сообщило издание The Jerusalem Post, председатель ЕК анонсировала «частичную приостановку» действия соглашения об ассоциации Европейского союза с Израилем из-за ситуации в секторе Газа. Для утверждения озвученных на сессии Европарламента санкций против Израиля требуется согласие как минимум 15 из 27 стран-членов ЕС. Не факт, что санкции получат такую поддержку, отмечает The Jerusalem Post

Пока ни о каких серьёзных экономических санкциях, как, например, отключение израильских банков от системы СВИФТ, заморозка валютных резервов или тотальная блокировка экспорта и импорта, речи не идет. Имеют место лишь отдельные чисто символические ограничения, запреты или угрозы. Так, Великобритания отказала Израилю в участии в выставке вооружений на территории страны. Аналогичный запрет Франция наложила на участие Израиля в своей национальной выставке вооружений. Ирландия заявила, что объявит бойкот «Евровидению-2026», если до музыкального конкурса допустят представителя или представительницу Израиля. Об этом 12 сентября сообщил местный телеканал RTE, который занимается национальным отбором конкурсантов.

Наверное, дальше других стран пошла Испания, которая 8 сентября объявила запрет на поставки в Израиль любого оружия, боеприпасов и иных товаров военного назначения. Кроме того, всем судам, перевозящим топливо для израильских вооруженных сил, будет запрещен транзит через испанские порты, а также всем самолетам, перевозящим военные материалы для Израиля, будет закрыт доступ в воздушное пространство Испании. Также устанавливается запрет на импорт продукции с оккупированных израильянами палестинских территорий.

В 2024 году общий объем внешней торговли Израиля составил 153,2 миллиарда долларов США, из которых 91,5 миллиарда пришлось на импорт, а 61,7 миллиарда — на экспорт. Дисбаланс экспорта-импорта очень большой, дефицит торговли почти 30 млрд. долларов. Примерно треть товарооборота приходится на США, такая же доля — торговля со странами ЕС, оставшаяся треть — все остальные страны.

Смешно думать, что Израиль может жить в условиях полной экономической автаркии, как предполагает Нетаньяху. Израиль — страна очень маленькая по площади (20 770 кв. км) и

по численности населения (около 10 млн. человек). Природных ресурсов мало (есть лишь некоторые запасы сланцевой нефти и шельфового природного газа). Без импорта и экспорта Израиль не продержится и года.

Самый пессимистичный для Израиля прогноз — блокировка торговли странами ЕС и другими традиционными торговыми партнерами за исключением США. Власти Израиля уверены, что со стороны США никаких торговых санкций быть не может. Америка — главная и неизменная опора Израиля. Америка поддерживает Израиль не только торговлей (которая для Израиля является хронически дефицитной), но также военной помощью. Израиль — традиционно крупнейший получатель американской безвозмездной военной помощи. Согласно данным экспертов Совета по международным отношениям, США в период с 1946 года по начало войны в секторе Газа поставили Израилю оружия на астрономическую сумму 310 млрд. долларов. И в случае самого негативного сценария развития событий (санкций со стороны Европы и других торговых партнеров) США хотя бы частично компенсируют торговые потери Израиля.

Но, наверное, не следует исключать еще более негативного варианта развития событий. Не следует думать, что в Америке произраильское лобби является всесильным и вечным. Об этом мало говорят, но в 2009 году американский президент Барак Обама фактически ввёл эмбарго на поставки оружия в Израиль. Обама заблокировал все крупные запросы Израиля на поставку оружия, включая ключевые проекты и модернизацию, увязав продажу оружия с мирным процессом. Этот факт скрывал даже премьер-министр Биньямин Нетаньяху, который боялся, что вслед за Америкой другие страны могут включиться в блокаду Израиля.

Между прочим, «двенадцатидневная война» (агрессия Израиля против Ирана в июне этого года) внесла раскол в, казалось бы, монолитный блок республиканских единомышленников Трампа, объединившихся под флагом MAGA (Make America Great Again — «Сделаем Америку снова великой»). Правда, такой раскол пока не затронул «народных избранников» в Конгрессе США, он наблюдается среди рядовых членов Республиканской партии.

31 июля этого года, как отметили многие американские СМИ, стал поворотным моментом, который говорит о «разрушении исторически сложившейся двухпартийной поддержки Израиля» в Конгрессе США. Вынесенная на рассмотрение верхней палаты Конгресса резолюция была подготовлена независимым сенатором Берни Сандерсом, который участвует в работе фрак-

ции Демократической партии. По итогам голосования он отметил, что за резолюцию проголосовали 27 сенаторов-демократов, против — 17. Против резолюции выступили все сенаторы от Республиканской партии, из-за чего она не была принята. Вместе с тем Сандерс после голосования заявил, что уверен в том, что помощь Израилю будет все-таки заблокирована: *«Ситуация меняется. Американский народ не хочет тратить миллиарды, чтобы морить голодом детей в Газе. Демократы продвигаются, и я рассчитываю на поддержку республиканцев в ближайшем будущем»*. Конечно, не стоит переоценивать позицию демократов. Они говорили и продолжают говорить, что в принципе поддерживают Израиль. Речь идет лишь о том, что они категорически против политики израильского премьера Нетаньяху.

Лидер израильской оппозиции, государственный и общественный деятель, основатель партии «Еш Атид» («Есть будущее») Яир Лапид отреагировал на заявление премьера насчет возможной экономической изоляции еврейского государства следующими словами: *«Заявление Нетаньяху о том, что Израиль входит в изоляцию и должен адаптироваться к экономике изоляции, — безумное заявление. Изоляция — не приговор судьбы, а результат неправильной и провальной политики Нетаньяху и его правительства»*. Действительно, чем более активно Нетаньяху будет продолжать агрессию и геноцид против палестинцев и арабов соседних государств, тем больше шансов на то, что против Израиля европейскими и иными странами будут вводиться экономические санкции. Также нельзя полностью исключать вероятность повторения американского прецедента 2009 года — введения запрета на американскую военную помощь Израилю. Правда, это может произойти в случае, если республиканцы в результате промежуточных выборов в Конгресс утратят там свой «контрольный пакет».

Михаил СМИРНОВ

ДОЛГАЯ НОЧЬ

РАССКАЗ

Роман Кузин разогнулся. Устало потер поясницу. Гроыхнул инструментом. Вытер вспотевший лоб. Веником вымел мусор на балконе. Еще раз осмотрел балкон. Вроде нормально получилось. Хозяин две недели над душой стоял, за каждым движением следил, каждый гвоздик пересчитал и проверил, не торчит ли шляпка наружу. «А почему тут щелка? Ты бы переделал. Я же за работу бабло плачу. А если будешь косячить, других приглашу. Сейчас только свистни, желающих понабежит много». И так каждый день, пока Роман не закончил обшивать балкон.

— Принимай работу, — сказал Роман. — Мне пора собираться. И так задержался с твоим заказом. Проканителился больше, чем заработал.

— Слышь, братан, а может, бартером договоримся? — хозяин глядел, как он обувался. — Я скидку сделаю. Ты продашь белизну. Больше поймешь, чем я налом отобьюсь.

— А за хлеб я тоже буду белизной расплачиваться? — буркнул Роман. — Договорились же. Я сделал свою работу. Пора рассчитаться.

ПРОЗА

Было видно, как хозяину тяжело расставаться с деньгами.

— А может, половину отдам? — хозяин достал из барсетки тугую пачку денег и стал крутить ее в руках. — Все бабки вложил в товар. Взял бы белизной. Наварился бы...

Он говорил, а сам неохотно отсчитывал деньги. Несколько раз пересчитал. Потом протянул.

— Мне продукты нужно купить, — сказал Роман. — И Антонина, моя знакомая, должна в гости зайти. Я твою белизну в фужер налью? Давай деньги и разбежались. Мне еще до Пентагона нужно добраться.

— Нормальные люди в Пентагоне не живут, — завздыхал хозяин, посматривая на деньги в руках. — Хорошие люди в городе живут, а там алкашня и наркуши.

— У каждого свой насест. Ладно, я пошел, — вздохнул Роман, сунул в карман несколько купюр, подхватил сумку с инструментом и открыл дверь. — Зовите, коли что...

— Дорого берешь, вслед сказал хозяин. — Знал бы раньше, других бы позвал. Вон сосед мой по торговле говорил, что ему особняк строят приезжие. За копейки сговорились. Под ключ поставят. Так он еще с них повысчитывает за жилье на своем участке. А кто будет недоволен, тот вообще пешком домой отправится. А ты втридорога...

Не договорил. И торопливо захлопнул тяжелую металлическую дверь и загремел засовами, когда в подъезде раздались голоса.

— Тьфу ты! — чертыхнулся Роман, спускаясь по лестнице. — Эх, жизнь настала! Башку бы оторвать тому, кто придумал эту перестройку. И жить не дают, и сдохнуть не получается.

Он еще раз плюнул под ноги и затопал по лестнице.

...Все изменилось в этой жизни, когда наша родная и привычная власть, которая делала всё на благо народа, рухнула в одно мгновение, можно сказать. Но в то же время на месте рухнувшей власти появилась свобода, которой было столько, что многие люди не знали, что делать с ней — этой самой свободой, ведь они же привыкли жить по законам нашей родной партии и правительства. К примеру, партия сказала или приказала, а народ сделал. И не нужно было оглядываться в прошлое, потому что у всех было настоящее и будущее. Рабочий работал, руководство руководило, воры воровали, а милиция их сажала. Всем и всё было ясно и понятно. А тут словно доску из-под ног вышибли и всех закачало. Даже не закачало, а заштормило так, лишь бы на ногах устоять, а что вся наша жизнь превратилась в нижеплинтусовскую — это уже сами люди виноваты. Приспосабливаться нужно к новой жизни и веяниям, приспосабливаться...

Роман Кузин не захотел перестраиваться. Посчитал, что характер не тот, чтобы как савраска носиться с утра и до ночи и огрызаться, если тебя заденут. А понадобится, по головам лезть и никого не жалеть в этой новой жизни, если хочешь чего-то добиться. А может, он был более рассудителен и не захотел испытывать на своей шкуре новые веяния того времени. Да и ни к чему. Поздно что-то менять в своей жизни, если ты привык к ней и уже другой не хочется. Его время остановилось, а новое пришло, но не для него.

В маленьком городке, где он проживал всю свою сознательную жизнь, почти все словно с ума посходили с этой свободой. И почти все кинулись торговать. Там купят, тут втридорога продадут. И снова за товаром торопятся. А другие кинулись кооперативы открывать. И принялись зарабатывать деньги, кто как может. Одни честно пытались — потом и кровью заработать копеечку, а другие из воздуха деньги делали, продавая тот же самый воздух. И столько появилось шальных денег, что у некоторых башни поносило. У них было всё, что душа пожелает и не пожелает, и даже больше того. Рай да и только! И они с высоты небес гордо поглядывали на тех, кто раньше был рядом с ними, и ценилось не духовное развитие, а количество денег и положение в обществе, которое измерялось толщиной кошелька, а не уважением и знанием...

Некоторые знакомые Романа подались в торговлю. Это же не металл на станках обрабатывать, и не тяжелые мешки перетаскивать с места на место. Стой за прилавком или разложи товар на земле и зазывай покупателей. Не ручеек, а река денежная потечет. Однажды Роман столкнулся с Саней Ягодкиным, который у них был электриком в цеху, а потом подался в торговлю. Был так себе мужичок. Ни рыбы, ни мяса, как говорится. А тут стоит возле «Мерседеса», ключи крутит на пальце. Золотая цепь на тонкой шее, на пальцах перстни, одет с иголочки. Роман невольно глянул на свою потрепанную одежду. А Ягодкин ухмыляется. У меня есть всё, что душе угодно. Баба торгует, а я бабки подсчитываю. Скатаюсь за товаром и снова прибыль в кармане. А ты, как был нищевродом, так и останешься им. Но обращайся, если деньги понадобятся. Так и быть выручу под небольшой процент. И снова заухмылялся. У Романа в душе заскребло от его самодовольного вида. Был никем, а теперь стал всем. И таких много развелось в наше шальное время...

Торговые палатки были везде. На каждом углу, на любом переходе, на площади, где люди раньше шагали на демонстрацию, несли транспаранты, пели патриотические песни и верили

в светлое будущее, теперь шагают туда, чтобы поглазеть на заморскую жвачку или женские трусики — ниточка тут, ниточка там... А уж барахла было столько, глаза разбега-лись, и хотелось того и этого, а еще вон того... Да что говорить, хотелось всё, что попадало на глаза, но денег не было, потому что не стало работы и предприятия распро-давались со свистом или вообще закрывались за ненадоб-ностью.

И Роман Кузин оказался за воротами, когда завод закрыли. Сначала отправляли без содержания, а потом и вовсе прикры-ли. Сказали, что проще купить продукцию где-нибудь в Африке и привезти сюда, чем выпускать втридорога на заводе. И всё, светлое будущее исчезло. Каждый выживает сам по себе. И пришлось Роману с утра и до вечера рыскать по городу в поис-ках работы. На предприятия не попадешь. Своих некуда девать, а тут еще вы лезете. И выпроваживали. По кооперативам про-шелся, но там такая зарплата, что плакать хотелось. Даже кош-ку не прокормишь. И пришлось выживать случайными зара-ботками. Одни честно платили за работу, а другие обманывали. И жаловаться не пойдешь. Вот тебе и новая жизнь, к которой стремились...

Роман Кузин жил в Пентагоне. Пентагон — так в городе называли круглый девятиэтажный дом, отделенный от горо-да огромным пустырем с редкой растительностью. На этом пустыре виднелись большие и глубокие котлованы, края ко-торых давно уже стали осыпаться. Там обычно собиралась местная шантрапа, чтобы покурить да пивка дернуть. Боль-ше куража, чем хмеля, но этого вполне хватало, чтобы по-чесать кулаки о чью-либо морду, да отобрать всё ценное у случайно забредшего в эти места прохожего. Отобрать, что-бы показать при всей братве, какой он крутой. И если шпа-на попадала в руки доблестной милиции, тогда был один путь — на нары, где им показывали, что есть еще круче, и тогда...

К этим островкам оазиса еще тянулись алкаши, чтобы под чахлой сенью кустов полёживать на такой же чахлой травке и тянуть из горла всякую гадость, которую приобретали не-подалеку в магазине или аптеке. А еще затаривались у мест-ных самогонщиков, которые бодяжили свое добро непонят-но с чем, но с одной бутылки валялись все, кто ее испробо-вал на вкус. Ну а на безденежье можно было замутить клей БФ с солью, пока не появится неопределенного цвета жид-кость, а сам клей не превратится в тугой вязкий комок, кото-рый отправляли подальше, чтобы не портил воздух, и сами принимались за жидкость, что оставалась после клея. Пили

небольшими глоточками, словно это был дорожный коньяк. И тут же падали, отсыпались, и снова тащились в сторону магазина, словно зомби.

Вообще непонятно, с какой целью был построен этот Пентагон. Говорили, будто в этом месте вырастет новый микрорайон, а потом уж город шагнет к нему, застраивая такими же домами всю округу. Но пришла перестройка, и на этом закончилось строительство светлого будущего.

От города достаточно далеко, и приходилось добираться пешим ходом, потому что транспорт туда не ходил. За Пентагоном тянулись многочисленные озера, и протекала старица, за которой вдали виднелся лес и горы с проплешинами поля на склонах. Одни говорили, будто город должен был расти, и всех, кто проживал в общагах или «дурдомах» на пять хозяев с одним горшком и вечно грязной ванной, вроде как собирались переселить в Пентагон. А на месте общаг и «дурдомов» понастроить магазинов или кафешек для молодых, где можно было бы поесть мороженое да попить кофе с пирожными.

А другие отмахивались. Пентагон — это вовсе не Пентагон, а шайба, и на пустыре должны были построить дома в виде клюшек — это как память об Олимпиаде. Может быть и построили бы, но бурным потоком налетела перестройка и эти дома-клюшки никому не нужны стали, да и денег бы не хватило на такое количество, но всё же успели перед самой перестройкой выкопать котлованы для будущих домов, понавезли стопки плит и огромные трубы и на этом строительство завершилось. Деньги превратились в воздух, а может, улетели по воздуху, как немного погоды исчезли привезенные плиты и трубы. Жители видели машины, что грузили, а куда всё исчезло, до сих пор милиция не может найти. Вот уж точно, как испарились...

Ладно еще, что в этом районе была окружная дорога, которая протянулась от города вокруг Пентагона и соединялась с трассой возле химзавода, а там, как на распутье, — на все четыре стороны. Ну и была еще ухабистая дорога в сам Пентагон, но по ней не каждый смельчак проедет, особенно в сызкую погоду. А уж дойти до него пешком — это вообще проблема: не утонешь, так увязнешь. Потому что при этой перестройке никому не нужна оказалась эта дорога, а потом и сам Пентагон. Говорили: радуйтесь, что еще воду и газ со светом подаем, а кто начнет кочевряжиться, тот останется у разбитого корыта. Сказали новоявленные чиновники и укатали на новеньких иномарках.

Стемнело, когда Роман Кузин добрался на автобусе до конечной остановки, которая была не возле Пентагона, а на краю горо-

да, и оттуда нужно было еще добираться до дома. Роман медленно шел по разбитой дороге, внимательно посматривая под ноги. Хорошо, что луна выглядывала, и можно было различить огромные лужи, но всё равно невольно шаг в сторону — и зачерпнул старым ботинком. И заматюгался. И что его дернуло согласиться на эту квартиру? Раньше Роман жил в общаге. Всё же веселее, чем в отдельной квартире. А сейчас — как волк-одиночка. Ладно, Антонина заглядывает в гости, а то бы одичал...

Общага была семейной, в которой он жил до Пентагона. Вроде заезжают семьи, такие ласковые и с улыбками на лицах, а года не пройдет — словно с цепи срываются. А мужики пьянствуют, потом за баб берутся. Ну а итог — приехала милиция и пошла забирать всех, кто под руку попал. А на следующий день опять повторяется, чуть ли не по минутам. Всякого насмотрелся. И поэтому не торопился жениться. Так и жил без жены, но бегал по подругам, пока был молодым. Но потом решил остепениться. И времена такие настали, что не до любовниц стало. А тут повстречал Антонину, вообще про других баб позабыл. Чем-то она зацепила его. Правда, не хотел даже себе признаваться в этом, но всякий раз в душе было тепло, когда вспоминал о ней...

Он с Антониной Ереминой сошелся случайно, когда от нее сбежал муж. Не ушел, пусть даже со скандалом, а потихонечку убежал, но при этом прихватил не только свои вещи, но и все наличные деньги. И ушел к другой бабе, у которой был особняк в пригороде. Ну как особняк... дом от бабки остался, да пара сараев, где несколько хрюшек да десятков кур. А уж когда грянула перестройка, они быстро перестроились. Свинок на мясо. Курочек туда же. И всё в продажу. А потом принялись мотаться за товаром, как делали другие. И зажили на широкую ногу, посматривая на всех свысока — новорусские хозяева страны...

Обидно было Антонине, что ее обменяли на деньги. И тут появился Роман. Такой простой, без запросов и живет в общаге, и умница, как о нем говорили. Со всех сторон надежный человек. Пусть Роман был старше ее почти в два раза, зато ценить ее будет в два раза больше, как она рассуждала. Конечно, ей хотелось жить на более широкую ногу, но где такого найдешь? Вот и пришлось довольствоваться тем, что было. Главное, что не мешал ей жить, а радовался, когда она приходила, и готов был на руках носить. Конечно, ей нравилось такое отношение, но всё же хотелось что-нибудь такого, чтобы душа запела, чтобы не думать о завтрашнем дне и деньги стояли мешками. Чтобы...

А Роман перебивался случайными заработками с той поры, как закрылся завод. И сейчас шагал к дому. Задержался сегодня. Предложили подработать. Калым небольшой, но муторный. И отказаться нельзя. А кушать хочется каждый день. Вот и приходилось выкручиваться. За любые копейки калымы брал. И сегодня с ним рассчитались. Пусть немного, но всё же душа радуется. По дороге заходил в магазин. Глаза разбегались от всевозможных импортных товаров. Сюда нужно на экскурсию приходить, а не за покупками. Повздыхал. Вышел. Напротив — палатки. Там тоже продают, но гораздо дешевле. Сначала между палатками бродил. Приценивался. Потом решил устроить праздник живота. Взял немного вареной колбасы, несколько сосисок, импортное масло, которое больше по вкусу напоминало маргарин, два плавленых сырка, вермишель и рожки, чуточку конфет в ярких обертках — карамелек. И шоколадку — это Антонине. Вот уж обрадуется! А когда рассчитался, чуть не матюгнулся. Все деньги оставил, какие скалымил. Вот тебе и праздник... С плохим настроением подхватил сумку и заторопился домой...

Чем дальше от города и ближе к дому, тем темнее становилось на дороге. Когда-то были фонари, но кому-то они помешали, и теперь лишь столбы остались торчать из земли. И явно это сделали не влюбленные, а местное хулиганье. Одни любовью занимались на природе, если погода позволяла, а другие в любую погоду поджидали тех, кого случайно занесло в эти места, чтобы облегчить у них карманы...

В Пентагоне местные хулиганы знали всех жителей в лицо и не трогали их, но вот забредет в эти края чужак, тогда берегись. И по морде схлопочет, и всё ценное отберут, а побежит жаловаться, так в ответ услышит: а вы видели нападавших в лицо? Сможете описать портреты? «Нет, не видел. Как засветили в глаз, я сразу на земле очутился». А если не рассмотрели их, тогда искать некого — это как в темной комнате искать черную кошку. Если хотите найти, прогуляйтесь еще раз в Пентагон. Но на этот раз старайтесь запомнить в лицо, кто был, кто вас бил, а по возможности и имена спросите или клички... И неопределенно крутили рукой в воздухе. Потерпевший вздыхал. Хватило одного раза. А второй раз пусть дурак идет туда. И уходил...

Роман потихонечку брел по обочине дороги. Здесь, как на минном поле. Если в лужу не попадешь, то можно угодить в котлованы для домов, которые выкопали и забросили, потому что денег не было на строительство. Ладно, он знал, как они располагаются, и старался не отходить от дороги. Лучше в лужу сунуться, чем сорваться в котлован и будешь в нем до утра го-

лосить. Сам не выберешься, и никто на помощь не придет. Он уже слышал такие вопли по ночам. Там близко к краю котлована не подойдешь. Земля осыпалась. И если идет дождь, земля становилась скользкой, как лед. Не успеешь глазом моргнуть, как на дне котлована окажешься. И кукуй до утра. Все равно не докричишься. А по весне, когда таял снег, котлованы заполнялись водой, и вот была радость для ребятишек, которые на сорванных подъездных дверях устраивали гонки по воде, пока кто-нибудь не оказывался в ней. И тогда рев на всю округу, и ребятишек мчался домой, чтобы там получить вторую порцию для рева...

Ближе к Пентагону было слышно, как в огромном дворе развлекается молодежь. Визг девчонок и крики парней, рьяная ругань и громкий хохот. А там уже кого-то метелят, как принято говорить. Попали под горячую руку. Отлупят, а потом вместе же продолжают стоять. И так бывает почти до утра. Люди утром на работу отправляются, а их великовозрастные дитяти только идут поспать. И так каждый раз...

Но с приходом новой жизни, когда у некоторых деньги стояли мешками и они боялись всяко-разных бандитов, которых развелось, как блох у собаки, так эти денежные мешки стали бояться за свою драгоценную жизнь. Личной охраной обзавелись, которая круглосуточно стерегла не только во дворе, куда притащили вагончик, чтобы они со всеми удобствами караулили хозяина, но и на всех площадках в подъезде и возле квартиры стояли. А у некоторых даже в квартирах охрана была. Лишь нижеплинтусовские не имели защиты. С них нечего было взять. И каждое утро тянулись телохранители к машинам, зорко посматривая по сторонам и держа руки на кобурах, а вдруг налетят бандиты или подстережет наемный убийца, и тогда уж точно без стрельбы не обойтись. Дикий Запад отдыхает...

Роман пошел вокруг дома. Редкие окна, в которых был свет. Но этого хватало, чтобы немного рассмотреть дорогу. И все равно нет-нет да попадал в лужу. И чертыхался, чувствуя, как в ботинках хлюпает холодная жижа.

Он добрался до своего подъезда. Здесь еще сохранилась лавочка, где сидели старики. А вот дверь в подъезд была сломана. С корнем выдрали, чуть ли не половину косяка снесли. Он вздохнул. Зашел в подъезд. Темно. Света вообще не было. Это молодые каратисты тренировались, кто с одного удара собьет выключатель. И их нет, а лампочки побиты. Но Роман знал каждую выбоинку на лестнице и поэтому смело шагнул по ступеням. Радовался, что добрался до дома. И еще радовался, что сейчас придет Антонина. Всё веселее будет, чем одному сидеть

в четырех стенах. Вроде недавно познакомились, а ему казалось, будто знает ее уже много лет. Не хотел себе признаваться, что скучает без нее, когда долго не видит, а появится, так не знает, куда посадить, хотя упорно делал вид, что семейные отношения его не интересуют, а в душе частенько мечтал, что когда-нибудь, но они сойдутся. Не век же одному куковать. А будут вдвоем — легче жить станет. Никак нельзя без поддержки в наше время. Радовался, что у него появилась Антонина, но в то же время опасался. Всё же она намного моложе его и красивая, мужики на улице глядят вслед. Боялся, что в один прекрасный день заявит, что надоел ей, и уйдет. И он снова останется один в этой жизни. Сегодня уж в который раз хотел отдать ей ключи от квартиры. Если не женой, так пусть будет хозяйкой в доме. Не служанкой, а хозяйкой. Это значит, что они стали бы жить вместе. А согласится ли — он не знал. Ведь до сих пор она только посмеивалась над этим...

Роман захлопнул дверь. Щелкнул шпингалетом. Возле порога скинул мокрые ботинки. И сразу зазнобило, когда встал сырыми ногами на холодный пол. Стащил носки. В ванной бросил в тазик и залил горячей водой. Пусть отмокают. Ботинки оставил в ванной. Помыть и как-то нужно просушить. Прошлепал в зал. Стащил брюки. Взамен трико натянул. Рубаху поменял на майку. Шлепки на ноги. Включил транзистор. И поставил чайник на плиту. Люди уж давно спят, а он собрался ужинать, когда появится Антонина. Сколько говорил ей, чтобы ключи взяла от его квартиры, а она отказывалась: «Без ключей я просто гостья и всё. Приходящая и уходящая. Ведь у каждого человека должна быть своя личная жизнь, куда остальным вход запрещен. Вот и я не хочу ее терять. Вот если бы ты был денежным воротилой, я бы не отказалась от твоего ключа, но у тебя нечего брать — дыра в кармане да вошь на аркане. Эх, повстречать бы сына Рокфеллера или Буратино с золотым ключиком, вот уж я бы зажила!» Она мечтательно закатывала глаза и смеялась. А Роман лишь хмурился...

...Роман зашел на кухню. Чайник давно закипел. Сыпанул заварку в старый заварочный чайничек. Конфеты на стол, колбасу нарезал и сыр. Хотел было сварить макароны, но раздумал. Уже ночь на дворе. За окном со стороны озёр донесся протяжный крик. Роман оглянулся на окно. Тьма на улице. Ничего не увидишь. Щелкнул выключателем. Подошел и прижался к окну. На ощупь приоткрыл форточку. Сразу потянуло холодом и сыростью. Он долго всматривался в темень, но ничего не было видно. Прислушался. Вроде с той стороны доносились невнятные голоса. А кто там — мужики или молодежь — и не разобрать. Он во тьме налил чаю в бокал. Обжегся. Чертыхнул-

ся. Сделал шаг к окну и пальцем ноги ударился об ножку стола. Чуть не заорал от боли и снова обжегся, когда отдернулся в сторону. Чертыхаясь уж в который раз, он уселся на табуретку. Бокал на подоконник. Рядом сигареты. И уставился в окно, словно в телевизор, надеясь не пропустить самое интересное...

Нет, не интересное, а страшное. Жизнь такая наступила, когда не знаешь, что может произойти через пять минут. Для одних эта жизнь оказалась привычной, словно они с рождения в ней находились. Сразу перестроились. И началась у всех новая жизнь. А другие восприняли эту самую новую жизнь настороженно. Да и деваться некуда было этим другим, потому что они привыкли к старой жизни, где была настоящая жизнь, а сейчас одно посмешище. Пародия на заграничную, где всё ярко, а за этой яркостью скрывается нищета, которой раньше не было в стране, а теперь она повсюду, и даже не нужно внимательно всматриваться — она на самом виду.

Роман прислушался. Что-то Антонина не идет. Договорились же. А может, она была и ушла, его не дождавшись? Сколько говорил ей, чтобы взяла ключи, так нет, не может взять, не хочет быть хозяйкой. А кто же ты сейчас? Я же все вопросы решаю только с тобой. А ты отмахиваешься...

— Что она не идет? — прислушиваясь к шуму за окном, нахмурился Роман. — Время-то уже — ночь на дворе, а ее нет. Странно. Если бы на последнем автобусе приехала, все равно бы уже добралась, а тут...

Он замолчал, повернулся к двери и прислушался. Тишина...

Роман забеспокоился. Такого никогда не было, чтобы Антонина пообещала, а сама не пришла. Может, занята — сам себя успокаивал Роман, только на душе легче не становилось. Наоборот, росло беспокойство. Если пойти к ней, а она в это время сюда приедет, и тоже не застанет, и начнет меня искать. Так и будем всю ночь друг за другом бегать, пока не повстречаемся. А если она сидит и меня ждет? Знает же, что начну себя накручивать, как всегда бывало. И что тогда? Он оглянулся на темные окна. А то, что нужно собираться и тащиться к ней по ночному городу, где кроме всякого хулиганья и милиции больше никого не встретишь. Одни могут морду набить и не посмотрят на возраст, а другие заберут, потому что нормальные люди спят дома, а не шляются в ночи, и не докажешь, что беспокоишься, что баба не пришла.

Роман завздыхал. А идти придется, и передернул плечами, представив дорогу в ночи...

Достал сухие носки. Неторопливо оделся. Взял ботинки. Они сырые, а тащиться нужно чуть ли не до середины города. Он натянул куртку, кепку на голову. Черкнул записку. Вышел, что-

бы соседи не слышали. Записку в условное место приткнул. И сам заторопился на улицу.

Он шагал в ночи в сторону города, который ярким пятном смотрелся во тьме. Шагал и вспоминал старые времена, когда можно было в любое время, хоть посреди ночи, пройти по всему городу, и никто тебе слово не скажет. А сейчас идешь и не знаешь, доберешься до места или остановят в каком-нибудь переулке и... И зови — не зови, на помощь никто не придет. Своя шкура ближе к телу.

Сейчас, когда он двигался в сторону города, на темной дороге были заметны отсветы на лужах, и он почти не замочил ноги, когда добрался до конечной остановки. Автобусы не ходят. И придется тащиться пешком, поглядывая по сторонам, чтобы не угодить в какую-нибудь неприятность.

Странные времена наступили. Многие раньше мечтали о свободе. О любой свободе, а теперь получили ее и не знают, что с ней делать. Он помнил, как на производстве на перекурах обсуждали бедную жизнь в стране и сравнивали с другими странами, где было всё, что душе угодно, и даже больше того. А сейчас, когда, как казалось, получили эту свободу, и стало всё, что душа хочет и не хочет, многие стали отказываться от этой самой свободной жизни. Подавай им старую, где пустые витрины, где картошка, селедка и капуста — это самые вкусные продукты, а простенькая карамель — самая сладкая, а еще чай со слонем и одежда ширпотребовская. Вот это им подай, а еще старые законы верни. А всё новое в красочных обертках и эту самую свободу заберите обратно к едрене фене. Во как насвободились!

Роман шагал по городской окраине. Едва услышав голоса, он сворачивал во дворы или двигался за кустами, чтобы не столкнуться с какой-нибудь сворой, которых тут развелось, как тараканов в грязной квартире. И правда, почти в каждом районе была стая молодежи, которая устанавливала свои законы на своей территории. И вела постоянные войны с другими, если те посягали на «ее собственность». Роман видел эти столкновения, аж жутко становилось, когда толпа молодежи мчалась по улице, ее догоняла другая, сбивали с ног и принимались месить лежачего. Даже случайным прохожим попадало ни за что, а просто так, что встретились не в том месте и не в тот час. И тоже били. Жестоко лупили, и всем им было наплевать, что это простой прохожий. В такие минуты все встречные старались шмыгнуть в магазины или еще куда-нибудь, лишь бы не попасть под горячую руку. Да уж, о чем мечтали, то и получили — свободу вместе с гласностью и «разноцветьем жизни»...

Роман прислушивался к ночному городу, к ресторанной жизни и пьяным возгласам, а то и к шуму драк возле баров и ресторанов. А сам думал, что же произошло, почему не пришла Антонина. И старался прибавить шагу, если получалось.

Он свернул во двор, где жила Антонина. Невольно глянул на окна квартиры. На кухне и в зале виден свет. На душе полегчало. Значит, она дома. Роман поднялся по лестнице. Коротко стукнул. Тишина. Снова постучал и прислушался. За дверью были слышны голоса, громко играла музыка и доносился ее смех. Он забарабанил по двери. Дверь распахнулась.

— А что пришел?.. — замешкалась Антонина и продолжала стоять в дверях. — Ты же говорил, что на шабашке будешь.

Она невольно оглянулась, когда из глубины квартиры донесся мужской голос. Смутилась, но тут же посерьезнела, и на лице словно маска появилась — непроницаемая и холодная.

— Ты же сказала, что придешь, — поёжился Роман. — А я сосиски купил, вермишель и рожки. Конфеты и шоколадку взял для тебя. Ужин приготовил. Думал, придешь, вместе посидим...

Она снова оглянулась на голос. Тянуло вкусным запахом еды. Из квартиры доносилась музыка, звякнули тарелки, что-то упало на пол. Кто-то зачертыхался. Снова позвал ее.

— Тонечка, сколько еще ждать? — громко сказал кто-то. — Гони всех в шею. Ходят всякие. Гони!

Раздалось звяканье бутылок.

— Ром... Ром, не обижайся, но у каждого человека свое счастье. — Антонина помялась. — И я нашла его. Муж вернулся. Ушел от своей кобры и забрал свою долю. Ты пойми меня. Всё же законный муж, а мы с тобой — приходящие. И впереди никакого просвета. А мне хочется счастья. А еще хочу жить и не думать о завтрашнем дне. Вовчик в ногах валялся. И я простила его. Это мой золотой ключик в жизни. Извини!

— А я ключ от квартиры принес, — растерянно сказал Роман, достал ключ и протянул. — Чтобы ты в любое время могла прийти. Хочу, чтобы женой стала. И я ужин приготовил. Сосиски сварил, вермишель...

— Тонечка, сколько еще ждать? — донесся зычный голос. — Осетринка и балычок заждались под водочку, черная икорочка сохнет, буженинка, колбаска... Ну, Тоня...

И снова звякнула бутылка.

Роман невольно сглотнул.

Антонина глянула на ключ. Хотела было что-то сказать, но снова ее позвали.

— Иду, Вовчик, иду, — крикнула она, глянула на Романа, который стоял и поеживался, держа в руках ключ. — У каждого своя тропка в этой жизни. Ром, наши тропки пересеклись и разошлись в разные стороны. Извини...

И захлопнула дверь.

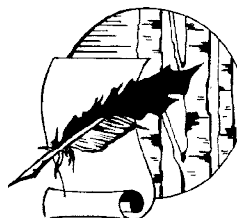
— Как же так, Тонь? Мы же с тобой... — Он растерянно топтался возле закрытой двери. Хотел было снова постучать, даже руку поднял, но безвольно опустил, повернулся и медленно стал спускаться по лестнице и всё повторял:

— Как же так, а? Как же так?..

Он остановился возле подъезда. Присел на лавку — и взгляд в землю. И завздыхал, не зная, что делать.

А вокруг была долгая ночь...

ПОЭЗИЯ

Надежда МИРОШНИЧЕНКО

РУССКОЕ ЗЕРНО

А Я ПОШЛА ПО НЕБУ...

А я пошла по небу, как по лугу,
Надеясь встретить что-нибудь ещё:
То ль странницу какую, то ли вьюгу
Времён и лет. Мой скромн был расчёт.
Но я встречала бриллианты мыслей
И водопады миллионов сфер.
И будущих планет седые искры.
И огненные схватки атмосфер.
И не было цветов в лугах тех дальних.
И не было ни снега, ни росы.
И только одиноко и печально
Цвела Свеча Нейтральной полосы.
И я вернулась на родную землю,
Как Блудный сын вернулся в Отчий Дом,
И тихо повторяла: всё объёмлю
И всё люблю, что нынче, что потом.

ЧЕРЁМУХА

А я помню: меня залила своим светом черёмуха.
Потому что метель. Потому что снега и снега.
Потому что давно я когда-то бродила у омута
И печалила жизнь, а вокруг обступала тайга.
Я печалила жизнь. А она улыбалась насмешливо.
И шептала: «Ты что? Погляди-ка, как Я хороша»!
И шептала: «Ты что? Я такая же всё-таки женщина.
Всё проходит. Терпи. Это полнится силой душа».
А она говорила: «Молись! Только по-настоящему...»
Но не знала сама она по-настоящему — **как**.

И года проходили быстрее, чем всё проходящее.
И черёмухи хлопья, как снег, заполняли овраг.
Но дороги запутали белые пастбища снежные.
И иголки сосны всё метели топорщились встречь.
И была я тогда как-то вся по-безгрешному нежная.
И я знала, что нежность свою не смогу уберечь.
Но душа распогодилась от бесполезного ропота.
И сидели виски, а весной расцветали луга.
И меня заливали черёмухи белые омуты,
Своей нежностью юной мои затопив берега.

НЕ БОЛИ, ДУША...

Не боли, душа, не прячься, не стони.
Ну и что, коль ты ответа не нашла.
Ты жгутом свою печаль перетяни.
Заглядись, как ночка юная бела.
Ночка белая, серебряная тишь.
Даже птицы ещё радостные спят.
Даже звёзды, что поскаtywались с крыш,
Прямо в лужи, лягушатами глядят.
Вся природа отдыхает от тоски,
Чтоб проснуться и по-новому начать.
Вон и верба встрепенулась у реки,
Чтобы первой выйти солнышко встречать.
Вот и я свою печаль превозмогу.
Не томись, печаль, что не белым-бела.
Я тебе ещё с ответом помогу,
Потерпи, пока я слова не нашла.

НЕЖНОСТЬ

Как пушистый котёнок, как вербы распаренный куст,
Моя нежность не знает ни гордости и ни предела.
Вы представьте, что я даже сердцем представить боюсь,
Что растрочу её, как бы горько потом ни жалела.
А вокруг города, беспилотники и малыши,
Что взирают на всё их готовыми к счастью глазами.
И душа растерялась: как с нежностью быть мне, скажи?
И боюсь я не сдать этот простенький, в общем, экзамен.
И колеблется чаша весов, и топорщится жизнь,
Защищаясь от смерти любовью своей и надеждой.

И колеблется всё. И нет выхода лучше, кажись,
Чем уйти в глубину, где всё было спокойнее прежде.
Но готовится верба на Масленицу расцвести.
Но стесняется нежность, которой пугаются люди.
И опять понимаю я, Господи-Боже, прости,
Если я ослабею, и нежности тоже не будет.

* * *

Как не хватает мне твоей любви.
Как мне любви на свете не хватает.
Уж я и так, и эдак потокаю.
А мне Любовь: «Ты вслух не говори».
Но кто из русских может промолчать,
Когда и сердце по-другому бьётся?!
А промолчи — возьмёт и разорвётся.
А, может, это Каина печать
На нас на всех (уж больно горячи!),
Чтоб не давали выпустить на волю
Любовь? Вот он её и взял в неволю.
Заколдовал и приказал: «Молчи!»

* * *

Мне не хватало в Пушкине меня.
И мама меня умная корила.
Она мне с огорченьем говорила:
Подумай, кто, мол, ОН! И кто, мол, я.
А я была румяна и бела,
Как лёгкая пуховая подушка.
И верила: меня бы понял Пушкин,
А мама моя вот не поняла!
Но тайну мне открыла западня,
Которая на волю не пускала,
Что не хватало мне во мне меня.
А Пушкину всего в себе хватало.

БАЛЛАДА ОБ ОБЛАКЕ

Я облаку сказала: не реви.
Да, слёзы начинаются с земли.
И это я наплакалась сегодня.
Что делать — это слёзоньки мои.

Я собирала их почти что век.
Где шли дожди и где подтаял снег.
Где собрались серебряные росы
В такой хрустальный Времени ковчег.
Я о д р у г и х пока что ни гу-гу:
О материнских, вдовьих и девичьих.
Боюсь, страданию нету в них различья.
Но я о них сегодня не могу.
Я о таких, неожиданных, как оплошность.
Как в рамках жизни рамки ремесла,
Где оказалось: грань я перешла,
Как и границу будущего с прошлым.
Вы говорите: Музыка небес.
Вы говорите: Стоны перезвонов.
Но что мне та Сикстинская Мадонна,
И что мне этот польский Полонез,
Когда душа увяла, как трава,
Лишь потому, что облако просило:
«Поплачь. Во мне уже не стало силы».
И слёзы пролились на рукава.

ЧТО ЗА СТРАНА?!..

Андрею Попову

Что за Страна: то метель, то черёмуха.
Белого цвета и чёрного таинство.
Черные ягоды, белые омуты
Сквозь золотые лучи пробиваются.
Чёрный пиджак да на белое платице.
Черное с белым насквозь перемешано.
То-то порой мне так горько и плачется,
Что не умею я жить не по-здешнему.

Свет ли с небес или ливни крошечные,
Луг расписной иль дорога разбитая
Или попутчика исповедь грешная,
Об руку с песней да слабой молитвою.
Что за Страна? «Да» и «нет» заплетается
В чёткое «Ё...». Боже праведный, выведи
К чистому слову, где, как полагается,
Сказано всё, как назначено издавна.

Богатырей с их доспехами вижу я
И полководцев — с крестами-медалями,

Что и сейчас в нашем сердце не выжжено,
Что и на завтра достанет и далее.
В горе поёшь, в светлой радости мучишься.
Что за Пристанище: злое и нежное?!
Только другое любить не научишься.
И не умею я жить не по-здешнему.

Чёрные ягоды, белые омуты.
Дон или Волга — всё те же ристалища.
Что за страна: то метель, то черёмуха.
Белого цвета и чёрного таинство.

* * *

Светлане Сырневой

Начинается грусть. Прекрати, неуёмное сердце!
Я же знаю, к чему начинается это сейчас.
Ты опять ошибёшься. Оно, видно, правда — из детства,
Наше чувство хрустальное, что разбивается враз.
Это чувство — предчувство безвыходно — не экономно,
Но стремится на битву и с разумом и со тщетой.
И опять меня тянут куда-то подальше от дома
То ли в небе зарницы, то ль во поле вечный покой.
Мы уже проходили и это, и то. Так к чему же
Начинается грусть, ненадёжная, как облака.
То ль сорвётся грозой, то ль, что ещё может быть хуже,
Обернется мечтой, не исполненной в жизни пока.
Не хочу отвечать на вопросы ничьи и подначки.
Не хочу и себе закрывать для тоски ворота.
Это словно вода, что из старой, как мир, водочапки
Бьёт хрустальной струёю, но не достаёт до виска.

* * *

Всё остаётся навсегда.
И даже то, что разрушают.
Века проходят иль года,
Но Время правду воскрешает.
И содрогнутся подлецы,
Почувяв Истины мгновенье.
И улыбнутся Праотцы.
И кончится столпотворенье.

Вернутся Храмы и Дворцы,
Взойдёт немеркнущая Слава
Над тем, кто связывал концы.
Когда посыпалась Держава.
Над тем, кто сердцем не иссяк
Во имя Родины и Веры.
И будет там помянут всяк,
Кто против восставал Химеры.

НЕ ВЕРЮ

Ужель доразвивались до пустот?
До пустоты Души, Любви и Веры?
До пустоты Примеров и Красот?
Но были же всегда нужны примеры.
Неужто зря, Господь, прости, Господь,
Неужто Ты и вправду видел силу
В нас, в ком идею побеждает плоть.
А вечное бессмертие — могила?
Ужель всему развитию — тоска
Награда и спасение, и выход?
Не верю. Верю в правду простака
И в свет звезды. И в ритм — на вдох и выдох.
А верю в полный искренности взгляд.
И в теплый хлеб, и в золотые ставни
Рассвета, что, как много лет назад,
Всё золотыми быть не перестали.
А верю в друга, даже если он
И дрогнул в чём-то: он же не из стали.
Не верю, что живём в Конце времён.
А верю, что в самом Времён начале.

РУССКОЕ ЗЕРНО

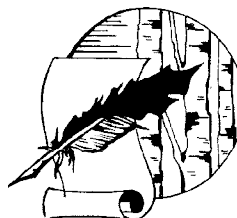
С солнышком обручено
Русского слова зерно.
Словно с душой заодно
Мне это слово дано.
Я его в руки беру.
Я им люблюсь сквозь мрак.
Мне говорят: не к добру.
Видишь, набылся враг.

Ти-ш-ш-е о нас говори...
Мой православный народ,
Кем же ты стал изнутри?
Ирод стоит у ворот.
Реки текут вперехлёст.
Люди живут вопреки.
Небо устало от звёзд.
Бабы ушли в мужики.
Светлая — светлая Русь
Встала на самом краю.
Что ж я тогда не боюсь,
Русскую песню пою?
Кем же ты стал изнутри,
Мой православный народ?!
Солнышком Слово протри
И собирайся в поход.
И возвращайся к себе.
Слишком дорога длинна.
Отдано столько косьбе.
Что не осталось зерна.
Солнышком Слово протри
И собирайся в поход.
В Слово себя собери,
Мой православный народ.

* * *

Встретились мы в поле на краю рассвета,
От родного дома за версту.
— Я ещё девчонка, — говорит Победа, —
Я ещё немного подрасту.
А враги всё так же нам готовят козни,
Только все их козни — на виду.
— Подрастай спокойно, бой пока не кончен.
Ты не бойся, я к тебе приду.

г. Сыктывкар

Светлана КУЗЬМИНА

ЗА НЕБА СИНЕВУ

* * *

Солнцем акватория залита,
Чистый небосвод над головой.
Двигают машинки деловито
Ветераны неизвестных войн.
Смерть ещё не изрыгают пушки,
Не покрыт синами висок...
То и дело яркие игрушки
Грузно зарываются в песок.
Звонкий смех ещё настолько громок,
Что услышишь под водой и над...
Не раскрыты крылья похоронок
И ещё не выбран адресат.
Всё ещё легко и интересно,
Каждый из обидевших прощён...
Только ясный синий свод небесный
Знает цену этого «ещё».

* * *

Этот город заношен до дыр,
До изжёванных ржавчиной труб.
И ночами впивается в дым
Жестяными каркасами губ.
Сквозь разжатые пальцы дорог
Он причудливой струйкой песка
Стёк бы. Только препятствует смог
И твоих сновидений тоска.

* * *

В Подмоскowie весна. Вопреки мировой пандемии
В галерее природы привычная смена картин.
И плывут облака, отмеряя лазурные мили.
Никому не сумеь облака запереть в карантин.
И любить запретить никакая зараза не в силе.
(Всё на свете любовью излечится наверняка).
В Подмоскowie весна. И по небу Великой России
Отмеряя лазурные мили плывут облака.

* * *

Я не умею воевать.
По сути, это не проблема.
Как всех, меня оплатет Мать
Под свет звезды из Вифлеема.
Я быть бесстрашной научусь.
На первый взгляд не сложно это.
В урочный час зажгут свечу
За воина, а не поэта.
И только в этот миг слова,
Что вы сейчас упорно ждёте,
По крови сделав круг сперва,
Столкнутся с пулей на излёте,
Но будут правдой в этот миг,
Той самой, истинной и сущей...
И станет песней птичий крик.
И станет Бога слышно лучше.

* * *

Сегодня листья форточке шуршат
Про двор, грозой прострелянный навывлет,
Что снова неба треснувший ушат
На лысые макушки кровель вылит,
А ветки в заусенцах чёрных птиц
Совсем безвольно вдоль стволов повисли,
И что мои полуночные мысли
Ни смысла не имеют, ни границ.

* * *

Вчера часы остановились
Внезапно — тик... и тишина.
А Вы у клёна ждали. Или
Я не была приглашена?

И птица в спальню не влетала,
И это вовсе был не знак?
Как вкопанное, время встало
Со вставшим в горле комом — так...
Закат с окна снимает мерки
В повисшей в комнате пыли.
И вечность оперлась на стрелки,
Как инвалид на костыли.

* * *

18 февраля Вселенская родительская суббота

Я знаю, мама, ты меня ждала,
Чтоб хоть на миг душою прислониться.
Присев стыдливо на углу стола,
Всё всматриваясь, всматриваясь в лица.
А я не шла. И на чужом пиру
Ты голову втянуть пыталась в плечи.
Чужие свечи гасли на ветру,
И за спиной гремел ключами вечер.
А я не шла. Не шла. В который раз...
Ты оправдать пыталась перед Богом
Меня — что помню, но... дела... дорога...
Лишь слезы тихо капали из глаз.
А я не шла. Не шла. В который раз.

* * *

Сползается к моей Отчизне мгла,
И треснула последняя печать.
Но каждый ставит во главу угла
Сейчас одно: «Идти и защищать!»
И, многое оставив на потом,
Предательством считая «не хочу»,
За мать и сына, каждый двор и дом, —
Защитники встают плечом к плечу.
За неба синеву и тишину,
И чтобы каждый жить свободно мог,
Они идут **заканчивать** войну.
И Правда с ними. Значит, с ними Бог.

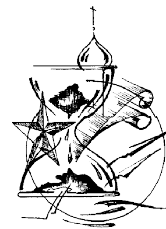
г. Хотьково Московской обл.

СТАЛИН. БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

100 лет назад, 31 декабря 1925 г., закончил работу XIV съезд РКП(б)— «съезд индустриализации» (на нем партия была переименована в ВКП(б)). Принятые на съезде решения положили начало превращению России в мощную промышленную державу и, по сути, утвердили идею построения социализма в одной отдельно взятой стране. Мировая революция отходила на второй план.

Не менее известен этот съезд и острой политической дискуссией, которую инициировала «Новая оппозиция», возглавляемая руководителем Ленинградской парторганизации, председателем Исполкома Коминтерна (Коммунистического интернационала), членом Политбюро ЦК Г.Е. Зиновьевым (Радомысльским), с участием председателя Моссовета, члена Политбюро Л.Б. Каменева (Розенфельда), наркома финансов, кандидата в члены Политбюро Г.Я. Сокольникова (Бриллианта), вдовы В.И. Ленина (Ульянова) Н.К. Крупской и ряда других видных большевиков с дореволюционным стажем.

Страна в это время жила в условиях «Новой экономической политики» (НЭП), при-

УРОКИ ИСТОРИИ

нятой в 1921 г. и насыщенной идеологическими противоречиями. С одной стороны, существовала мелкая частная собственность и процветала частная торговля, а крупные государственные предприятия в значительной мере работали на основе капиталистических принципов, с другой — никто не отменял «единственно верного учения» (марксизма), с третьей — одна за другой потерпели поражения революции в Германии (1918), Венгрии (1919), вновь в Германии (1923), а вместе с поражениями таяли и надежды на мировую революцию. В ней абсолютно все большевистские руководители рассматривали Россию как поставщика пушечного мяса для революционных боёв в Европе (вспомним поход на Варшаву в 1920 г.), а затем — поставщика сырья для европейских стран с победившей «советской властью». Да и к революции в России они относились лишь как к первому этапу *мировой революции* («русский пролетариат — передовой отряд мирового пролетариата»), и без революций в передовых странах Запада построить социализм в России считали невозможным.

В конце 1924 г. генеральный секретарь ЦК РКП(б) И.В. Сталин, потеряв надежды на мировую революцию, впервые высказал мысль о возможности построения социализма в отдельно взятой стране (правда, с рядом существенных оговорок, а теоретически обосновал эту мысль член Политбюро Н.И. Бухарин, уже без оговорок), хотя еще в апреле того же года писал: *«Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, условий одной страны, особенно такой крестьянской, как Россия, уже недостаточно, для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран».*

Взгляды «Новой оппозиции» ещё до съезда были изложены Зиновьевым в опубликованных работах «Ленинизм. Введение в философию ленинизма» и «Философия эпохи». В них он подверг критике идею о возможности построения социализма в отдельно взятой стране, да ещё в такой экономически отсталой, как Россия (т.е. повторил то, что недавно говорил Сталин), пророчествуя при этом, что такая попытка приведёт к перерождению диктатуры пролетариата во власть бюрократии. Он считал, что строить социализм, конечно, можно, но без революций в Европе построить нельзя. Впрочем, из стенограммы съезда трудно понять, какое содержание в слово «социализм» вкладывали Сталин и Зиновьев. Возможно, совершенно разное, и тот социализм, который собирался строить Сталин, Зиновьев социализмом не считал.

С точки зрения химически чистого марксизма Зиновьев был, наверно, прав, ибо коммунизм, согласно «Манифесту комму-

нистической партии», — это всеобщая казарма, где нет денег, где все получают продукты и товары первой необходимости поровну, у всех всё общее, в том числе общие дети и жёны, а социализм есть переходный этап к коммунизму. В 1918 году большевики начали, было, активно строить такой коммунизм, но потерпели поражение. С одной стороны они получили восстания тамбовских крестьян и кронштадтских матросов, а с другой — разруху в экономике, ибо у «классиков» ни слова не было сказано о том, как управлять национализированной промышленностью. Сами же большевики, как и все революционеры, были разрушителями, а не созидателями, и разруха в стране была вызвана, прежде всего, «разрухой в головах», по выражению булгаковского профессора Преображенского.

Еще труднее понять, почему Зиновьев противопоставлял диктатуру пролетариата власти бюрократии, поскольку никакой диктатуры пролетариата в России никогда не было. Это была ловкая подмена понятий, сделанная Марксом, — «диктатурой пролетариата» маскировалась диктатура партийной верхушки (той же бюрократии). Надо полагать, что Зиновьев об этом догадывался. Аналогичную подмену понятий осуществили и сами большевистские вожди, назвав свою власть советской, заведомо зная, что это — декоративное прикрытие: в руководство советами они будут назначать своих людей и давать им директивы для исполнения.

Зиновьев утверждал, что в деревне недопустимо усиливается капиталистический элемент, и партия недооценивает «кулацкую» опасность. Он предлагал свернуть НЭП, проводить индустриализацию за счет «кулака» (что Сталин впоследствии и стал осуществлять) и вернуться к политике «военного коммунизма». По существу, Зиновьев выразил большинство взглядов своего недавнего врага Л.Д. Троцкого, против которого он провёл успешную борьбу в 1923—1924 гг. во главе «триумvirата» (Зиновьев—Каменев—Сталин).

Все эти идеи были озвучены на съезде, и огонь критики зиновьевцы обрушили на «кулацкого» идеолога, лидера «правых» Н.И. Бухарина. Однако Бухарин был отвлекающей мишенью, главной — был возглавляемый Сталиным секретариат ЦК, который обвиняли в преследовании инакомыслящих коммунистов, в ликвидации свободных дискуссий в печатных органах, в отсутствии выборности партруководителей на местах, в том, что не Политбюро и не ЦК, а секретариат фактически определяет политику партии. Подавляющее большинство обвинений было обоснованным, и вполне естественно, что «гвоздём программы» стало предложение Каменева о смещении Сталина с поста генсека.

Почему же недавние союзники Сталина в победоносной борьбе с другим членом политбюро Троцким, стали его противниками? Ведь ещё год-два назад они обвиняли Троцкого, по сути, в том же, что отстаивали сейчас сами, а всего 8 месяцев назад, на 14-й партконференции в апреле 1925 г., они не возражали ни против идеи построения социализма в отдельно взятой стране, ни против большого снижения налогов на «кулака», ни даже против наёмного труда в деревне. Причина в том, что идеологические споры были лишь прикрытием борьбы за власть.

Зиновьев многие годы был ближайшим соратником Ленина, искренне считал себя его преемником в качестве «вождя мирового пролетариата» (оба они, кстати, как и Троцкий, предпочитали заниматься революцией в России, живя в какой-нибудь тихой европейской стране), а с 1919 года возглавил Коминтерн (III интернационал). На XII-м (когда Ленин болел) и XIII-м (после смерти Ленина) съездах он даже выступал с политическими отчётами ЦК — как лидер партии. Своим главным конкурентом в борьбе за пост вождя он считал Троцкого, а вовсе не Сталина, к которому, как и Троцкий, относился как к «аппаратной посредственности».

Оратором Зиновьев был первоклассным, в марксизме разбирался хорошо, но на этом его достоинства и заканчивались. Будучи руководителем огромного Северо-Западного края, он не любил и не умел делать текущую административную и хозяйственную работу, имел откровенно барские замашки, «в периоды опасности превращался в дезориентированного, панического, но необычайно кровожадного труса. В периоды же спокойного властвования <...> Зиновьев с большим удовольствием предавался всем земным радостям».

«Кровожадный трус» — не преувеличение. Он был организатором «красного террора» в Петрограде против интеллигенции и дворянства, сторонником полного уничтожения «эксплуататорских классов». Его жертвами стали тысячи невинных людей. Среди интеллигенции он получил прозвище «Гришка Третий» (после Гр. Отрепьева и Гр. Распутина). Особенно свирепствовал он в минуты опасности — при наступлении Юденича на Петроград.

Не удивительно, что при столь сильно завышенной самооценке он лишь в 1925 году обнаружил, что у Сталина, которого по его же предложению в апреле 1922 г. избрали на должность генерального секретаря ЦК (сама должность была введена тоже по его предложению) и который неторопливо, но целенаправленно расставлял своих сторонников в аппарате ЦК и на местах («Кад-

ры решают всё!»), оказалось больше реальной власти, чем у него, «вождя мировой революции». Финал съезда был предсказуем — «новая оппозиция» потерпела сокрушительно поражение: Сталина поддержали 588 делегатов, Зиновьева и Каменева — 65. При этом Троцкий в дискуссию не вмешивался и, видимо, не без злорадства наблюдал за избитием двух своих недавних врагов.

Вскоре после съезда Каменева из членов Политбюро понизили в кандидаты, Зиновьева в Политбюро оставили, но убрали из Ленинграда и из Коминтерна. Конечно, в этой борьбе за власть Сталин победил, прежде всего, потому, что заблаговременно расставил своих людей и, тем самым, обеспечил себе большинство голосов на съезде, но не только это. Он умел работать, умел кропотливо заниматься текущими партийно-хозяйственными делами, вникая во многие мелочи, а не только ораторствовать, чем приобрёл определенный авторитет среди партийных работников аппарата ЦК и губкомов.

«Новая оппозиция», однако, была не первой и не последней группировкой в ЦК РКП(б), боровшейся за власть в государстве. Первую возглавлял председатель ВЦИК (аналог президента) Я.М. Свердлов, человек огромной энергии, неумного властолюбия, небывалой жестокости и патологической русофобии (впрочем, этой психической болезнью страдало большинство руководителей РКП(б), начиная с Ленина). Он стремительно подгрёбал под себя функции государственного (Совнарком) и политического (ЦК партии) руководства, тщательно расставлял своих людей в органах власти. Существует достаточно много доказательств того, что именно он организовал покушение на Ленина в 1918 г., однако захватить власть не успел, т.к. умер в марте 1919 году (по одной версии от «испанки», по другой — от побоев, нанесенными рабочими во время митинга в Орле, по третьей — был отравлен).

Следующей попыткой захвата власти была «дискуссия о профсоюзах», развязанная в 1920 г. Троцким, самым авторитетным, после Ленина, руководителем партии и государства, фактическим руководителем Октябрьского переворота, организатором и руководителем Красной Армии (председателем Реввоенсовета), одержавшей победу в Гражданской войне. Суть предложения Троцкого состояла в необходимости «милитаризации» профсоюзов, т.е. в создании Трудовой армии, входящей в состав Красной Армии. Будучи поборником «военного коммунизма» и вообще военно-административных методов руководства, он и ранее призывал: «...отбросить старую буржуазную аксиому о том, что принудительный труд непроизводителен. Мы говорим — это неправда».

Аргументы у него были убедительными (будучи превосходным оратором и публицистом, он всегда четко аргументировал свою позицию). Во-первых, Гражданская война окончилась, армию нужно сокращать, а что делать с демобилизованными красноармейцами? Во-вторых, страну нужно вытаскивать из разрухи и сделать это можно только мобилизовав все трудоспособное население, но мобилизовав не туманными идеологическими, а конкретными военными методами. Такой подход он уже успешно опробовал при налаживании работы железнодорожного транспорта. В-третьих, изначальная роль профсоюзов — защищать интересы рабочих, но от кого защищать, если, по определению, их защищает само «государство рабочих и крестьян», ради этого и совершалась Октябрьская революция. Следовательно, задачей профсоюзов становится защита интересов государства. Свой идеи он изложил в брошюре «Роль и задачи профсоюзов».

Ленин сразу понял, что Троцкий стремится сосредоточить в своих руках практически всю власть в стране — и военную, и хозяйственную, и организовал контрнаступление, отведя профсоюзам место «школы управления, школы хозяйничания, школы коммунизма». Однако получил он поддержку только десяти, т.е. менее половины членов ЦК (Зиновьев, Каменев, Сталин, Калинин, Томский и др.). Несколько лет спустя неизвестный автор (предположительно Бухарин) писал из Москвы эмигранту И. Британу: «...пресловутая дискуссия о профсоюзах угрожала и расколом партии, и заменой Ленина Троцким (в этом была сущность дискуссии, скрытая от непосвященных тряпьем теоретического спора)».

Дискуссия завершилась для Троцкого безрезультатно. В дни работы X съезда партии (март 1921 г.), который должен был расставить точки над i, Троцкого направили на подавление Кронштадтского восстания (спровоцированного, как считают некоторые историки, Зиновьевым и приуроченного к съезду). Ленин времени зря не терял, и его «платформа десяти» получила поддержку 336-ти, а предложения Троцкого только 52-х делегатов съезда. Возможно, и сам Троцкий прекратил борьбу, понимая, что расколотой партией, а значит, и государством он управлять не сможет.

После съезда Ленин дважды предлагал Троцкому (потом предлагало и Политбюро) стать заместителем председателя Совнаркома, но тот высокомерно отказывался — ему нужна была не часть власти, а вся власть.

С конца 1921 года началось ухудшение здоровья Ленина, в мае 1922 г. у него случился первый инсульт, в декабре — второй, в марте 1923-го — третий, после которого он стал неработоспособным. Болезнь вождя послужила толчком к новому раунду борьбы, теперь уже не против Ленина, а за «ленинское наследство». Главными «наследниками» считали себя Троцкий и Зиновьев.

Но если Троцкий полагал, что в силу своих исключительных заслуг и огромного авторитета место за ним «забронировано» автоматически, то Зиновьев, не полагаясь на собственное величие, решил подстраховаться и для борьбы с Троцким сплотил вокруг себя Каменева и Сталина. Так создавался «триумvirат», ведущую роль в котором играл Зиновьев. Если Сталин еще с 1918 года, со времен «Царицынской обороны», относился к Троцкому враждебно, то Каменев (еврей по отцу, русский по матери), с его мягким характером, был просто ведомым. Бажанов, бывший секретарь Сталина, писал о нем: «Сам по себе он не властолюбивый, добродушный и довольно «буржуазного» склада человек. Правда, он старый большевик, но не трус... Человек он умный, образованный, с талантами хорошего государственного работника... В области интриг, хитрости и цепкости Каменев совсем слаб».

С 1923 года «триумvirат» начал активно действовать. Отчетный доклад ЦК на XII съезде (апрель 1923 г.) впервые после Ленина делал Зиновьев. Как и раньше, в речах, выступлениях и выкриках из зала звучали панегирики в адрес Ленина и Троцкого, однако впервые зазвучала и фраза: «Наши железные вожди Каменев — Зиновьев — Сталин». Осенью был сделан первый подкоп под Троцкого: созданная «триумвирами» комиссия «обнаружила», что Красная Армия «развалена», а сам Троцкий «не уделяет достаточного внимания деятельности Реввоенсовета» (РВС).

8 октября Троцкий направил в ЦК и ЦКК (Центральную контрольную комиссию) РКП(б) письмо, в котором впервые указал на необходимость планирования и концентрации тяжелой промышленности (через несколько лет Сталин начал осуществлять эти очень разумные идеи), а заодно и на узурпацию Политбюро решения хозяйственных вопросов, что, по его мнению, явилось результатом зажима внутрипартийной демократии и привело к острому кризису в экономике. Через неделю в Политбюро поступило закрытое письмо, подписанное 46-ю видными большевиками («Письмо 46-ти»), в котором повторялись мысли Троцкого о зажиме партийной демократии (о демократических свободах для народа речь, понятно, не шла), а потом и сам Троцкий выступил в «Правде» со статьями под общим на-

званием «Новый курс», где подверг резкой критике бюрократизацию партии.

Так возникло новое оппозиционное течение, названное «Левой оппозицией». Борьба за власть перешла в открытую фазу. Вначале были заменены поставленные Троцким командующие военными округами, затем — некоторые члены РВС (бывший заместитель Троцкого Э. Складанский загадочно погиб в США), а в январе 1925 г., после учиненного на пленуме ЦК и ЦКК разгрома новой статьи Троцкого «Уроки Октября», с поста председателя РВС ушел и сам Троцкий.

Ленин называл его «самым способным» членом Политбюро. Наверное, это так и было. Однако помешало ему победить в борьбе за власть непомерное самомнение, спесь и высокомерие. Его будущий главный противник — не Зиновьев, а Сталин — этими пороками не страдал. До 1925 года он вообще, как нынче говорят, старался «не высовываться» и порой даже занимал примиренческую позицию между Троцким и Зиновьевым.

А что же Зиновьев с Каменевым? Вскоре они помирились со своим заклятым единомышленником Троцким и создали «Объединённую оппозицию», но в 1927 г. и она потерпела поражение, после чего их всех исключили из партии. По этому поводу бывший член ЦК К. Радек сочинил даже два анекдота:

«Какая разница между Сталиным и Моисеем? Большая: Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин из Политбюро»; «Два еврея в Москве читают газеты. Один говорит другому: «Абрам Осипович, наркомом финансов назначен какой-то Брюханов. Как его настоящая фамилия?» Абрам Осипович отвечает: «Так это и есть его настоящая фамилия — Брюханов». «Как! — восклицает первый. Настоящая фамилия Брюханов? Так он — русский?» — «Ну да, русский». — «Ох, слушайте, — говорит первый, — эти русские — это удивительная нация: всюду они пролезут»».

Надо заметить, что «еврейская чистка» была, конечно, случайной. Просто главными противниками Сталина оказались два еврея, которых в партии поддерживали преимущественно евреи. Были бы противниками поляки, была бы другая чистка, и тоже «этническая».

В те годы ходил еще один злободневный анекдот. У вступающего в партию спрашивают, колебался ли он в отношении линии партии. Тот отвечает: «Нет, колебался вместе с линией».

Но вернемся к Зиновьеву с Каменевым. После исключения из партии они калялись и их восстанавливали, потом опять исключали и после покаяния вновь восстанавливали, в 1934 г. исключили уже окончательно, а в 1936 г. обоих расстреляли. Сталин своих противников, даже бывших и ставших безопасными, не прощал.

Троцкий — личность куда более сильная — каяться не стал. В 1929 г. его выслали из страны, но и за рубежом он продолжал бурную политическую деятельность. Его главная страсть — «делать революцию». Делать в любое время и в любом месте, где только возникнет революционная ситуация, потому и Сталина он считал национал-большевиком, предателем дела революции. Харизматическая личность, Троцкий стал вождём международного коммунистического движения и создателем в 1938 году IV интернационала, леворадикального направления, т.е. оппозиционного курсу ВКП(б) и подрывавшему влияние СССР в международном рабочем движении, за что и поплатился жизнью в 1940 г.

Была и еще одна оппозиция — «Правая» — во главе с главным редактором «Правды» Н.И. Бухариным, председателем Совнаркома А.И. Рыковым и председателем ВЦСПС (профсоюзов) М.М. Томским. Все они были членами Политбюро. Однако, будучи свидетелями поражений Троцкого и Зиновьева и учитывая их опыт, своей задачей они ставили не устранение Сталина и захват власти, а воспрепятствование сталинской политике насильственной коллективизации и разорения крестьянства (проводимой по рецептам Троцкого и Зиновьева), провидчески предупреждая о последующем голоде. В 1929 году на объединенном пленуме ЦК и ЦКК и эта оппозиция была разгромлена.

Таким образом, Сталин, победив Троцкого руками Зиновьева, Зиновьева — руками Бухарина, а потом избавившись и от Бухарина, стал единоличной «диктатурой пролетариата». Когда идет борьба за власть, мораль отдыхает. Сталин был, конечно, не подарком. Тем не менее, это лучшее, что могла дать России Октябрьская революция.

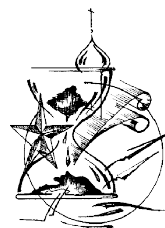
Евгений ЕВТУШЕНКО,
г. Красноярск

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА СТАЛИНА

После Февральской революции 1917 г. и разгона Временного правительства правящая элита в России радикально обновилась дважды. Сначала — после октября 1917 года, когда во власть кроме большевиков-инородцев (евреев, латышей, поляков и пр.) пришло немало простых русских мужиков от сохи и станка. В основном, в среднее и нижнее звено. Они были не очень грамотны, но очень энергичны и быстро учились.

Второе обновление произошло после 1937—1938 гг., когда была снята почти вся старая интернационал-большевистская верхушка («мировые революционеры»). На смену им пришло около 500 тысяч молодых руководителей — в большинстве русских пассионариев из низов, — которые были уже более образованны. Но самое главное, они не были оторваны от своего народа, от своей национальной почвы, в отличие от коммунистов-космополитов первой волны. Именно это важнейшее условие позволило решить те сверхзадачи, которые стояли перед страной.

Следует добавить к этим позитивным моментам и резкое сокращение числа паразитов-

УРОКИ ИСТОРИИ

субпассионариев — бомжей, тунеядцев, уголовников и др. маргиналов — которое в основном совпадает с волнами 1917—1920 гг. (Гражданская война), 1928–1932 гг. (индустриализация, коллективизация) и отчасти 1936—1938 гг. (Большая чистка). Часть этих субпассионариев была уничтожена в период Гражданской войны, другая отправилась на «стройки коммунизма» (напомним, что в 1920-х — нач. 1950-х гг. уголовники составляли большинство заключенных ГУЛАГа — от 65 до 80%; общая численность заключенных колебалась от 1,7 млн. чел. в 1940 г. до 2,5 млн. в 1950 г.).

Таким образом, с точки зрения этногенеза коммунисты-сталинцы произвели в стране ту самую социальную перестройку, которая «не поспевала за резким спадом пассионарности» в фазе надлома (т.е. за нарастающей с XIX века внутриэтнической конфронтацией и размножением субпассионариев при старых социальных формах). Они не пытались перескочить в другую фазу этногенеза, в буржуазную цивилизацию европейского типа. Они не пытались, как троцкисты, вообще выскочить из этногенеза и устроить мировой погром. Советские руководители просто спасали страну в конкретно-исторических условиях, то есть — в экстремальных условиях русского надлома, ужесточенного глобализацией («мировым империализмом»). В практическом плане сталинский «Железный занавес» был опущен очень вовремя!

Конечно, были потери. И главной из них была утрата государственной религии — Православия и последовавшие за этим репрессии против священников, русских патриотов-черносотенцев и правоконсервативной интеллигенции. Но это — фаза надлома, а в надломе, увы, без потерь не бывает. Тем более, в эпоху глобализации, то есть — активизации в XX веке антисистем и смены религиозных знамен на идеологические в планетарном масштабе!

Для нашей темы главное, что в фазе надлома всегда происходит насилие над этнической традицией и главенствующей религией. Яркие примеры — кровавая протестантская Реформация в Европе и Иконоборчество с жестокими гонениями на монашество и традиционное священство в Византии. Повторим, что в подобные «надломные» эпохи хорошо не бывает. Бывает плохо или очень плохо. Поэтому предъявлять к людям, действующим в эту кризисную эпоху, завышенные, идеальные требования, как это делают сегодня некоторые «правые эксперты», значит не понимать законов истории. (Что, разумеется, не исключает моральной оценки тех безобразий, которые творились в катастрофичном XX веке.)

Если же говорить о сталинском «тоталитаризме», то в экстремальных условиях этнического раскола (драка между своими) и вмешательством глобальных и местных антисистем (агрессия чужих) сильная единоличная власть — есть необходимое условие выживания нации. Именно деспотическая власть вождя-хозяина! Это аксиома.

Если применить к проблеме метод этногенеза, то мы обнаружим следующую закономерность. Оказывается, настоящие русские... любят «деспотизм». То есть любят и уважают — сильную единоличную власть! Конечно, при условии, что она национальна. А химерные русские (плоды контактов с некомплементарными суперэтнотами и собственные вырожденцы) не любят сильную власть и больше любят «свободу», даже если при этом они «патриоты» и «православные». Почему? Потому что по причине своего химерного происхождения, т.е. плавающей идентичности и, следовательно, мировоззренческой какофонии в головах, они более склонны к диссидентству, т.е. к разрушению традиции или ее искажению. Что нормальная власть всегда жестоко пресекает.

Поэтому причина нашей национальной любви к «сильной руке» не в «исконном рабстве русских», а в неприятии диссидентства и социального эгоизма со стороны чужаков химерного и антисистемного типов, которых всегда было много среди русской интеллигенции и «элитариев». И, во-вторых, — в традиционном неприятии русскими «боярского самоуправства», т.е. зажавшейся политической элиты, которую сильный правитель обязан держать в строгости, и если надо — казнить без жалости!

Это к вопросу: кто это такие — нынешние «православные» антисоветчики и антисталинисты, а точнее — их гуру, профессиональные идеологи в рясах и пиджаках? Русские ли они?.. Православные ли?..

Среди «православных» антисоветчиков нередко встречаются люди нигилистического склада (свалить советские памятники, выкинуть 70 лет из русской истории и т.п.). Иногда такое отрицание оформляется в законченную антисистемность, например, — либерал и модернист митр. Иларион (Алфеев). Но чаще — это промежуточное состояние — еще не гностицизм, но уже не православие, например, — любитель католиков «старец» Илий. Это и есть — мировоззренческая химера.

Отсюда нелюбовь или, как минимум, пренебрежение антисоветчиков к своему народу — «они» и «мы», и своей истории — «наша» и «не наша». Подобное отношение наблюдалось у большевиков-экстремистов первой волны. (Та же химерность, кстати,

свойственна и современной РПЦЗ, осудившей «ресоветизацию» в РФ, а также другим «православным иностранцам»). Одним словом, с какой стороны ни посмотри, все они — и те, и эти — оказались чужими для России людьми...

Как это ни парадоксально, но с точки зрения метафизической именно при Сталине произошел возврат к мессианской идее спасения человечества (Красная империя «Третьего Рима» — против «мировых империалистов!»). А с точки зрения социальной — возврат к коллективистскому общинно-монархическому укладу, который хотя и стал с XIX века разрушаться, но далеко еще не исчерпал себя. Можно сказать, что в 1930—1940-х гг. марксистский, космополитический социализм стал превращаться в социализм национальный — Русский социализм.

Если же посмотреть на проблему с этнологических позиций, т.е. посмотреть в корень, то мы увидим, что в первой половине XX в. были решены две важнейшие стратегические задачи: 1) Удаление из политической системы либерально-масонской группировки (февралистов) руками большевиков в октябре 1917 г. 2) Отстранение от власти большевиков-космополитов руками большевиков-сталинцев в 1920—1930-х гг.

Это были контрудары по самым опасным на тот момент антисистемам, которые успели сложиться задолго до краха империи в Феврале 1917 года: либерально-масонская — в конце XVIII в., революционная — во второй половине XIX в. Эти антисистемы не были уничтожены полностью, но понесли очень серьезные потери, особенно либеральная.

Алгоритм борьбы «система-антисистема» такой. В начале XX века: система (самодержавная) — антисистема (прозападная, февральская) — антисистема-конкурент (революционная, октябрьская) — вновь система (сталинская, советская). А в конце XX века опять: система (позднесоветская) — антисистема (либеральная, современная)... Что сегодня? Сегодня — борьба между либеральной антисистемой и зарождающейся русской системой, в которой есть некоторые подвижки (СВО), но пока победителей не наблюдается, поскольку пятая колонна во власти и олигархате никуда не делась...

Теперь — главное. С точки зрения цивилизационной методологии при Сталине, впервые (!) после эпохи Петра и Екатерины II (интенсивной европеизации) возобладала безоговорочная установка на самостоятельное цивилизационное развитие. На свой собственный, без оглядки на Запад или кого-то еще, русский путь. И пусть тогда это называлось советским социализмом и проводилось под коммунистическим флагом. По сути, это было возвращением к потерянному Россией еще до 1917 г.

суверенитету, в первую очередь — экономическому. Имеется в виду «банкирский» проект фининтерна с XIX века (Ротшильды и К), контролировавшего российские финансы и значительную часть промышленности.

То же самое — возвращение к суверенитету под флагом социализма — происходило в XX веке в коммунистическом Китае, Сев. Корее, Индокитае, Латинской Америке и других «отсталых» странах, где социализм был не столько целью, сколько средством борьбы с гегемонией Запада!

В этом контексте сталинский социализм можно рассматривать как антиглобалистский проект (системный антикапитализм), который в XX веке взяли на вооружение высокопассионарные «развивающиеся страны» и который стал началом конца первого, «банкирского» проекта глобализации! Именно сталинский СССР задержал эту inferнальную глобализацию (наступление «мирового империализма») на 60 лет, вплоть до 1980-х годов.

Примечание о глобалистах. Столкнувшись в XXI веке с сопротивлением «развивающихся стран», этот первый проект глобализации на наших глазах уже начал сыпаться («британцы» и «евроатлантисты» с их неудавшейся «Перезагрузкой» и «Инклюзивным капитализмом»), правда, пока только на мировом, а не страновом уровне. Это к вопросу: почему ультра-глобалисты так ненавидят Сталина и Россию и готовы воевать с ней не только до последнего украинца, но и до последнего европейца!..

Итак, надо признать: сталинская командно-мобилизационная система, при всех ее недостатках и перегибах, была самой подходящей системой для выживания в условиях враждебного внешнего окружения. А в этнологическом смысле — она была эффективной в условиях так до конца и не преодоленного после 1917 года этнического раскола и активизации антисистем. Когда в семье нет прочного единства — нужен строгий хозяин. Сталина так и называли в ближайшем окружении — «Хозяин». Таким образом, Сталин соответствовал эпохе.

С точки зрения метафизической Сталин свою роль в истории вполне осознавал и великого гения из себя не строил. Он говорил: «я — бич Божий!». Правильно говорил! Он всех наказал: и своих и чужих. И русских и нерусских. И даже больше чем надо... (Поэтому, повторим, делать из него новый культ не следует.)

Митрополит Вениамин (Федченков), приехав в Россию в победном 1945 г., поразился: другой народ! «Как смирились! Как смирились!»... Он уехал за границу после 1917 г. и помнил

моральное состояние «того» русского общества... За это время действительно произошло изменение мировоззрения многих людей — от буржуазно-эгоистического к смиренному: «Да будет воля Твоя, Господи!»

Вот это — самое важное, что было сделано в эпоху Сталина, который был орудием в руках Божьих! Пройдя страшные испытания 1917—1945 гг., многие люди по-настоящему смирились — и сработал духовный закон: Бог начал помогать! («Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак. 4:6)).

Вспомните советских стариков и старушек рождения начала XX века, их облик...

Если же опуститься с высоты метафизики на научную почву (этнологии), то мы увидим, что в сталинский период произошел переход от войны всех против всех (с XIX века!) — к этнической консолидации! Да, не полной, да, не окончательной, но достаточной для отражения врага! По-другому мы бы просто не смогли выиграть войну. Гитлер сломал зубы именно об этих — вновь объединенных русских людей. Сравните. В 1941 году русский солдат столкнулся с мощнейшей военной машиной, отступил, но выстоял. А в 1917 году, при меньшей опасности, тот же русский солдат бежал с германского фронта, да ещё и грабил по дороге. Почему? Ведь за 25 лет он биологически не изменился. Изменилась и политическая, и этническая система!

Что касается методов этой этнической консолидации, то Молотов совершенно справедливо говорил, что если бы не чистка 1937—1938 годов, то власовых во время войны было бы гораздо больше (его слова: «Власов — это мелочь по сравнению с тем, что могло быть!»). И дело здесь не в идейном антикоммунизме власовых, на чем настаивают современные диссиденты, а в их банальном предательстве и шкурничестве. Таких во все времена уничтожали как заклятых врагов народа! Именно в этом суть жесткой, мобилизационной системы...

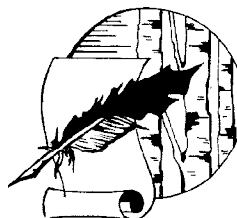
Вывод. Таким образом, при Сталине была решена главная задача — после проведенной в 1930-х индустриализации и ликвидации пятой колонны СССР смог вступить в войну как самостоятельный, субъектный игрок. В этом было основное преимущество России перед Германией, Англией и США, которые субъектами не были и с самого начала управлялись глубинным государством!

Это сталинское достижение имеет прямое отношение ко многим «непонятым» вопросам современности. Например, таким: Почему «наш» Центробанк проводит финансовую политику не в интересах России (в т.ч. по ее индустриализации), а в интере-

сах глобалистов? (Причем внаглую!) И почему в стране до сих пор не национализированы ключевые стратегические предприятия? И почему мы не бомбим пресловутые мосты-туннели-станции на Украине и никак не решимся на новую мобилизацию? И почему произошел бунт Пригожина и его последующее убийство, а затем — показательная посадка генерала Попова? И главное — почему наши уставшие войска уже три с половиной года топчутся практически на одном месте, «воюя на цыпочках»? В то время, как при Сталине за этот же срок — три с половиной года — Красная армия вошла в Европу!..

Вот вам — субъектность, и вот вам — суверенитет!..

Если же говорить об источниках Победы 1945 года, то ее главным источником стал русский народ, объединивший вокруг себя большинство народов России. «Наша пассионарность оказалась выше немецкой», — говорил Лев Гумилёв о главной причине поражения фашистской Германии. Верно! Ведь война — это постоянное нервное и физическое сверхнапряжение, работа на износ. Как на фронте, так и в тылу. Это хроническое недосыпание, порой недоедание, ночевки под открытым небом, длительные переходы, тяжелые земляные работы и много чего еще. Поэтому побеждают в затяжной войне более выносливые, то есть пассионарные люди, обладающие при этом соответствующими боевыми архетипами (кодами). Гумилёв вспоминал: «Я воевал в тех местах, где выживали только русские и татары. Войны выигрывают те народы, которые могут спать на голой земле. Русские и татары могут, а немцы — нет».

Геннадий КАРПУНИН

ВИШНЯ В ЦВЕТУ

КОЛЬКА ИЗ КАПОТНИ

Русским парням, погибшим в Афгане

Его любили — Кольку-гитариста —
Пройдоху, переростка из Капотни,
А он любил «Битлов» и лез в артисты,
Устраивал концерты в подворотнях.

Шпана — он блефовал на грани фола,
Не шестерил у фраеров и урок;
И если драка где — сбежит из школы,
На нож пойдёт... А что ему — придурок.

Но обошла его тюрьма и зона —
Спасла повестка из военкомата.
Шутил дружок: «Не вышло фармазона,
Теперь пойдёт под дуло автомата».

А Кольке наплевать на афоризмы,
Была б гитара, сигареты, спички,
Весёлые черкал родне он письма,
Хоть и служил у чёрта на куличках.

А как служил? — Наверное, неплохо.
По слухам, вроде бы крутил баранку.
А что паясничал под скомороха,
Так то — по-дуности, то — на гражданке.

Но прав был друг: в районе Кандагара,
Где ветры заметают раны сопок,
Взорвались струны Колькиной гитары
Посылкой оцинкованного гроба.

И хоронила Кольку вся Капотня.
Ну а когда из дома выносили,
То каждый пёс скулил из подворотни,
Как будто бы оплакивал Россию.

В ОПТИНУ ПУСТЫНЬ

В.Н. Крупину

За окном вновь дорога, селение,
Необъятная синяя ширь,
Где-то там, за холмом, в отдалении
Затерялся седой монастырь.

А на поле, где клевером пенится,
Где так розово и бело,
Бугафорская птица-мельница
Уронила своё крыло.

И берёзы — как есть артистки —
Хороводят почти наяву...
Это всё мне и больно, и близко,
То, что родиной я зову;

Чем живу, восторгаюсь и мучаюсь
И за что умереть готов.
Здесь любая избёнка дремучая
Мне дороже, чем свет городов.

Я не знаю, быть может, вы видели
Уголок, где царит благодать,
Не скорбели бы местные жители,
Не рыдала бы чья-то мать?

Но сегодня такое небо —
Ах, такое! — что через край...
Если есть та страна, где я не был,
А в стране той — заветный рай,

Что ж, пусть кто-то,
с молитвой пред Богом,
Бросит якорь на том берегу,
Только я и за смертным порогом
Без России никак не смогу.

РУССКОМУ СОЛДАТУ

Его не знали, не признавали,
Ведь он «блатные» лишь брал аккорды,
В подъезде или полуподвале
Себе под водку срывал аорту.

А пел он неровно, не по канонам,
Когда продавали в стране по талонам,
Когда раздавали прохвостам награды, —
Ему подворотня служила эстрадой.

Он пел о море, ночном Марселе,
О Сан-Франциско, ковбое Гарри,
И что-то было, до дрожи в теле,
В его дворовом репертуаре.

Но падало сердце под рёбрами в пропасть,
Когда подавлял он смертельную робость,
Когда под обстрелом — не дюжий, не рослый —
Он шёл по приказу в Аргун или Грозный.

Так было. Время меняло краски.
Шли в бой бемоли и шли дизезы.
Он в инвалидной теперь коляске.
Под ритм гитары скрипят протезы.

Он жил неровно, не по канонам,
А кто-то бегал по модным салонам,
И генералы делили квартиры,
И — предавали свои же кумиры.

* * *

У меня осталась та Россия,
С ветхою дорогой до погоста,
Где весной, чужбину пересилив,
Птицы выют поближе к Богу гнёзда.

Здесь могилы тех, кто мне так дорог.
И моё здесь, видно, будет место.
Сонно у венчального чертога
Ходит в белом саване невеста.

Ни мертва и ни жива обличьем.
Ходит, бряцая косой незвонко.

То вздохнёт невинностью девичьей,
То заплачет голосом ребёнка.

То монашенкой оборотится,
Льстя молитвою заупокойной...
Помоги, Небесная Царица,
Путь земной мне завершить достойно.

Русь моя, я без тебя как нищий,
С милостыней, падший у забора,
Потому держу за голенищем
Острый нож для разношерстной своры;

Потому в глуши твоей убогой
От могил испытываю дрожь я.
Не иду проторенной дорогой,
А иду своей — по бездорожью.

* * *

Вот и снова на срыве,
Вот и снова тупик...
Всё, как в том объективе, —
Мир то мал, то велик.

Вдруг смешаются даты —
То живёшь ты давно,
То родился вчера ты...
То тебе всё равно,

Что остынет планета
И опустится тьма,
Холодней станет лето
И теплее зима.

То простая услуга
Или друга рука
Вдруг покажутся мукой
И уловкой врага.

Мир настолько неясен
И настолько далёк,
Что пойдёшь восвояси —
Свой искать уголок.

ВИШНЯ В ЦВЕТУ

Что за ночь!.. Эту ночь ты хоть как назови,
Всё равно — хоть соблазном, обманом...
Щебетали своё соловьи,
Полоща горло холодным туманом.

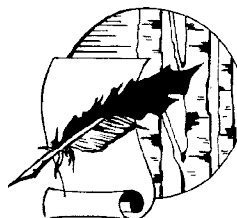
Ветки вишен, купаясь в цветочном дыму,
Собирали росу по крупичкам,
И уже никогда не пойму — почему? —
Мне захочется снова влюбиться.

Снова стать молодым. Но не выгоды для
И не славы, которой хватало...
Ощутить, как дышала когда-то земля,
Полной грудью со мною дышала.

Чтоб душа нараспашку, как вишня в цвету,
Соловьём майской ночью звенела...
О, тогда я не видел её наготу —
Видел только лишь бренное тело.

Видел то, что давно бы хотелось забыть,
Что вовеки теперь не приемлю...
В эту ночь почему-то так хочется жить...
Просто жить. И любить эту землю.

г. Подольск Московской обл.

Николай ПИДЛАСКО

МОЛЧАНЬЕ ТИШИНЫ

* * *

Я помню старика-соседа.
Его изранила война.
Он на крылечке в День Победы
Литровку выпивал вина.

И не пьянел. Шульженко слушал.
Пиджак — в сиянье орденов.
Всё песню напевал «Катюша»,
Погибших поминал сынов.

Жена, не зная утешенья,
В платок рыдала у стены.
И пело радио в селенье
«Хотят ли русские войны?..»

ИЖОРСКИЙ БАТАЛЬОН

Блокадный сорок первый год,
Глухая темень страшной ночи.
На рубежи огня идёт
За взводом новый взвод рабочих.

Одеты в ватники, в плащи,
При них винтовки и лопаты,
Идут, спешат сквозь камыши,
Минуя топь и водоскаты.

Им за Ижорой фронт держать,
Держать дороги и низины.
Они врага погонят вспять,
Нет места иродам в России.

В полях — стальных ежей заслон,
Бетонных надолбов армада.
Стоит Ижорский батальон
У стен святыни — Ленинграда.

Блокадный сорок первый год,
Глухая темень страшной ночи.
На рубежи огня идёт
За взводом новый взвод рабочих.

Висит шинель на частоколе,
Над степью утренней — луна.
Муж-фронтовик хлопочет в поле,
В землянке — хлеб печёт жена.

В степи разруха, горе, лихо.
В душе — боёв дымит зола.
И где-то льётся тихо-тихо:
«Я всю войну тебя ждала».

МОЛЧАНЬЕ ТИШИНЫ

По берегам крутым Ижоры
Стоят, как будто бы в дозоре,
Хранят молчанье тишины
С поры блокадных дней войны
Ежи стальные, пушки, доты —
Родные стерегут высоты:
Погосты, братские могилы.
И в них — исток духовной силы.
Цеха старинные завода,
Где от восхода до восхода
В три смены трудится народ...
Здесь помнят сорок первый год,
Ижорский помнят батальон.
В полях — окопов бастион.

ДУХ ЭЛЬБЫ

Гремят салюта всюду стрельбы —
Победный сорок пятый год.

ПОМИНАЛЬНОЕ

Вы, собратья, простите меня,
Что я пулей в бою не сражён,
Что в степи вас теперь хороня,
Вижу ваших рыдающих жён.

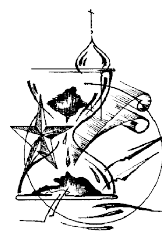
Вас, родимых, оплачут они,
В храмах свечи поставят святым.
Было так на Руси искони:
Дело павших — продолжить живым!

Не хочу говорить про войну.
Но любовь — это мира броня...
По традиции всех помяну.
Что я жив, вы простите меня...

г. Колпино Ленинградской обл.

УКРАДЕННАЯ ПОБЕДА

К 80-летию Великой Победы Российская Академия Наук выпустила солидный том, посвященный участию народов СССР в Великой Отечественной Войне под названием «Народы Советского Союза и Великая Победа. 1941—1945» под редакцией научного руководителя Института всеобщей истории РАН академика А.О. Чубарьяна. Казалось бы, можно было ожидать, что основное внимание будет уделено беспримерному в мировой истории ратному подвигу русского народа с добавлением беглого обзора вклада других народов соответственно их реальной роли в достижении Победы. На деле все вышло с точностью до наоборот. В шестисотстраничной книге русский народ является фигурой умолчания. Русский народ является единственным народом, не удостоившимся в издании отдельного раздела. При этом отдельных разделов удостоились азербайджанцы, армяне, грузины, казахи, киргизы, таджики, туркмены, узбеки. Есть разделы, посвященные отдельно украинцам и белорусам, хотя они на тот момент, за исключением малочисленной прослойки националистически настроенных интеллектуалов, идейно и культурно всё еще были

РУССКИЙ ВОПРОС

частями триединого русского народа. Количество страниц, посвященных этим народам, варьируется, но в общем составляет от 30 до 60 страниц (от 32 страниц для грузин до 63 для казахов). Название двух разделов не несет ценностно нейтрального географического характера, а явно нацелено на выделение особых заслуг отдельных народов. Это главы «Героизм туркменистанцев» и «Вклад узбекского народа». Вкладу народов РСФСР в Победу посвящена отдельная глава, содержащая 31 страницу. В ней русский народ так же не упоминается. Авторы пишут: «Многонациональное население РСФСР... приняло активное участие в борьбе с фашизмом на всех фронтах ВОВ... Важное участие в вооруженной борьбе с войсками вермахта и его союзников *сыграли* (так в академическом тексте. — М.К.) и народы, населяющие РСФСР. Среди наиболее многочисленных следует назвать татар, башкир, евреев, чувашей, удмуртов, мордвин, марийцев, карел и многих других».

Упоминание о русском народе содержится только в первой историографической главе «Участие народов СССР во Второй мировой и Великой Отечественной войнах: современный взгляд». В этой главе русскому народу, вместе с белорусами и украинцами, посвящено 2 (!) страницы, которые содержат информативную таблицу процентной доли восточных славян в Красной армии военных лет и важную констатацию: «Прежде всего нагрузка усилилась на русское население. За два с половиной года прирост численности русских в рядах Красной армии составил 398,5%». Если бы не таблица и вышеприведенная цитата, упоминаний о русском народе в монографии **вообще не содержалось бы**.

Осмелимся предположить, что данные вставки, идущие вразрез с основной идеей книги, были сделаны объективным историком А.Ю. Безугольным, выступившим соредактором издания. За это предположение говорит очевидное текстуальное совпадение с предыдущими его монографиями. Здесь А.О. Чубарьян либо плохо выполнил свою роль идеологического цензора, либо, опасаясь скандала и обвинений в русофобии, сознательно допустил присутствие важной информации в расчете на то, что в шестисотстраничном тексте на две страницы вводной главы никто не обратит должного внимания. В любом случае, приведенная таблица полностью опровергает идейную суть монографии. Основная же ее идея заключается в том, что Великую Войну выиграли «многонационалы» без участия русского народа. Практически полное отсутствие упоминаний о русском народе призвано доказать, что Победу ковали народы союзных республик и коренные

нерусские народы РСФСР. Сам А.О. Чубарьян в программном интервью официозной «Российской газете» от 25 марта 2025 года прямо заявляет, что историки стран СНГ отмечают «сплочение народов как важнейшее условие для Победы». **То есть историки стран СНГ навязали российской исторической науке взгляд, согласно которому Победу одержали сплоченные «многонационалы» без участия русского народа.** Такая интерпретация может показаться, на первый взгляд, натянутой, однако она совершенно оправдана. Достаточно сравнить тезис А.О. Чубарьяна с правдой русского исторического самосознания. Устраивающая здоровое русское национальное самосознание трактовка выглядит так: Победу одержал русский народ, сплотившийся внутри себя (единство великороссов, малороссов и белорусов) и объединивший в противостоянии гитлеровской агрессии другие народы СССР, роль которых была исключительно подсобной, но никак не определяющей.

Указанная таблица монографии свидетельствует об истинности восприятия Победы именно в здоровом русском историческом самосознании, а не в пустой лозунговщине представителей официозной исторической науки. По всесоюзной переписи населения на 17.01.1939 года триединый русский народ (стыдливо именуемый в монографии «восточными славянами») составлял 77,97% населения СССР. По всем международным стандартам, СССР периода начала Великой Войны необходимо признать национальным государством русского народа с незначительными иноэтничными вкраплениями. Ни о какой «многонациональности» СССР указанного периода говорить не приходится. Поэтому не была «многонациональной» и советская армия. Процент русских военнослужащих (с учетом малороссов и белорусов) на 17.01.1939 года составлял 88,84. В годы войны он не опускался ниже 80 (от 80,98% на 01.01.1941 года до 87,42 на 01.07.1944 года). **Приходится снова повторить очевидный вывод из этих цифр, уже озвученный нами на страницах «Молодой гвардии»: Победу в Великой Войне одержал русский народ при посильном, но не носящем принципиального и решающего значения участии других народов СССР.**

Настойчивые попытки от имени российской академической науки навязать представление об особом героизме и значимости нерусских народов СССР во время Великой Войны заставляют нас обратиться к фактам, опровергающим эту мифологизированную картину. Общая фактическая сторона дела, повторим, такова: Великая Победа была достигнута массовым героизмом и жертвенностью русского народа, на фоне которых отдельное

выделение «героизмов и вкладов» нерусских народов, при игнорировании роли русского народа, выглядит просто неуместно. Даже если чисто гипотетически признать героизм нерусских народов (то есть геройство всех их представителей), все равно героизм русского народа значительно настолько, насколько он превосходил любой из нерусских народов СССР по абсолютной и процентной численности военнослужащих и в общей численности населения. Вклад любого нерусского народа в Победу может исследоваться в исторической науке только в контексте его незначительности и малосущественности по сравнению с вкладом русского народа. Проще говоря, из шестисот страниц монографии героизму русского народа должно быть посвящено не менее пятисот пятидесяти страниц, остальное же должно быть разделено между другими народами пропорционально их вкладу. Попытки возвеличить «многонационалов» при умолчании о русском народе заставляют нас обращаться к фактам для «многонационалов» неприятным и неудобным. Однако такое обращение необходимо для отрезвления и излечения как русского исторического самосознания, так и исторического сознания нерусских народов, которые сами начинают слепо верить в создаваемую историками русофобскую мифологию. Используем для наших целей статью Т. Дмитриева в 14-м номере журнала «Вопросы национализма» за 2013 год, которая пока является единственным открытым ответом фальсификаторам истории в русской исторической науке.

Обратимся прежде всего к субъективному фактору, то есть к тому, как «многонациональный» элемент воспринимался русскими военнослужащими. Массовая пропаганда часто использует сюжет, согласно которому та или иная форма доблести того или иного нерусского воина служит предметом восхищения для русских солдат. Создается впечатление, что русские военнослужащие преклоняются перед боевыми и человеческими качествами представителей нерусских народов. На деле всё обстояло иначе. О боеспособности представителей кавказских и азиатских народов свидетельствует общераспространенное в среде русского младшего и среднего командного состава мнение. Это мнение иллюстрирует докладная записка руководителя группы агитаторов ГлавПУРК-КА Ставского заместителю начальника ГлавПУРККА И.В. Шишкину о результатах поездки на Закавказский фронт от декабря 1942 года: *«Даже среди руководящего командно-политического состава довольно свободно и безнаказанно гуляет «теория», что якобы кадры нерусской национальности не умеют и не хотят воевать. Пренебрежительно-*

насмешливые клички по отношению к народностям Кавказа имеют широкое хождение («Сыны Кавказа», «братья славяне» (здесь мы видим предельную форму иронии. — М.К.), «кучерявенькие», «черненькие» и т.д.). Даже среди ряда несомненно авторитетных руководящих работников армий неправильные разговоры на данную тему не только не находят должного отпора, но и снисходительно поощряются. Нам приходилось, к примеру, слушать такую постановку вопроса. Скажем, при неудаче той или иной военной операции — «Эх, если бы не эти сыны Кавказа», при разборе фактов перехода на сторону врага — «Ну конечно, это опять кучерявенькие», при получении нового пополнения — «Ни за что не возьму никого, кроме русских, украинцев и белорусов», при общих разговорах на эту тему — «Во-евать они не умеют и не хотят, говорят, что русского языка не знают. И есть у них 2 русских слова, которые только от них и слышишь: «Я — балной» или «Курсак (живот) болит». Сплошное охаивание качеств и преданности Родине целых народов (азербайджанцев, армян, грузин, узбеков и т.д.) проникает и в среду бойцов. Отношение к бойцам нерусской национальности, особенно не знающим русского языка, подчас бывает недопустимо высокомерным, грубым, способным только озлобить и оттолкнуть».

То, что тыловым пропагандистам видится ошибочным и безосновательным предубеждением, для русских командных кадров и рядовых бойцов было аксиомой, неоднократно проверенной в боевых условиях. Отсюда и соответствующее отношение к представителям национальных меньшинств, которые не виделись русскому солдату надежными боевыми товарищами. О том же пишет в своих воспоминаниях известный советский поэт Б.А. Слуцкий, бывший в 1942—1943 годах инструктором, а затем — старшим инструктором политотдела 57-й дивизии. Его основная задача — обличение возрождающегося в годы войны русского национализма. При этом описание реалий, приведших к его развитию и утверждению, вполне объективно: «Военное смешение языков привело, прежде всего, к тому, что народы... перезнакомились. Не всегда они улучшали мнение друг о друге после этого знакомства. Оглядевшись и прислушавшись, русский крестьянин установил бесспорный факт: он воюет больше всех, лучше всех, вернее всех... Уже к концу первого года войны военкоматы выволокли на передовую наиболее дремучие элементы союзных окраин — безграмотных, не понимающих по-русски, стопроцентно внеурбанистических кочевников. Роты, состоящие из них, напоминали войско Чингиза или Тимура — косоглазое, широкоскулое и многоязычное, а

командиры рот — плантаторов и мучеников сразу, надсмотрщиков на строительстве вавилонской башни на другой день после смешения языков. Офицеры отказывались принимать нацменов. Зимой 1942 года в 108-ю дивизию подбросили пополнение — кавказских горцев. Сначала все были восхищены тем, что они укрепляли на ветке гривенник, стреляли и попадали. Так в то время не стрелял никто. Снайперов повели в окопы. На другой день случайная мина убила одного из них. Десяток земляков собрался возле его трупа. Громко молились, причитали, потом понесли — все сразу. Начались дезертирства и переходы. Провинившиеся бросались на колени перед офицерами и жалко, отвратительно для русского человека, целовали руки. Лгали. Мы все измучились с ними. Нередко реагировали рукоприкладством... Трудно было пугать прокуратурой людей, не имевших понятия об элементарной законности».

Мнение русского командного и рядового состава о боеспособности нацменов разделяли и представители высшего военного командования. Т. Дмитриев пишет: «Такого рода настроения вовсе не были исключением и не ограничивались кругом рядового, младшего и среднего командного состава... Прибыв на Крымский фронт 20 января 1942 г. в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования, заместитель наркома обороны СССР, начальник Главного политического управления Красной Армии Л.З. Мехлис сразу же озаботился пополнением порученного ему заботам фронта личным составом. На что, помимо всего прочего, прежде всего обратил внимание могущественный заместитель наркома обороны? Правильно, на национальный состав прибывающего боевого пополнения. 24 января он получает согласие члена ГКО Г.М. Маленкова на немедленную отправку на Крымский фронт 15-тысячного пополнения из русских и украинцев. В переговорах по аппарату прямой связи Мехлис поясняет: «Здесь пополнение прибывает исключительно закавказских национальностей. Такой смешанный национальный состав дивизий создает огромные трудности». Мехлис напрямую связывается с теми лицами, от которых зависела отправка на вверенный ему фронт новых пополнений. «Дано согласие направить сюда пятнадцать тысяч русского пополнения, — в тот же день телеграфирует он начальнику Главного управления формирования и укомплектования Е.А. Щаденко. — Прошу вас отправить его особой скоростью, дать пополнение именно русское и обученное, ибо оно пойдет немедленно в работу». А уже 16 февраля, затребовав из Северо-Кавказского военного округа (СКВО) для организации на Крымском фронте нового наступления несколько дивизий, Мехлис недвусмыслен-

но потребовал от командующего СКВО генерала В.Н. Курдюмова очистить части округа от «кавказцев» (выражение самого Мехлиса) и заменить их военнослужащими русской национальности».

Для объективного подтверждения вышеизложенного можно обратиться к истории формирований, укомплектованных по национальному признаку. Для примера реальной боеспособности таких соединений, обратимся к боевым заслугам азербайджанских, армянских и грузинских частей. С начала оборонительного этапа битвы за Кавказ (25 июля — 31 декабря 1942 года) были сформированы девять национальных дивизий — грузинских, азербайджанских и армянских. Итог их боевого пути подвел начальник политотдела Северной группы войск Закавказского фронта бригадный комиссар Надоршин в донесении начальнику Главпура Щербакову: «В результате запущенности воспитательной работы с личным составом, плохого изучения и знания людей, в результате отсутствия элементарной работы по сколачиванию подразделений и подготовке их к участию в боях состояние большинства национальных дивизий до последнего времени было плохое. В частях этих дивизий имелись массовые случаи дезертирства, членовредительства и измены Родине. Две национальные дивизии — 89-я армянская и 223-я азербайджанская — по своей боевой подготовке и политико-моральному состоянию личного состава были признаны небоеспособными и отведены во второй эшелон. 223-я дивизия, не вступив еще в бой и только находясь на марше для занятия участка обороны, показала свою небоеспособность. На этом марше из частей дивизии дезертировало 168 человек одиночками или группами, унеся с собой оружие и боеприпасы. 89-я дивизия с первых же дней боев при незначительном столкновении с противником дрогнула, растеряла много людей, техники и оружия и также показала себя неспособной выполнить хоть сколько-нибудь серьезную задачу. Несмотря на то, что дивизия имела 10 месяцев для боевой учебы, это время было использовано нерационально... В первом бою много командиров взводов, рот и батальонов потеряли управление своими подразделениями. Разведки организовано не было, взаимодействия и взаимосвязи между подразделениями в бою не было. В результате этого дивизия понесла большие потери. Много бойцов разбежалось, а более 400 человек перешли на сторону противника... Аналогичное положение вскрыто сейчас и в 392-й грузинской дивизии. В этой дивизии только за 4 дня, с 9 по 13 октября, изменили Родине и перешли на сторону врага 117 красноармейцев и командиров».

Здесь обращает на себя внимание крайне низкое качество управления национальными формированиями. Этот факт обусловлен тем, что командный состав этих частей состоял из представителей тех же народов. Об этом сообщает в своих воспоминаниях командующий Закавказским фронтом генерал армии И.В. Тюленев: «...нам предстояло решить и другой, не менее важный вопрос — пополнить войска округа подготовленным к боевым действиям личным составом. Людские резервы в Грузии, Азербайджане, Армении были, но многие из лиц призывного возраста плохо владели русским языком. Поэтому возникла необходимость формировать национальные части. Командные кадры для них в республиках Закавказья имелись». Можно сказать, что крайне низкое качество имевшихся командных кадров, которым, безусловно, и объясняются все просчеты в подготовке, здесь вполне отвечало качеству рядового состава, что и проявилось в ходе боевых действий. Нет смысла описывать боевой путь других национальных соединений, которых на пике их создания к весне 1942 года, по данным А. Безугольного, было пятьдесят три (38 стрелковых и кавалерийских дивизий, 15 стрелковых бригад). Очевидно, что их боеспособность не могла радикально отличаться в лучшую сторону от описанных выше формирований. Тем более, что 20 дивизий были кавалерийскими и, естественно, не могли играть значительной роли в «войне моторов».

Итогом плачевного эксперимента с привлечением «многонационалов» в Красную армию вполне закономерно стал отказ от их призыва: *«Несмотря на широко развернутую в 1942 г. агитационно-пропагандистскую кампанию среди бойцов нерусских национальностей, вопрос о боеспособности призывных контингентов из числа коренного населения Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья и в последующем продолжал серьезно беспокоить руководство Государственного комитета обороны, которое в конце 1943 г. решило разрубить этот туго затянувшийся гордиев узел одним ударом. Ради этого советское руководство было вынуждено пойти на беспрецедентный шаг — полностью отказаться от призыва на действительную воинскую службу и направления в действующую армию военнообязанных из числа местного населения из республик Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа. В октябре 1943 г. все северокавказские горцы директивой начальника Главупраформа № М/1/1493 от 9 октября 1943 г. были освобождены от призыва. При этом наряду с «местными национальностями» Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Дагестана, Карачаевской и Черкесской автономной областей впервые были освобождены от призыва «коренные*

национальности» Северной Осетии и Адыгеи. Этой же директивой освобождались от призыва призывники 1926 г. рождения из числа «местных национальностей» Закавказья и Средней Азии — грузины, армяне, азербайджанцы, казахи, узбеки, таджики, туркмены, киргизы. В итоге в ходе Великой Отечественной войны отказ от призыва в действующую армию затронул ВСЕ коренные народы (на Северном Кавказе — в 1941—1942 гг., в трех республиках Закавказья — в ноябре 1943 г.). Тогда же — в ноябре 1943 г. — был прекращен призыв в действующую армию призывников «коренных национальностей» из республик Средней Азии. Общее число национальностей СССР, не призывавшихся в армию, в конце 1943 г. достигло 43, что практически один к одному совпадало с числом (45 национальностей) не призывавшихся в армию в царской России. Круг замкнулся. Полностью отказавшись в 1943 г. от призыва на воинскую службу всех коренных народов Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии, высшее советское военно-политическое руководство было вынуждено, по сути дела, молчаливо признать, что они оказались не в состоянии участвовать в современной «войне моторов» на равных с другими народами СССР».

Вывод Т. Дмитриева заставляет ставить следующий принципиальный вопрос, который он деликатно обходит в своей статье стороной. Вопрос этот можно сформулировать так: чего больше получила Советская армия от присутствия «многонационалов» — вреда или пользы? Отбросив ложную терпимость, можно заключить, что вред, нанесенный присутствием в армии малокультурного и неуправляемого элемента, значительно перевесил принесенную им пользу. Т. Дмитриев пишет, что «в условиях призыва больших людских контингентов с Северного Кавказа, из Закавказья и Средней Азии командирам и политработникам РККА приходилось прилагать поистине титанические усилия и использовать разные методы убеждения и принуждения для того, чтобы заставить бойцов-националов идти в бой».

Таким образом, речь первоначально шла даже не о боеспособности «многонационального» контингента, а о попытках командных кадров всеми возможными способами заставить его принять участие в боевых действиях. О боевых качествах «многонационалов», которые в основной массе не понимали по-русски и не представляли себе целей и задач войны, говорить серьезно не приходится. Общая низкая боеспособность национальных соединений и отдельных представителей нерусских народов, в свою очередь, заставляла командование постоянно перетасовывать русских воинов и затыкать ими всевозможные

бреши. Такой подход естественно ослаблял те соединения, из которых изымались бойцы, и снижал их боеспособность и эффективность. Таким образом, достижение результата в одном месте нивелировалось усложнением обстановки на других направлениях. Более того, упущенное из-за слабой боеспособности многонационалов время могло привести к невозможности достигнуть нужного результата и на тех участках фронта, куда спешно переправлялось русское пополнение. Все вышесказанное прекрасно иллюстрируется и доказывается вышеприведенным примером с присутствием Мехлиса на Крымском фронте. Несмотря на все усилия Мехлиса, «начавшееся 27 февраля наступление войск Крымского фронта закончилось практически ничем, несмотря на большие потери в живой силе и технике». Используя описанную нами общую схему, русские историки национал-патриотической ориентации могут проследить всю историю Великой Отечественной Войны.

Хотя общий вывод можно сделать и по имеющимся на сегодня сведениям: боевые действия велись тем эффективнее, чем больший процент русских военнослужащих был сосредоточен в определенных воинских соединениях и на определенных направлениях боевых действий. Общий перелом в военных действиях наблюдался на фоне постоянно увеличивающейся численности русских военнослужащих и постепенного отказа от массового использования «многонационалов». На самом деле, в данном факте нет ничего удивительного. Любой военный специалист прекрасно знает, что боеспособность армии определяется прежде всего степенью мировоззренческого и культурного единства, которое в свою очередь непосредственно влечет за собой и практическую эффективность армии. При отсутствии мировоззренческого и культурного единства никакая общая численность не поможет армии решить поставленные перед ней задачи. Снова повторим, что корень первоначальных военных неудач в ходе Великой Войны лежит в непреодоленных до конца, в ходе сталинского консервативного разворота, последствиях ранней советской национальной политики, основой которой являлось полное пренебрежение к русскому языку и русской культуре в титульных республиках. Итогом этой политики стало полное отсутствие мировоззренческого, культурного и гражданского единства к моменту начала Великой Отечественной. В этом была ключевая причина слабой боеспособности «многонационалов». Т. Дмитриев констатирует: «Здесь сказывался целый набор причин: и плохое знание русского языка, и различия в социально-психическом складе выходцев из различных регионов Союза, равно как и нежелание многих призывников из отдаленных кавказских и азиатских регионов жертвовать своей

жизнью ради непонятных целей, поскольку идущая далеко на Западе война не воспринималась ими как непосредственная угроза для себя и своих близких. Именно поэтому среди призывников из азиатских и кавказских национальных республик и областей наблюдалось особенно много случаев дезертирства, членовредительства, уклонения от участия в боевых действиях и даже перехода на сторону врага».

Переходя к современной этнополитической повестке, необходимо снова напомнить, что фальсификация истории Великой Отечественной Войны является **злонамеренным проектом**, пагубные последствия которого выходят далеко за рамки академической науки. Игнорирование роли русского народа в Великой Победе и настойчивое выделение и навязывание особой роли национальных меньшинств, являются одними из ключевых пунктов идеологии замещающей миграции, которая всё более последовательно и широко реализуется политической элитой РФ. Задача максимум фальсификаторов истории — доказать русскому народу, что миллионы приезжих являются потомками тех людей, которые спасли предков современных русских от порабощения нацистами. Поэтому русские должны быть им признательны и в качестве благодарности отдавать свои земли, рабочие места и материальные ресурсы, а в идеале — просто тихо уступить место и исчезнуть с исторической сцены.

Предвидя возражения, сразу сделаем оговорку. Россия далеко не первая страна, в которой политические элиты поставили цель заместить государствообразующий народ мигрантами. Для оправдания этого замещения и в других странах фальсифицируется история, причем с опережением России приблизительно на десять лет. Глобалисты сначала проверяют схему в европейских странах, а затем уже власти РФ переносят этот «успешный» опыт в наши реалии.

Для подтверждения вышеизложенного сошлемся на французский пример. В этом году издана книга выступлений современного мыслителя и политика Рено Камю, посвященная преимущественно французским реалиям. Совершенно неожиданно мы узнаём, что во Франции историческая наука теперь учит, что Вторую мировую войну с французской стороны выиграли не бойцы Сопротивления, а североафриканские вооруженные формирования. Те же алжирцы, тунисцы и марроканцы, по мнению современных французских исторических «светил», обеспечили и послевоенное восстановление Франции. Вот цитата из Р. Камю: *«Ложь, фактические ошибки, паралогизмы и историографические мифы — машина, которая их производит, работает без перерывов. Самым свежим продуктом этой машины стала весьма удобная теза о том, что именно роди-*

тели, деды или прадеды наших иммигрантов или потомков иммигрантов из Северной Африки освободили Францию после Второй мировой войны. Раньше это почетное дело приписывали американцам, их союзникам и французскому Сопротивлению — внутреннему и внешнему. Теперь же в списке тех, кому должна быть выражена особая благодарность, на первом месте оказываются марроканские, алжирские и тунисские солдаты, высадившиеся в 1944 году на побережье Прованса... Другой весьма востребованный в современной историографии, более старый аспект — это роль новых наших соотечественников или будущих соотечественников, а также их отцов, в восстановлении Франции после Второй мировой войны».

Р. Камю легко опровергает описанные мифы пропаганды. Две трети высадившихся в Провансе составляли этнические французы, как из коренной Франции, так и из Алжира. Восстановление же Франции было закончено задолго до середины 1970-х, когда Францию стали накрывать первые крупные волны магрибинской миграции. Несмотря на свое противоречие элементарно устанавливаемым действительным историческим фактам, описанная мифология господствует в массовом сознании коренных французов, делая невозможным сопротивление колонизации прежде всего на идейно-мировоззренческом уровне. Действительно, как можно сопротивляться арабам, когда они твоих предков (а значит — и тебя) и от Гитлера спасли, и твою разрушенную страну заново отстроили?

Уточним, что описанная Р. Камю фальсификация истории Второй мировой войны стала укореняться во Франции на рубеже 2010-х годов. После очень успешной обкатки, глобалисты перенесли ее и в Россию. Позже стартовав, мы постепенно приходим к тем же результатам — пропагандисты и недобросовестные историки уже приучили русское общество к мысли о том, что Войну выиграли «многонационалы». Следующий этап, который, судя по всему, не за горами — навязать представление о «многонационалах» как воостановителях РСФСР, без которых русским было никак не обойтись. Конечно, доказать этот тезис будет непросто. Однако уже идет работа над промежуточной идейной конструкцией.

В упомянутом выше интервью А.О. Чубарьян среди приоритетных задач историков стран СНГ на будущее особо отмечает исследование вклада национальных республик в сохранение научного и промышленного потенциала РСФСР: «...одна из тем для наших совместных исследований с СНГ — работа предприятий, которые были эвакуированы из оккупиро-

ванных районов на восток. Этот вопрос касается непосредственно вклада в экономику СССР национальных республик. Напомню, что в Узбекистан, Казахстан и Таджикистан переехали наши научные учреждения, Академия наук, театры, писательские организации, киноиндустрия». Понятно, что в результате «исследований» единомышленников А.О. Чубарьяна русское общество будет поставлено перед фактом своего неоплатного долга перед «многонационалами», сохранившими русскую науку и культуру. А после этого действительно останется только, как современным французам, отойти в сторону и освободить жизненное пространство тем, кому мы стольким обязаны.

Замалчивание роли русского народа в Великой победе и постоянное использование понятий «советский народ» и «многонациональный советский народ» на практике ведет к тому, что русские просто не фигурируют в языке официальной исторической науки и медийно-политического комплекса в целом. В итоге получается, что и Победу над гитлеровцами одержали все, кроме русских, и в тылу русскую науку и культуру хранили все, кроме русских, и послевоенное восстановление страны — дело всех, кроме русских. В итоге отсутствие упоминания русского народа ведет к идейному и практическому триумфу концепции «россиянства». Официальный медийно-политический комплекс считает «россиянами» всех граждан РФ и мигрантов, без различия по этнической принадлежности.

Отсутствие отдельного упоминания о русском народе напрямую ведет к тому, что под так называемым «российским народом» имеется в виду пестрый конгломерат «многонационалов», имеющих свои титульные республики, получивших российское гражданство в последние десятилетия, и неграждан, законно или незаконно находящихся в РФ. Этот конгломерат растворяет и переваривает в себе русский народ сначала на идейном уровне, а затем — и в жизненных реалиях.

Соответствующий процесс изменения языка, сопровождаемый реальной заменой коренного населения мигрантами, полностью завершился во Франции. Р. Камю констатирует: *«Народ больше не в ходу — он утратил свою законную легитимность. Следует отметить, что термин «народный» в новом языке обозначает вовсе не то, что связано с коренным народом: напротив, он стал означать «иммигрантский», «чужеродный», «относящийся к французам иностранного происхождения»... Язык, как всегда, всё понял первым: в условиях наступающей колонизации больше нет коренного народа, он больше не считается народом — или просто им не является».*

В отличие от Франции, Россия пока находится на этапе изменения медийно-политического языка, в котором больше вообще не упоминается русский народ как исторический и политический субъект. Однако надо помнить, что конечный пункт описанного процесса — полная физическая замена русского народа и других коренных народов России мигрантами из ближнего и дальнего зарубежья. Именно они в итоге и будут носить гордое звание «россиян» и «представителей российского народа». По неумолимой логике исторический субъект, исчезающий из исторического и медийного дискурса, пропадает и из актуальных политических раскладов, заканчивая в ближайшей перспективе свое творческое историческое бытие.

В настоящий момент имеет значение и более прозаическое последствие замалчивания роли русского народа в Победе. Речь идет о перераспределении материальных ресурсов, которые изымаются у русского народа и передаются многонационалам под предлогом их якобы особой роли в военное время. Так, недавно экс-премьер и глава Торгово-промышленной палаты Киргизии Темир Сериев потребовал для киргизов особого статуса в РФ, ссылаясь в том числе и на их неоценимую роль в обороне Москвы от гитлеровцев. Такой наглости удивился даже склонный удовлетворять все требования «многонационалов» российский политический официоз. Киргизам указали на то, что они, как члены Евразийского экономического союза и так имеют в РФ набор привилегий, то есть тот самый особый статус. Однако, нахмурившись для вида, чтобы не терять лица, власть РФ решила облагодетельствовать «незаменимых и неоценимых» за счет русского народа. Два месяца спустя некая АНО «Евразия» под руководством депутата Госдумы РФ Алены Аршиновой открыла в Бишкеке парк развлечений «Евразия», построенный на площади 10 гектаров и обошедшийся РФ в 35 миллионов долларов (более 2,8 миллиардов рублей). Эта же АНО будет за российский счет обеспечивать работу парка и его содержание.

Та же Аршинова активно лоббирует внедрение в российские школы учебников киргизского языка, приравняв его к языкам коренных народов России. Эта инициатива разрабатывается в рамках некоего непонятного соглашения властей РФ и Киргизии и поддерживается Министерством просвещения РФ. Разумеется, все расходы в случае запуска проекта, возьмет на себя российская сторона.

Таджики в последнее время громких заявлений не делали и требований не выдвигали. Однако материальная помощь, щедро раздаваемая всем «незаменимым союзникам» властями РФ и их не обошла стороной. В июне Таджикистану был списан долг за электроэнергию в размере 25,3 миллиарда рублей. Ра-

зумеется, для русских, обратной стороной этой щедрости стал двенадцатипроцентный рост тарифов на электроэнергию. Такие примеры можно множить и множить. Не забудем при этом о продолжающейся массовой и бесконтрольной раздаче «многонационалам» российских паспортов (а значит — и соответствующих материальных благ от различных пособий до бесплатного жилья, образования и медпомощи) и гигантских финансовых средствах, ежегодно выводимых из российской экономики «незаменимыми специалистами».

Таким образом, фальсификация истории Великой Войны активно используется правящей бюрократией для оправдания политики вытеснения русского народа из историко-политического поля, замещающей миграции и разнообразных форм перераспределения крайне необходимых русскому народу материальных ресурсов в пользу многомиллионной массы лиц, не имеющих к России и русскому народу никакого отношения.

Снова повторим уже высказанную нами мысль о необходимости создания единого широкого фронта русских историков национально-патриотической ориентации для противодействия официозным фальсификациям. На данный момент состояние русской национал-патриотической науки оптимизма не вызывает. Историки левой ориентации и соответствующие печатные издания используют ложную и губительную послесталинскую советскую терминологию. Поэтому официозные фальсификации не встречают серьезного отпора.

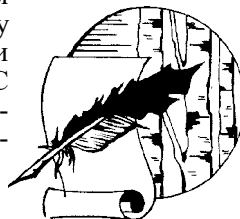
Патриотическим историкам необходимо обратить внимание на важнейшую тему — тему открытого и публичного лишения русского народа его величайшего исторического подвига. Проиграть идейную борьбу за обладание статусом наследников Великой Победы — значит проиграть борьбу за историческое будущее русского народа.

Юрий ПЕТРУНИН,
руководитель литературного объединения
им. Дмитрия Кедрина, г. Мытищи

ЖИЗНЬ И ТРАГЕДИЯ ВЕЛИКОГО ПОЭТА

В августе 1940-го года Гослитиздат выпустил в свет книгу поэта Дмитрия Кедрина «Свидетели». Первую и очень долгожданную.

Печататься и сразу очень активно 17-летний студент екатеринославского политехникума начал 1924-м году. Тогда с апреля по декабрь в местной периодике было опубликовано 18 его стихотворений. Состоялся и первый заход в Москву — на страницы столичного журнала «Прожектор». В 1925-м году Дмитрий Кедрин становится автором «Комсомольской правды». Потом очередь дошла и до литературных «толстяков». В мартовском номере «Октября» за 1929 год публикуется злободневная кедринская поэма «Казнь» — о прогремевшей тогда забастовке английских шахтёров. В 1931-м году взята новая литературная высота — журнал «Молодая гвардия» предлагает читателям историю про «китайскую любовь» одной москвички. К тому времени автор уже простился с городом на Днепре. Правда, осесть в столице ему не удалось. Старшие товарищи помогли найти работу в ближнем Подмосковье. С мая 1931-го года Кедрин — литсотрудник многотиражки главного мытищинс-

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

кого завода, которому предстояло делать вагоны для первого советского метро. И жильё молодому газетчику предоставили в рабочем общежитии.

С таким надёжным тылом можно было активно заняться литературными делами. Примерно в середине лета подмосковный новосёл сообщал в письме другу: — «Написал много новых и, говорят, недурных стихов. Сделал из них книгу, назвал «Свидетели» и сдал в ГИХЛ. Сегодня был по поводу неё у Казина... Он говорит, что рецензенты дали о ней очень приличные отзывы... Она выйдет в конце этого или в начале 32-го года».

Вскоре, однако, Кедрину пришлось по тому же адресу отправлять грустную поправку: его «Свидетелей» похвалили, но всё же отклонили. Пришлось стучаться в другое издательство, пусть и не всесоюзное. В «Федерации» Эдуард Багрицкий дал обнадеживающий отзыв: «Кедрин из талантливейших провинциальных поэтов. Его стихи... — это настоящая поэтическая работа». Более того, известный поэт сам собирался редактировать книгу. Но судьба распорядилась иначе. Не дожив до 50 лет, автор «Думы про Опанаса» скончался в феврале 1934-го. И Дмитрию Кедрину пришлось продолжить хождение по издательским кабинетам.

Но у него к тому времени был в запасе ещё один голос поддержки. Вера Инбер, которая через десять лет станет известна всей стране благодаря своей поэме о ленинградских блокадниках «Пулковский меридиан», в 1933 году в журнале «Смена» поместила статью «О чистой лирике и о стихах Кедрина» и стала первооткрывателем для широкой публики нового поэта. При этом она исходила из нескольких публикаций Кедрина в «Смене», а также из стихов, которые сам автор прочитал на встрече с творческими сотрудниками журнала. В этой статье подчёркивалось очень важное наблюдение: «После стихов Кедрина хочется жить и работать». Такое признание, да ещё в 30-е годы, дорогого стоило.

В 1935-м году журнал «Молодая гвардия» печатает его поэму «Приданое». На следующий год — поэма «Дорош Молибога», написанная в память о Багрицком, выходит в массовом журнале «Красноармеец-краснофлотец». 1937-й год — пять стихотворений Дмитрия Кедрина включены в большой коллективный сборник «Молодая Москва». В 1938-м набирающий известность поэт попадает сразу в два солидных сборника. Выпуск «Победителей» (под редакцией Иосифа Уткина) приурочен к 20-летию комсомола. Среди тридцати трёх авторов юбилейного издания выходец из екатеринославской «Молодой кузницы» ничуть не затерялся. Его вклад — сразу два шедевра: «Приданое», и поэма-балла-

да «Зодчие», перепечатанная из журнала «Красная новь». Вторая коллективная новинка того же года с участием Кедрина — «День советской поэзии» — означала, по сути, приём в поэтическую сборную СССР. Основания те же — потрясающие «Зодчие».

Кстати, к тому моменту у него уже был статус кандидата в члены Союза советских писателей. Он продолжал активно внедряться в литературную жизнь: переводил на русский стихи чеха Ильи Барта, участвовал в обсуждении исторической поэмы Константина Симонова «Ледовое побоище», в феврале 1939-го года выступил в клубе МГУ на вечере памяти Багрицкого. А в конце марта этого же года «Вечерняя Москва» помещает информацию о приёме в Союз писателей тридцати новых членов, где в общем списке значился и Дмитрий Кедрин. 10 апреля о том же, но более обстоятельно, сообщила «Литературная газета». К тому же статью проиллюстрировали фотографии четверых новоприятых (из тридцати). И среди них — Д. Кедрин. В основном тексте статьи о новичках Союза советских писателей приведено ещё несколько фамилий, в том числе и звучащих до сих пор: не требующий комментариев Павел Бажов, литературовед Ираклий Андроников, драматург и кинорежиссёр Александр Довженко, раскрученный в 50-е годы юморист и сатирик Леонид Ленч. Вот в какую компанию попал Дмитрий Кедрин, дебютная книга которого ещё не вышла тогда в свет — Гослитиздат её рукопись еще только отправил в типографию.

Весной и летом 1940 года состоялась ещё одна журнальная публикация — «Октябрь» напечатал в двух своих сдвоенных номерах (№№ 4/5 и 6/7) кедринскую драму в стихах «Рембрандт». И уже после этого наконец вышла в свет книга «Свидетели».

В состав дебютной книги Дмитрия Кедрина вошли четыре поэмы («Приданое», «Зодчие», «Дорош Молибога», «Казнь»), «Песни про пана» (в двух частях), сказка для детей про челяускинцев и одиннадцать весьма разноплановых стихотворений.

О бытовой стороне долгожданного события дочь поэта Светлана Дмитриевна Кедрина в своей книге «Жить вопреки всему» сообщает: «На гонорар за книгу, тираж которой был десять тысяч, отец купил куртку из собачьего меха себе и шубу маме. Он надеялся, что денег хватит ещё на три вещи, о которых давно мечтал: на часы, велосипед и пишущую машинку, но ошибся».

Поэт Дмитрий Кедрин погиб в победном 1945-м, но уже в мирное время, когда отгрохотали залпы и на Западе, и на Востоке.

Тело участника Великой Отечественной войны, награждённого в 1943 году медалью «За боевые заслуги», было найдено утром 19 сентября 1945-го рядом с железнодорожным полотном Казанского направления, перед платформой Вешняки. Левая половина лица недвижно лежащего человека заплыла синяком. Позже медики определили у него перелом левого предплечья и нескольких рёбер. Какие-либо документы у погибшего отсутствовали.

Накануне Дмитрий Кедрин, проживавший в селе Черкизово, направился электричкой до Ярославского вокзала в Москву. Когда вечером того же 18-го числа он не вернулся домой, его жена Людмила Ивановна не сильно беспокоилась. Бывали случаи, когда Дмитрий Борисович оставался ночевать у кого-то из друзей. А 19-го сентября жена дождала-пождала возвращения мужа и сама поехала в столицу. Но ни в Правлении Союза писателей, ни в писательском клубе, ни у наиболее близких друзей её мужа не было. 20-го сентября к поискам подключился кто-то из близких. Они вместе ходили по больницам и моргам. И лишь на четвёртый день в морге недалеко от площади трёх вокзалов Людмиле Ивановне показали фотографию, снятую на месте находки её мёртвого мужа. «Его глаза были полны ужаса», — так, спустя годы, Людмила Ивановна сказала об этом дочери.

Хоронили Дмитрия Борисовича в дождливый понедельник 24-го сентября на старинном Введенском кладбище. Гроб, который после морга не открывали, по главной аллее к могиле несли шестеро: друг юности Иван Гвай и пятеро поэтов. За ними шла Людмила Ивановна с 11-летней Светланой и 4-х летним Аликом. Венок с чёрной лентой — от Союза писателей — несли две девушки, которые представляли последнее место работы покойного — издательство «Молодая гвардия».

Иван Гвай учился с Дмитрием Кедриним в одном техникуме, но дальше пошёл именно по технической части, получил высшее образование, стал кандидатом наук, а дружбы с «Митяйкой» не порывал. К трагическому сентябрю 1945-го он уже был лауреатом Сталинской премии за разработку секретного оружия.

Из писательской пятёрки, которая вместе с Гваем участвовала в похоронах, трое — Михаил Светлов, Михаил Голодный и Василий Казин значились признанными поэтами. По своему

наработанному творческому весу Дмитрий Кедрин ещё до начала Великой Отечественной войны вполне состоялся, но к осени 1945 года он так и остался автором единственной 72-страничной книги «Свидетели». О всенародном признании к тому времени нечего было и говорить. К подведению итогов даже из друзей поэта никто не был готов.

В «Литературной газете» за 29-е сентября вместо некролога появилось лишь обведённое траурной рамкой краткое извещение о смерти члена Союза писателей СССР Дмитрия Кедрина. В ноябре «Литературка» ещё раз заключила имя и фамилию поэта в траур, когда поставила их как подпись под рецензией на стихи казахского поэта А. Еникеева, залежавшейся в каком-то редакционном столе...

Никакой информации от силовых структур о расследовании обстоятельств гибели поэта не поступило. Возможно, Иван Гвай, давно знакомый с писателем и ответственным сотрудником Генпрокуратуры СССР Львом Шейниным, посоветовал вдове поэта обратиться к автору популярных «Записок следователя» с мучающим её вопросом, но Лев Романович в ответ посоветовал Людмиле Ивановне заняться воспитанием детей, оставшихся без отца.

Тоже правильно, конечно. Но вдобавок к неотложным материнским и бытовым хлопотам эта не сдающаяся женщина сама себе поставила задачу — добиться издания книги своего мужа, соответствующей уровню его таланта.

В этом не простом деле у неё, к счастью, нашлись энергичные помощники. Например, молодой поэт Лев Озеров, взявшийся за составление кедринского «Избранного». И такая книга была включена в план «Советского писателя» на 1947-й год. Но перед отправкой рукописи в типографию стало известно, что из неё убрали драму в стихах «Рембрандт». Встревоженная Людмила Ивановна письменно обращается к руководству издательства, чтобы этого не делали. Идёт на приём к депутату и трижды лауреату Сталинской премии Константину Симонову. И драму удаётся отстоять. В дневнике Кедринской появляется запись: «Митина книга наконец выходит... «Рембрандт» включён. Это один из камней к памятнику Мите».

Забегая вперёд, надо сказать, что загаданный таким образом памятник замечательному поэту тоже появился. Автором его стал скульптор Николай Селиванов. Установлен он спустя 60 лет после первого кедринского «Избранного» — в Мытищах, рядом с Центральной городской библиотекой, давно уже носящей имя Дмитрия Кедрина. Теперь её чаще называют «Кедринкой».

Дорогу к этому памятнику наметили прежде всего сами стихи увековеченного автора, но пробивать её начала именно Люд-

мила Ивановна, опиравшаяся на поддержку ценителей кедринского творчества. С чтением его стихов, с рассказами о нём, она неумолимо выступала в разных местах — от кабинетов до вузовских аудиторий и библиотек.хлопотать об изданиях и переизданиях (в том или ином составе) книг Кедрина она продолжала и тогда, когда истекли сроки наследования. После 1987 года благое дело матери продолжает Светлана Дмитриевна Кедрина. Всё чаще на «Кедринских чтениях» в Мытищинском историко-художественном музее и в «Кедринке» появляется и внук поэта — тоже Дмитрий Кедрин, но только художник.

Свой вклад в продвижение творчества Кедрина внесли авторы отдельных книг о нём — С. Широков, П. Тартаковский, Г. Красухин. А наиболее значимые факты из его жизни содержатся в вышедших двумя изданиями воспоминаниях Светланы Дмитриевны об отце — «Жить вопреки всему».

В г. Мытищи, в историко-художественном музее, открыта «Мемориальная комната Дмитрия Кедрина... Центральная библиотека носит его имя. В этом же городе есть литературное объединение его имени, а также существует премия имени Дмитрия Кедрина», учрежденная в 1995-м году и имеющая специальное название «Зодчий».

Дмитрий КЕДРИН
(1907 — 1945)

КРАСОТА

ГЛУХАРЬ

Выдь на зорьке и ступай на север
По болотам, камушкам и мхам.
Распустив хвоста колючий веер,
На сосне красуется глухарь.

Тонкий дух весенней благодати,
Свет звезды — как первая слеза...
И глухарь, кудесник бородатый,
Закрывает жёлтые глаза.

Из дремотных облаков исторгла
Яркий блеск холодная заря,
И звенит, чумная от восторга,
Зоревая песня глухаря.

Счастлив тем, что чувствует и дышит,
Красотой восхода упоён, —
Ничего не видит и не слышит,
Ничего не замечает он!

Он поёт листву купав болотных,
Паутинку, белку и зарю,
И в упор подкравшийся охотник
Из берданки бьёт по глухарю...

Может, так же в счастья день желанный,
В час, когда я буду петь, горя,
И в меня ударит смерть неожиданно,
Как его дробинка — в глухаря.

1938

КОФЕЙНЯ

...Имеющий в кармане мускус
не кричит об этом на улицах.
Запах мускуса говорит за него.
Саади

У поэтов есть такой обычай —
В круг сойдясь, оплёвывать друг друга.
Магомет, в Омара пальцем тыча,
Лил ушатом на беднягу ругань.

Он в сердцах порвал на нём сорочку
И визжал в лицо, от злобы пьяный:
«Ты украл пятнадцатую строчку,
Низкий вор, из моего «Дивана»!

За твоими подлыми следами
Кто пойдёт из думающих здраво?»
Старики кивали бородами,
Молодые говорили: «Браво!»

А Омар плевал в него с порога
И шипел: «Презренная бездарность!
Да минет тебя любовь пророка
Или падишаха благодарность!

Ты бесплоден! Ты молчишь годами!
Быть певцом ты не имеешь права!»
Старики кивали бородами,
Молодые говорили: «Браво!»

Только некто пил свой кофе молча,
А потом сказал: «Аллаха ради!
Для чего пролито столько жёлчи?»
Это был блистательный Саади.

И минуло время. Их обоих
Завалил холодный снег забвенья.
Стал Саади золотой трубою,
И Саади слушала кофейня.

Как ароматические травы,
Слово пахло мёдом и плодами,
Юноши не говорили: «Браво!»
Старцы не кивали бородами.

Он заморозил их песней птичьей,
Песней жаворонка в росах луга...
У поэтов есть такой обычай —
В круг сойдясь, оплёвывать друг друга.

1936

СТАНЦИЯ ЗИМА

Говорят, что есть в глухой Сибири
Маленькая станция Зима.
Там сугробы метра в три-четыре
Заметают низкие дома.
В ту лесную глушь еще ни разу
Не летал немецкий самолет.
Там лишь сторож ночью у лабазов
Костылем в сухую доску бьет.
Там порой увидишь, как морошку
Из-под снега выкопал медведь.

У незатемненного окошка
Можно от чайку осоловеть.
Там судьба людская, точно нитка,
Не спеша бежит с веретена.
Ни одна тяжелая зенитка
В том краю далеко не слышна.
Там крепки бревенчатые срубы,
Тяжелы дубовые кряжи.
Сибирячек розовые губы
В том краю по-прежнему свежи.
В старых дуплах тьму лесных орехов
Белки запасают до весны...
Я б на эту станцию поехал
Отдохнуть от грохота войны.

1941

АЛЕНУШКА

Стойбище осеннего тумана,
Вотчина ночного соловья,
Тихая царевна Несмеяна —
Родина неяркая моя!

Знаю, что не раз лихая сила
У глухой околицы в лесу
Ножичек сапожный заносила
На твою нетленную красу.

Только всё ты вынесла и снова
За раздольем нив, где зреет рожь,
На пеньке у омута лесного
Песенку Алёнушки поёшь...

Я бродил бы тридцать лет по свету,
А к тебе вернулся б умирать,
Потому что в детстве песню эту,
Знать, и надо мной певала мать!

1942

ДНЕПРОПЕТРОВСКУ

Здравствуй, город чугуна и стали,
Выдержавший бой с лихим врагом!
Варвары тебя не растоптали
Кованым немецким сапогом.

Молчаливый, опустевший, тёмный,
Ты, как воин, а не как слуга,
Погасив пылающие домны,
Встретил ненавистного врага!

Жаждавший днепропетровской стали,
Немец получил её в ночи
Только пулями, что залетали
В дом, где пировали палачи!

Вдоль твоих проспектов и бульваров
Враг поставил виселицы в ряд.
Но сердца суровых сталеваров
Крепче стали, что они варят!

И в октябрьский день, уже нежаркий,
В своего освобожденья час,
Шумом лип Шевченковского парка
Воскрешённый город встретил нас!

Радость стариков и смех подростков,
Всё, чем ты, победа, дорога, —
Нам залог, что сталь Днепропетровска
Скоро полетит в лицо врага!

1943

КРАСОТА

Эти гордые лбы винчианских мадонн
Я встречал не однажды у русских крестьянок,
У рязанских молодок, согбённых трудом,
На току молотивших снопы спозаранок.

У вихрастых мальчишек, что ловят грачей
И несут в рукаве полушубка отцова,

Я видал эти синие звёзды очей,
Что глядят с вдохновенных картин Васнецова.

С большака перешли на отрезок холста
Бурлаков этих репинских ноги босые...
Я теперь понимаю, что вся красота —
Только луч того солнца, чьё имя — Россия!

5 сентября 1942

* * *

Да, и такой, моя Россия...
А. Блок

Хочешь знать, что такое Россия —
Наша первая в жизни любовь?
Милый друг! Это ребра косые
Полосатых шлагбаумных столбов.
Это щебет в рябиннике горьком,
Пар от резвых коней на бегу,
Это жёлтая заячья зорька,
След на сахарном синем снегу.
Это пахарь в портах полотняных,
Пёс, что воет в ночи на луну,
Это слезы псковских полонянок,
Поседевших в татарском плену.
Это горькие всхлипы гармоник,
Свет далёких пожаров ночных,
Это — кашка, татарка и донник
На высоких могилах степных.
Это — эхо от песни усталой,
Облаков перелётных тоска,
Это свист за далёкой заставой
Да лучина в окне кабака.
Это хлеб в узелке новобранца,
Это туз, что нашит на плечо,
Это дудка в руке Самозванца,
Это клетка, где жил Пугачёв...
Да, страна наша не была раем:
Нас к земле прибывало дождём.
Но когда мы её потеряем,
Мы милей ничего не найдём.

18 сентября 1942

ЦЫГАНКА

Устав от разводов и пьянок,
Гостиных и карт по ночам,
Гусары влюблялись в цыганок,
И седенький поп их венчал.

«Дворянки» в капотах широких
Навагу едали с ножа,
Но староста знал, что оброка
Не даст воровать госпожа.

И слушал майор в кабинете,
Пуская дымок сквозь усы,
Рассказ, как «мужицкие» дети
Барчатам разбили носы!..

Он знал, что когда он отдышит
И сляжет, и встретит свой час, —
Цыганка поднимет мальчишек
И в корпус кадетский отдаст.

И вот уходил её сверстник,
Её благодетель — во тьму,
И пальцы в серебряных перстнях
Глаза закрывали ему.

Под гул севастопольской пушки
Вручал старшина Пантелей
Барчонку от смуглой старушки
Иконку и триста рублей.

Старушка в наколке нелепой
По дому бродила с клюкой,
И скоро в кладбищенском склепе
Ложили её на покой.

А сыну глядела Россия,
Ночная метель и гроза
В немного шальные, косые,
С цыганским отливом глаза...

Доныне в усадёбке старой
Остались следы этих лет:

С малиновым бантом гитара
И в рамке овальной портрет.

В цыганкиных правнуках слабых
Тот пламень дотлел и погас,
Лишь кровь наших диких прабабок
Нам кинется в щеки подчас.

16 января 1944

* * *

Всё мне мерещится поле с гречихою,
В маленьком доме сирень на окне,
Ясное-ясное, тихое-тихое
Летнее утро мерещится мне.

Мне вспоминается кляча чубарая,
Аист на крыше, скирды на гумне,
Тёмная-тёмная, старая-старая
Церковка наша мерещится мне.

Чудится мне, будто песню печальную
Мать надо мною поёт в полусне,
Узкая-узкая, дальняя-дальняя
В поле дорога мерещится мне.

Где ж этот дом с оторвавшейся ставнею,
Комната с пёстрым ковром на стене?
Милое-милое, давнее-давнее
Детство мое вспоминается мне.

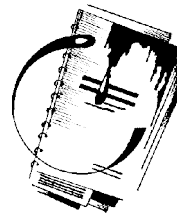
13 мая 1945

ОБЩАК «ГЛУБИНОГО ГОСУДАРСТВА»

Ровно 24 года назад произошла самая крупная террористическая операция в истории (по крайней мере, новейшей истории) человечества. Речь идет об обрушении зданий Всемирного торгового центра (ВТЦ) в Нью-Йорке и частичном разрушении здания Пентагона в пригороде Вашингтона. К настоящему времени, кроме официальной версии происшедшего, озвученной Вашингтоном, имеется большое количество альтернативных версий, касающихся причин, целей, организаторов и исполнителей терактов 11 сентября 2001 года (именуемых также 9/11).

Официальная версия теракта 9/11 гласит, что серия атак была спланирована и осуществлена террористической организацией «Аль-Каида» (запрещена в РФ). Согласно этой версии, утром 11 сентября 19 террористов-смертников захватили четыре американских пассажирских самолёта. Два из них врезались в башни ВТЦ на Манхэттене в Нью-Йорке, третий лайнер атаковал здание Пентагона в пригороде Вашингтона, а четвёртый упал в поле штата Пенсильвания. За планирование и организацию атак отвечали Усама бен Ладен и Халид Шейх Мохаммед.

Однако официальная версия настолько шита белыми нитками, что в нее почти никто не ве-

ДОСЬЕ "МГ"

рит. Об этом я писал вместе с моими американскими коллегами в книге: Джон Перкинс, Сьюзен Линдауэр, Валентин Катасонов. «Мировой капитализм. Разоблачение. Они решились сказать правду» — М.: Кислород, 2018. Мои американские единомышленники поделились со мной очень большим количеством информации по 9/11, которая почти никогда не попадала в открытый доступ. А если и попадала, то лишь в статусе «версии» или «гипотезы».

Сьюзен Линдауэр, американская журналистка и бывший сотрудник Конгресса США, была свидетельницей непосредственной подготовки летом 2001 года терактов 9/11. Особый интерес представляет опубликованная в 2010 году книга Сьюзан Линдауэр «Extreme Prejudice». Вольный, но отражающий идею книги перевод её названия — «Циничное убийство»; другой вариант — «Крайняя мера». Подзаголовки книги — «Ужасающая история Патриотического акта и правда о событиях 11 сентября и в Ираке». Книга содержит много подробностей подготовки террористического акта 9/11.

Согласен с Линдауэр, что главной целью терактов была легализация Вашингтоном вмешательства в дела любого государства под предлогом борьбы с так называемым терроризмом. По горячим следам терактов Конгресс США принял так называемый Патриотический акт. К сожалению, до сих пор книга Линдауэр на русский язык не переведена. Восемь лет назад я посвятил этой смелой женщине специальную статью «Герои нашего времени: Сьюзан Линдауэр».

За 24 года после 9/11 в США и других странах мира вышли десятки книг по трагическим событиям того времени. Многие эксперты продолжают свои раскопки. И они очень важны, поскольку выводят на понимание того, какова, скажем, роль глубинного государства в жизни современной Америки; каково устройство этого глубинного государства; к каким приемам прибегают власти США для того, чтобы исказить и даже фальсифицировать реальную картину мира и т.п.

Один из аспектов истории 9/11 касается того, каковы чисто физические причины падения башен ВТЦ. Практически все серьезные эксперты отвергают официальную версию, согласно которой башни рухнули в результате того, что в них врезались самолеты с террористами-камикадзе. Самолёты действительно врезались, но башни рухнули в результате взрывов, которые были произведены внутри зданий. Такие взрывы должны были обеспечить гарантированное уничтожение кое-чего, что находилось в этих башнях —

Южной и Северной. Там много что хранилось. И в один момент было уничтожено.

В брокерских фирмах, расположенных в башнях, было много ценных документов, в частности, правительственные облигации на сотни миллиардов долларов. Воздушные удары были нанесены по финансовым объектам: банкам, брокерским фирмам, запасникам ценных бумаг. В результате разрушения ВТЦ были навсегда утрачены архивы и произведения искусства XX века, включая гобелен испанского сюрреалиста Жоана Миро, работы скульпторов Огюста Родена и Александра Колдера, а также более 40 тысяч негативов фотографий Джона Ф. Кеннеди, снятых личным фотографом.

Сейчас хочу обратить внимание на Северную башню, которая обрушилась полчаса спустя после Южной. Из открытых источников известно, что на 23-м этаже Северной башни находился офис Федерального бюро расследований (ФБР) США. Кстати, мне встречались сообщения, согласно которым взрыв в офисе произошел за несколько секунд до того, как в башню врезался самолет. Из неофициальных источников также известно, что в указанном офисе хранились документы по одному очень важному делу, которым я интересовался еще до событий 9/11.

Если говорить коротко, то речь идет о документах с информацией о золоте, использовавшемся для проведения своих операций американскими спецслужбами, но о котором ничего не знали «народные избранники» из Капитолия, равно как и обитатели Белого дома (а если даже знали, то опасались задавать вопросы).

И тут история 9/11 пересекается с другой очень таинственной историей, которую специалисты называют секретным золотым картелем, о котором я писал неоднократно. Например, в моей книге «Золото в мировой и российской истории XIX—XXI вв.» (М.: Родная страна, 2017). Золотой картель начал действовать в 1980-е годы для того, чтобы сбивать цену на драгоценный металл. Ведь после Ямайской международной валютно-финансовой конференции 1976 года золотодолларовый стандарт был заменен на бумажно-долларовый. Золото как валюта было упразднено. Но драгоценный металл не пожелал покидать мир денег. Более того, начал стремительно обыгрывать бумажный доллар, что выразилось в стремительном росте цены на золото. В январе 1980 года цена на золото выросла почти до 850 долларов за тройскую унцию (напомню, что при золотодолларовом стандарте цена золота была фиксированной и равнялась 35 долларам за унцию). Доллар как мировая валюта был на грани

полного краха. Но неожиданно цена на золото уже в том же 1980 году начала снижаться. А к концу десятилетия порой опускалась до 350 долларов за унцию. Доллар был реанимирован, он стал укрепляться в статусе мировой валюты.

Вопрос заключается в том, за счёт чего удалось сбить цену на золото. Отвечаю: за счёт регулярных и масштабных золотых интервенций на мировом рынке. Для этого и был создан международный золотой картель, в котором ключевыми игроками были Федеральный резервный банк Нью-Йорка, Банк Англии, ряд банков Уолл-стрит и лондонского Сити, канадская золотодобывающая компания Barrick Gold.

Кое-что об этом картеле можно было узнать на сайте такой организации, как GATA, которая разоблачала деятельность тайного золотого картеля. В частности, высказывалась версия, что для золотых интервенций картель использовал драгоценный металл из международных резервов, в том числе то золото, которое хранилось в Форт-Ноксе. Наиболее пытливые исследователи знают об этом источнике золотых интервенций. Наверное, об этом догадывается и 47-й президент США Дональд Трамп, который несколько месяцев назад заявил о том, что собирается провести аудит Форт-Нокса. Правда, больше к этому вопросу Трамп не возвращался (и вряд ли возвратится).

Но сейчас я хотел бы обратить внимание на то, что был еще один источник золотых интервенций, о котором знают или догадываются очень немногие. Впрочем, об этом источнике, наверное, знают в американских спецслужбах, и документы по этому источнику могли храниться как раз в офисе ФБР на 23-м этаже Северной башни ВТЦ. Это золото, которое в узком кругу специалистов называют «Сокровища Золотой лилии».

Эти ценности были собраны японцами в течение пятидесяти лет грабежа Юго-Восточной Азии и Китая и спрятаны в годы Второй мировой войны на территории Филиппин из-за блокады Японии подводными лодками США. Оценки величины золотых сокровищ разнятся, но даже самые консервативные оценки измеряются многими тысячами тонн.

Опуская многие детали, отмечу, что американская разведка узнала об этих сокровищах, и они были конфискованы и размещены во многих новых местах, как в тайных хранилищах (депозитариях), так и в сейфах многочисленных банков. Самое примечательное, что об этом золоте знали только американские спецслужбы, но не конгрессмены и сенаторы, президенты и чиновники гражданских ведомств. Конфискованное золото также называют золотом Ямашита. По имени японско-

го генерала Ямашита Томоюки. Чем он прославился? Ничем. Прославился его шофер, который раскрыл американцам места хранения золота.

Так вот, золото Ямашиты стало источником финансирования многих секретных операций разведки США. По сути, это золото положило начало секретному бюджету («общаку») «глубинного государства». А в 80-е годы золото Ямашиты стало использоваться для проведения упомянутых выше золотых интервенций и поддержки американского доллара, что лишний раз подтверждает наличие тесных связей между американскими спецслужбами и Федеральной резервной системой США (по сути, они и образуют костяк «глубинного государства»).

Однако после Второй мировой войны американские спецслужбы забрали не всё золото, которое японцы спрятали на территории Филиппин. Фердинанд Маркос, президент Филиппин, активно искал японское золото. И ему удалось найти немало драгоценного металла. Американцы об этом знали. В 1986 г. Джордж Буш старший (который на тот момент был вице-президентом США, а до этого возглавлял ЦРУ) забрал золото у Маркоса и перевел его в ряд банков: американские «Ситибанк», «Чейз Манхэттен» и «Банкерс Траст», британский HSBC и швейцарский UBS, а также в депозитарий в Клотен, Швейцария. Дальнейшая судьба золота Маркоса покрыта мраком неизвестности. Но примечательно, что в конце 80-х — начале 90-х годов цены на драгоценный металл на мировом рынке беспрецедентно просели. Версия экспертов: золото Маркоса было выброшено на мировой рынок.

Эксперты, занимающиеся вопросами золота и «глубинного государства», уверены, что золото Ямашиты и золото Маркоса также активно использовалось для подрывной работы против СССР. Уже после развала Советского Союза за счёт указанного золота в Российской Федерации американцами проводилась спецоперация под названием «приватизация госсобственности». Мы знаем, что многие тысячи государственных заводов и фабрик были проданы небольшой кучке граждан, которые потом стали называться «олигархами», буквально за копейки. Однако накануне распродажи у этих будущих «олигархов» не было даже этих «копеек». Деньги им переводились по скрытым каналам из-за рубежа из фондов «глубинного государства», в том числе за счёт золота Маркоса.

Не вдаваясь в детали, замечу, что по ту сторону Атлантического океана, в США, целый ряд конгрессменов и сенаторов, иных политиков и общественных деятелей обратили внимание

на то, что американские спецслужбы ведут за рубежом очень уж активную деятельность. Настолько активную, что это явно не соответствует тем ассигнованиям, которые Конгресс США выделяет этим службам. Сьюзан Линдауэр (которая, как я сказал выше, была сотрудником аппарата конгресса накануне 9/11) в своей книге «Extreme Prejudice» пишет, что в Вашингтоне на Капитолийском холме готовились серьезные слушания и даже расследования по поводу того, что американские спецслужбы явно превышают свои полномочия, а их деятельность является секретной даже для высших должностных лиц США. Был обнаружен также ряд секретных фондов, о которых не знали ни в Белом доме, ни на Капитолийском холме. Например, фонд Агентства национальной безопасности, известный под названием «Черный орел».

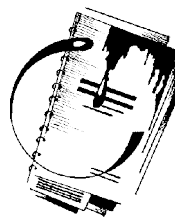
Сьюзан Линдауэр считает, что одна из важных целей нападения на ВТЦ и здание Пентагона — прекращение планировавшихся расследований, ликвидация секретных архивов и предотвращение разоблачений.

Андрей СОШЕНКО

ОТПУЩЕННЫЕ С НАГРАБЛЕННЫМ

Вот вопрос властям на засыпку: как так получается, что сначала выпускают из страны, а потом «заочно арестовывают» того, кого уже не достать?

Леонид Гозман (внесен в перечень экстремистов и террористов Росфинмониторинга, выполняет функции иностранного агента в России) — в свое время намозоливший глаза либералистический деятель. В 1993 году работал в международном центре имени Вудро Вильсона в Вашингтоне. Один из бывших руководителей партий «Союз правых сил» и «Правое дело», президент общественного движения «Союз правых сил», член общественного совета Российского еврейского конгресса. Он — бессменный хвост Анатолия Чубайса. Работал советником Чубайса в 1996—1998 годах, когда тот занимал пост руководителя администрации президента, а затем первого вице-премьера правительства РФ. С 1999 по 2008 год — член правления и полномочный представитель при Чубайсе в ОАО «РАО ЕЭС России», с 2008 по 2013 год — директор по гуманитарным проектам чубайсовского ОАО «Роснано». В 2018 году вместе с женой получил гражданство Израиля. Покинул РФ после начала спецоперации, затем вернул-

ДОСЬЕ "МГ"

ся, но вскоре после уголовного дела против его жены о неуведомлении о двойном гражданстве вновь стал проживать за пределами страны.

Приходится только удивляться, как и почему ему до 2021 года предоставляли право участвовать во всевозможных ток-шоу и информационных программах ЦТ России, а затем, начиная с 2022 года, — спокойно то покидать, то возвращаться в Россию. Почему не отдали под суд, хотя бы, скажем, году в 2019-м? Ведь изначально было понятно, что это враг страны и русского народа.

Как пишут, в отличие от некоторых своих соратников-иноагентов и русофобов, Гозман за границей в деньгах не нуждается. Ещё бы! Сколько они наворовали вместе с Чубайсом! После начала СВО он быстро получил ВНЖ Италии, где расположен вилла его бывшего шефа.

Ещё в 2007 году он задекларировал почти 540 млн. рублей. Из них, по состоянию на 2007 год, 13 млн., полученных от деятельности в РАО ЕЭС, 16,5 млн. рублей — средства от инвестиционных паёв, около 35 млн. рублей совокупно принесли вклады в двух крупных российских банках и почти 27 млн. рублей — вклад в Дойче Банке. А остальное, по словам Гозмана, мол, оборотные средства. Сколькими миллионами воровских средств прирастало его благосостояние — точно неизвестно. Лишь в одном 2019 году Лёня от вклада в швейцарском банке получил более 100 тысяч долларов.

И вот теперь, после того, как несколько раз давали ему возможность благополучно покинуть страну, государству приходится «бороться» с этим врагом. «Планово», так сказать, отпустили, а теперь «планово» наказывают того, кого не могут достать.

Сообщается, что Гагаринский суд в Москве принял решение о заочном аресте Леонида Гозмана, обвиняемого в призывах к террористической деятельности. «Судом принято решение о заочном избрании меры пресечения в форме содержания под стражей», — сообщили в суде. Мера вступит в силу после задержания Гозмана или его выдачи Российской Федерации.

Согласно материалам дела, ему инкриминируют часть 2 статьи 205.2 УК РФ (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности), предусматривающую наказание до семи лет лишения свободы. Причём это уже второе заочное уголовное дело. В июле прошлого года суд назначил Гозману наказание в виде лишения свободы на срок 8 лет и 6 месяцев по делу о распространении фейков о российской армии. Как стало известно в ходе заседания, основанием для возбуждения

данного уголовного дела стали публикации этого проходимца в соцсетях, содержащие искаженную информацию о действиях ВС России в украинской Буче.

А ведь ещё 6 лет назад я отмечал, что ранним утром 27 июля 2019 года на «Эхе Москвы» (радиостанция, ликвидированная в 2022 году и признанная в 2025 году нежелательной на территории России) президент ООД «Союз правых сил» и член общественного совета Российского еврейского конгресса Леонид Гозман публично и недвусмысленно провозгласил: «Революцию заказывали? Распишитесь. Да, та самая, какую хотели, цветная!.. Именно это ощущение — нельзя больше так жить — выводило людей к Белому Дому в августе 1991, на Майдан, на площадь Тахир, на штурм Бастилии... Сегодня — 27 июля 2019 года — вы, наверное, ещё сможете разогнать толпу. Но революция — это не одномоментный акт. Люди будут выходить ещё. На место арестованных придут другие».

Это был призыв к свержению законной власти! Отчего же его тогда не арестовали?!

А чуть ранее Гозман в блоге на сайте «Эха Москвы» потребовал отменить парад Победы, спекулируя на авиакатастрофе в Шереметьево в 2019 году. Парад 9 мая он назвал «бессмысленным понтом».

В 2022 году Гозман наговорил столько, что всего не перечислишь. Например, сравнивал советскую контрразведку СМЕРШ с фашистской организацией СС. А уж сколько всякого об СВО!.. Я уже тогда говорил, что этого «пламенного революционера» и зоологического русофоба кроме как решёткой, остановить невозможно.

Вот ещё одно из его заявлений 2020 года: «Это государство нужно строить заново, а не ремонтировать. Это та задача, которая перед нами встанет, надеюсь, достаточно скоро... Русский язык как государственный, мне кажется, абсолютно нормальная вещь. А вот предоставлять какие-то специальные права русской культуре или любой другой — этого делать не надо... Что прописать в Конституции? Мне кажется, мы не должны следовать за параноидальным стремлением нынешних властей удерживать территорию. Мы должны прописать механизмы выхода. У нас есть согласие, что нужно реализовывать европейский институт. Но должны ли мы при этом стремиться к формальному членству в ЕС, НАТО? Мне кажется, что да...»

Уже тогда, и в 2019 и в 2020 годах, были все основания «закрыть» этого «прогрессивного» деятеля. Но ничего государством предпринято не было.

В недавнем материале о ещё одном откровенном враге России, о котором также было всё ясно давным-давно, но которого

упорно «не замечали», пока тот не перешёл к откровенному воспеванию русофобов, Михаиле Гусмане, говорил — «Мишка Гусман башковит, у него предвиденье...» И точно, несмотря на увольнение Гусмана с поста замгендиректора ТАСС, с него как с гуся вода. Почему не привлекают по уголовной статье? А ведь если только поверхностно начать разбираться с его делами, то статьи УК повалят как из рога изобилия!

И с этого «героя», Гозмана, тоже как с гуся вода. Стоит ли ему беспокоиться о каком-то там «заочном аресте» в России, если он находится то в Италии, то в Израиле, то ещё в какой вражьей стране?

Впрочем, ещё более показательная история была с Чубайсом. Все в органах власти знали, что Чубайс — враг России, но делали вид, что не догадываются об этом, несмотря на умножающиеся потери для государства от его «деятельности».

В материалах 2024 года, опубликованных на Русской народной линии: «Чубайс формирует новый русофобский центр» и «Возвратить Чубайса в Россию» задавался вопросом: почему Москва не требует у Израиля экстрадиции Чубайса в Россию? По непонятным причинам ему дали спокойно в марте 2022 года свалить из России. Если уж так получилось, то хотя бы сейчас нужно добиваться принудительного возвращения его в страну. Ведь он и из-за границы будет пакостить России.

И, словно услышав этот призыв, председатель Госдумы В.М. Володин выступил с предложением экстрадиции Чубайса в Россию. Однако воз и ныне там! Но почему не последовало постановление об этом Госдумы?! Между тем, Анатолий Борисович, изменивший в Израиле свое имя на Натан Борухович Сагал, с награбленными миллионами долларов прекрасно себя чувствует на Западе и, скорее всего, консультирует геополитических врагов как эксперт по России. Более того: в дополнение к награбленному наше государство еще и доплачивает ему пенсию! По данным Telegram-канала Mash, она составляет 450 тысяч рублей в месяц. За период после отъезда государство перечислило Чубайсу в общей сложности около 13,5 миллионов рублей. При этом Натан Борухович ещё до отъезда продал всё своё имущество — на 4,3 миллиарда рублей. Реализованы были две квартиры в Москве, дома в Подмосковье и Тверской области, земельные участки, автомобиль и несколько снегоходов. Помимо всего прочего, он продолжает получать дивиденды от компаний. Свои деньги Чубайс держит в банках в Турции, Израиле, на Кипре, а также имеет два счёта в Казахстане. А хвост Чубайса, Лёнька Гозман, где-то при нём.

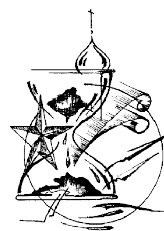
Андрей ГРУНТОВСКИЙ

О ДУХОВНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Духовно-нравственная мобилизация — комплекс мер, выдвигаемый современным российским руководством в связи с разворачивающейся гибридной мировой войной против России. Ещё двадцать лет назад руководство говорило о вреде всякой идеологии, теперь поиск её стал краеугольным камнем всех конференций и съездов.

Противостояние России и стран Запада — это традиционная форма взаимодействия наших конкурирующих цивилизаций на протяжении многих веков. История противостояния имеет периоды стабилизации и периоды войн и иных форм активных противостояний. Со средней периодичностью примерно в полвека имелись пики противостояний... Эпоха т.н. «застоя» была характерной эпохой стабилизации, которая имела выход в процессе смены социальной формации в России, поданной врагами России как проигрыш в «холодной войне».

На самом деле в 1980-е гг. Россия была на пике экономического и военного могущества, но в связи с ядерной угрозой геополитическое противостояние всё более переносилось в плоскость идеологии — третья мировая стала выст-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

раиваться как гибридная и в первую очередь как идеологическая война.

В начале перестройки (1984—1986) и экономика, и демография были на подъёме. Был рост рождаемости в связи с новыми веяниями — новыми надеждами на новое раскрытие социализма. Вера в то, что социальная справедливость — это верный путь к светлому будущему, ещё не покинула большинство граждан. В этот краткий период был заметный рост тиражей литературных журналов, выход огромными тиражами новых... Но дальше — по мере отказа от социализма — оба графика (тиражи книг и рождаемость), как параллельно взлетели, так параллельно стали падать. И, как известно, графики рождаемости и смертности в 1991 году пересеклись... С тех пор Россия — страна вымирающая. Так народ подсознательно ответил на обман перестройки. Что же касается тиражей литературы, то они упали в тысячу раз. Из самой читающей страны мы быстро превратились в самую смотрящую в «ящик», а после — в гаджет... Современная молодёжь начитана (по сравнению с советской) мало и, как следствие, лишена самостоятельного мышления. Выбор книги и прочтение книги — всё же формируют основы самосознания, чего не скажешь о просмотрах кем-то смонтированных роликов в сети...

Часть российской элиты поменяла свою идеологию (и культуру) на западную. По выражению Ельцина (ответ журналистам после расстрела Верховного совета), национальная идея была сформулирована одним словом: «Обогащайтесь!»

Но взглянем на историю формирования русской идеи. Наиболее известна уваровская формула: «Самодержавие, православие, народность». А впрочем, исторических формулировок русской идеи было много — время каждый раз выдвигало новые...

Вспомним кратко наиболее знаменательные среди них.

Святослав, ведя в бой своих дружинников (971 г.): «Братие и дружина! Лучше убиту быть, чем полонёну быть. Не посраим Землю Русскую, но ляжем костью, бо мёртвые сраму не имут». До православного мышления ещё далеко, но примат державного строительства — налицо. Более того, обращение: «братие», как и последующие: «братья и сёстры...» это всё отсылает к евангельской притче: высшее предназначение — отдать жизнь за брата (за други своя).

Затем — князь Владимир, выбор веры (988 г.)... Под пером летописца выбор веры — это выбор смысла национального строительства. Посланные в разные края дружинники докладывают князю... И вот эти суровые языческие воины рассказывают о православной службе: «И не знали мы — то ли мы на земле, то ли на небе». А это почти цитата из «Отче наш»...

Александр Невский (1242 г.), перед битвой: «Не в силе Бог, а в правде!». Это прямое продолжение митрополита Илариона — первичность благодати перед законом, выраженном им в «Слове о законе и благодати» (XI в.). Русская литература (Иларион, Епифаний Премудрый, Софроний Рязанец...) наряду с историческими правителями делается выразителем национальной идеи.

И вот уже старец Филофей пишет Василию Третьему (XVI в.): «Два Рима пали, Третий — Москва стоит, а четвёртому не быть...» И здесь опять же — примат духовно-державного строительства.

И вот замечательный ответ Чаадаеву даёт Пушкин (это одновременно с формулой тогдашнего министра просвещения С.С. Уварова): «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечества или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал» (1836 г.). Здесь духовное строительство поднято на историософскую высоту. Ведь одно дело — сменить отечество (т.е. — не пожелать «лечь за Землю Русскую», отречься от братии своей). А другое, нечто большее, — принять как Божий промысел всю свою историю (совокупность деяний своих предков: «Мой предок Рача мышцей бранной Святому Невскому служил...», «два чувства дивно близки нам...»)

А вот уже известная формула нашего времени — в ответ на очередной «дранг нах остен»: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» (И.В. Сталин, 1941 г.). Заметим, что 1941 год привёл в действие словесную формулу Святослава: «Братья и сёстры». И заслуга Сталина, что он озвучил именно эту — так необходимую цитату.

Но мы помним, что национальная идея — это не формула, придуманная кем или иным историческим персонажем, а объективная реальность — промысел Божий о народе: «Русская идея — это не то, что мы мыслим о России во времени, а то, что Господь промыслил о ней в вечности» (Владимир Соловьёв).

Государственная (идеологическая) работа в области литературы и искусства началась задолго до войны. В 1931 году И.В. Сталин сказал на съезде: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». В контексте звучит вполне мобилизующе — мы несомненно пробежим за десять лет и нас не сомнут! Но подготовка к грядущей войне лежала не только в области индустриализации страны, но и в области идеологического развития литературы и искусства. За эти

десять лет были сняты талантливые батальные, монументальные фильмы: «Александр Невский», «Богдан Хмельницкий», «Минин и Пожарский», «Пётр Первый», «Суворов» и др. В создании фильмов принимали участие члены советского правительства, лично Сталин. Сохранились стенограммы худсоветов (глава правительства находил время приезжать на Мосфильм на обсуждение сценариев). Сталин высылал в Вёшенскую самолёт, чтоб побеседовать с Шолоховым о том, как должен завершиться очередной том «Тихого Дона». С. Михалков вспоминал, как Сталин приглашал его в кабинет, чтобы поправить текст нового гимна. Так появились строки: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь». Сталин заменил «большевиков» первоначального текста на «великую Русь». И таких примеров множество. И он был безусловно прав — это современное построение национальной идеологии. Танки-самолёты, это — само собой, но без *государствообразующего народа*, вооружённого *государствообразующей идеей*, ничего не получится. И это он чётко озвучил в знаменитой речи после парада победы. Позволю себе ещё одну цитату вождя: «Главное в жизни — идея. Когда нет идеи, то нет и цели движения, когда нет цели движения — неизвестно, вокруг чего следует сконцентрировать волю».

К сожалению, нынешняя эпоха в этом свете выглядит не очень... Двухтысячные годы начались с идеологии «Обогащайтесь». А в это время продолжали сносить заводы и фабрики... Вместе с ними, не заметив, снесли национальную литературу и искусство. Даже кинотеатры в прямом смысле сносили, чтоб наполнить сознание молодёжи американским кинематографом. Главным издателем и фактическим министром культуры РФ стал Сорос... И из этой бездны мы ещё до сих пор не вышли. Это большая и отдельная тема.

Именно довоенная подготовка дала в 1941 году такой эффект, что когда грянуло — миллионными тиражами полились песни, стихи, книги о войне... Собственно, война была уже выиграна 22 июня 41-го года после известной речи Молотова. Вся страна поднялась — и пошла добровольцами. Уже на третий день войны на Белорусском вокзале перед отправляющимися войсками хор Александрова пел «Вставай страна огромная...» 22-го Лебедев-Кумач написал стихи, 23-го Александров — музыку, а 24-го хор уже репетировал прямо на вокзале. Что мог Вермахт противопоставить этому потоку поэзии, музыки, кинематографии? — Слабенькие и истеричные речи Геббельса? Что создала великая германская поэзия, проза за период войны? — Ничего. Совсем ничего. Вот это и доказывает, что «Наше дело правое»!

А что такого мы написали за три года СВО? Да будь хоть семи пядей во лбу, самый талантливый поэт не напишет ничего, если само государство ничего не сформулировало... Может, мы сражаемся за воссоединение Украины и России? — Нет, говорят нам. Может, за восстановление СССР? — И это — нет. Ни в коем случае! Может, хотим объединиться на принципе социальной справедливости (как хотели стихийные лидеры Донбасса в 2014-м году)... — И это — нет (да и лидеров тех уже нет, и идея Новороссии и русской весны забыта).

Так для чего всё? А для «денацификации». А что это? как это? Возможно ли военными средствами произвести денацификацию на всей территории Украины? — Увы, это задача невыполнима. И во всяком случае военными средствами не разрешима. Но каким-то чудом русский солдат всё же движется на запад, против пятидесяти государств. Не по сорок километров в сутки, как в среднем в Великую Отечественную, но всё же. Я бы и хотел (да дело не во мне — я всех наших пишущих имею в виду) написать «Вставай, страна огромная!» или «Жди меня!» или снял бы фильм... Стыдно вспоминать те фильмы, как бы патриотические, что сняты по госзаказу за последние десять лет. Да и как они могут быть не постыдны, ибо заказчики в Министерстве культуры — пятая колонна. Если весь подтекст всего снятого со времён перестройки — это отнюдь не восстановление социальной справедливости, не воссоединение с Украиной, не возрождение Российского государства, а напротив — дискредитация советского прошлого. Задача одна — облить грязью социализм, Страну советов, саму идею социальной справедливости. И вот всё пишется и снимается под соросовскую копирку: тупые, толстые и пьяные генералы, злобный НКВДешник, соблазняющий чужую жену, — и все они всячески мешают беспомощному главному герою, зекам-штрафбатовец и пр. — победить фашизм...

Конечно, мы всё же пишем, пытаемся писать своё, то, что нужно было бы, но и это не может сработать в полной мере, ибо подготовительный тридцатилетний опыт государственной работы по духовному укреплению общества — более отрицательный, чем положительный. Идея «Русского мира» оказалась не работоспособной. И вот на четвертом году войны (не за десять лет перед ней!) мы ищем опору для «духовной мобилизации». Опора одна — это национальная идея. А идея «обогащайтесь!» — это значит из службы Богу и мамоне выбрать службу мамоне, службу капиталу. Потому что «капиталистического патриотизма» не бывает. Сторонники капитализма на словах трубят про свою любовь к Родине. Но верить этому нельзя — они однажды отреклись от советского прошлого и служат капиталу.

По крайней мере, где-то с девяностых годов я повторял и повторял национальную идею так, как мне она представляется, как должна звучать в ближайшие десятилетия. И это не новая идея — она всё та же... Традиционную форму национальной идеи в России можно обобщить для будущего как «Самодержавность. Духовность. Социальная справедливость». В 1990—2000 гг. противостояние России и Запада, подогреваемое появившейся собственной коммерческой элитой, развивалось в основном, в экономической форме. Эту фазу противостояния КНР под руководством КПК прошла успешно, чем была доказана верность первоначального социалистического пути. В нашем варианте неверная политика привела к распаду страны, к череде межнациональных конфликтов.

В 2014 году Российско-западное противостояние перешло в военную фазу (если не считать двух чеченских и одной грузинской войн — как пробных сценариев дальнейшего развала России). К сожалению, ни в 2014-м, ни в 2022-м году национальная идея не была сформулирована, и идеология в целом развивалась как идеология буржуазная. Поэтому первая часть национальной идеи — «самодержавность» проявлялась в рамках власти национальной буржуазии. «Духовность» — так же оставляла желать лучшего. Достаточно пролистать каналы ТВ, и можно убедиться, что не только ток-шоу, но и государственные рекламные ролики, призванные мобилизовать, — увы, имеют обратную реакцию. Они деморализуют население. Маленький пример: работает телевизор, реклама долбит и долбит. На один рекламный ролик — «присоединиться к СВОим» — сразу вслед идёт десяток роликов, страстно призывающих всё бросить и бежать куда-то на распродажу. В совокупности — гипнотизирующая установка «продать Родину». Случайно такое сочетание реклам в эфире? Или продуманный «маркетинг» пятой колонны?

Наконец, вопрос «социальной справедливости» и вовсе убран за кадр. Понятно, что победа в СВО возможна только при явном желании украинского народа воссоединиться с великороссийским. Тогда объединённый Запад утратит своё орудие воздействия на Россию. Но при существующей идеологии и отсутствии конкретного плана войны это невозможно. Поэтому и духовно-нравственная мобилизация возможна только в той мере, в какой ныне проводимые идеологемы совпадают с подлинными историческими. Что же касается мобилизующей функции литературы и искусства, то она прямо пропорциональна идеологическому самосознанию народа. Какие бы насыщенные национальной идеологией произведения ни создавал писатель, они не найдут поддержки в обществе, в котором не сформирована

потребность в обращении к литературе как к источнику национального самосознания.

Где-то стихийно поставили памятники Шукшину, Рубцову, Вампилову... Присутствовало руководство страны или хотя бы местное руководство на открытии? Нет. Но оно присутствовало на открытии памятника Солженицыну. Вот его-то, Александра Исаевича, произведения носили ярко окрашенный идеологический характер, с вполне означенной прозападной, антисоветской идеей.

И тем не менее ничего другого, кроме выражения национальной идеи через литературные произведения, мы, деятели культуры, предложить не можем. Потому и продолжаем работать в надежде, что «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется!»... Возможно, и оно внесёт свою лепту в формирование национальной идеи завтрашнего дня.

Михаил КОВАЛЁВ

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ «КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ»

В сентябре посетил форум-фестиваль «Российской креативной недели», проходивший в Москве в Национальном центре «Россия». Чуть не под барабанный бой собравшиеся там хорошо оплачиваемые кириенковские «креаторы» строили радужные перспективы. Так я называю «новый креативный класс» менеджеров, среди которых преобладают бойкие, раскрашенные, с иголки модно одетые молодайки. Объявили об очередном «прорыве» и рождении новой «креативной экономики». Цитирую: *«Креативная экономика — это 16 отраслей, закрепленных законом: IT, дизайн, архитектура, реклама, гастрономия, мода, кино, музыка, литература. Все они объединены одной чертой: их продукт — интеллект. Растут эти отрасли в четыре раза быстрее сырьевой».*

У креаторов, как всегда, нелады с логикой и русским языком. Продуктом экономики у них, видите ли, является интеллект. Однако интеллект, а по-русски ум, определяется наследственностью, и его развитие зависит от образования... Продуктом же экономики является то, что можно продать. Правда, сами-то креаторы рады продаваться подороже... И без рассчитанного на профанов шулерства креаторы обойтись не могут. О каком росте они говорят, если наши доходы от сырьевой отрасли резко упали из-за санкций. Они этого не знают? Впрочем, если литературу и гастрономию объединяет общий продукт под названием интеллект, то всё может быть.

Темнота и малограмотность не мешает креаторам, а наоборот подталкивает к громогласным заявлениям на секции «визионеров»: *«Центральным событием Форума станет главное пленарное заседание «Государство-визионер: новая философия интеллектуально-креативного лидерства России». На пленарной сессии будет заложена философия новой российской модели: экономика, в которой главный капитал — смыслы, а главный ресурс — талант в любой точке страны».*

Чему, чему, а навешиванию на уши популистской лапши креаторы-визионеры научились. Но почему-то стесняются назвать себя по-русски провидцами... Итак, на своей сессии провидцев они, конечно, уже придумали новую философию, которая якобы обеспечит России блестящее будущее.

На этот раз известный в народе как киндер-сюрприз главный идеолог и толкач «креативных индустрий», замглавы администрации президента, ответственный за внутреннюю политику Сергей Владиленович Кириенко на «креативной неделе» не появился. А раньше ведь посещал и делал основополагающие заявления. Особенно запомнилось его выступление пять лет назад на фестивале «Таврида АРТ Moscow»: *«Иваново сегодня может стать российской — а может быть и мировой — столицей современной моды. ...Может быть, неожиданно, а может быть, логично то, что сегодня Калмыкия со своими уникальными культурными особенностями потихоньку становится и может всерьёз стать столицей мировой электронной музыки».*

Но вот на нынешней «креативной неделе» я что-то не заметил ни модных изделий из Ивановского «мирового центра», ни превращения Калмыкии в «мировой центр». Были, правда, представлены какие-то бледные платья модельеров из Дагестана и то ли русские, то ли мусульманские платки. Видимо, чтобы обозначить декларируемую президентом связь с традициями. Но эти изделия вряд ли станут носить даже московские модницы-креаторши.

Очень мало было представлено на «креативной неделе» каких-либо материальных подтверждений «креативного прорыва». Были чашки из особого, но изготовленного по давно известному рецепту фарфора. Они приехали в Москву из Саранска, наверное, лишь потому, что хозяин предприятия балуется абстракцией. Чашки стояли на фоне его «художественного» откровения, состоящего из тёмных полос краски, намазанных на металлическую сетку... Были полированные неразборные деревянные матрёшки в рост человека с нелепыми «лицами», изготавливаемые в Подмоскowie. Стоили дорого. Видимо, были рассчитаны на заполнение в «русском стиле» пустот в просторных замках московских нуворишей.

Были ещё пижонского дизайна автомобильные колёса. Репортёр из Известий бойко начал репортаж о «неделе» с них: *«Колесо изобрели больше 5 тыс. лет назад. Но среди ноу-хау, связанных с этим предметом, не только яркий дизайн, но и авторский молекулярный состав. Как рассказал представитель компании по производству колесных дисков Александр Лебедев, «данные диски адаптированы под наши климатические условия за счет изменения на молекулярном уровне, и теперь диски более устойчиво относятся к нашему климату».*

Колёса металлические, а металл, как известно, имеет кристаллическое, немолекулярное строение. Нет там молекул, одни атомы! Репортёру его темноту ещё простить можно. Но то, что представитель компании тоже этого не знает, наводит на грустные мысли о «философии лидерства».

В интервью по поводу открытия «креативной недели» президент АНО «Креативная экономика» и директор форума «Российская креативная неделя» Марина Монгуш поведала о годовом объёме всей креативной отрасли России в 7,5 триллиона рублей и добавила: «Это же триллионы долларов!» Здесь любопытно не только подобострастное стремление всё переводить в баксы, но и восторженная попытка объявить сумму примерно в 89 миллиардов триллионами.

Креаторы с гордостью сообщают — креативные индустрии составляют 4% ВВП (валового внутреннего продукта) и заняты в них 15% населения. Но чем гордиться, если занятые в остальных отраслях производят почти в 4 раза больше продукта (по стоимости) в расчёте на человека?!

Кириенко и его креаторы совершают двойной подлог. С экономической стороны их «креативные индустрии» по определению не входят в сектор экономики, производящий не обслуживание, не массовую культуру и пропаганду, а использующий

научные достижения и сложные технические наработки. То же машиностроение, создание новой техники, принципиально нового оружия, где творческий подход может быть даже более важен, чем в «креативных индустриях», к ним не относятся! То есть, все воздушные замки грядущей «креативной экономики» есть не что иное, как блеф!

Второй подлог — со стороны культурной политики. Это губительная для страны попытка оттянуть молодёжь от научно-технического творчества, направить её способности на достижение лёгкого материального успеха, да побыстрей. О культурной составляющей «креативных индустрий» Кириенко высказался так: *«Пусть это останется правом выбора каждого человека, насколько он хочет заниматься свободным творчеством, которое не для продажи и не под заработок, и в какой степени он готов превращать творчество в бизнес. Не стоит задавать никаких критериев по этому поводу. Я очень надеюсь, что форум даст возможность художникам, людям творчества реализоваться в том числе и в бизнесе».*

Совершив ряд переобуваний в воздухе, бывший комсомольский карьерист под видом поддержки культуры занимается, как раньше говорили, её коммерциализацией. Хотя Кириенко помалкивает о том, стоит ли и как поддерживать не желающих переделываться в бизнесмены художников. Но он прекрасно понимает, что творчество действительно нуждается в государственной поддержке. И его креаторы знают, кого надо поддержать за счёт налогоплательщика, кому раздавать премии и гранты. Не удивительно, что всё это идёт дорогим сердцу хозяина художникам-авангардистам и писателям либерального направления. Относительно же писателей-патриотов позиция властей с истинно фарисейской издёвкой была сформулирована бывшим руководителем Роспечати М.Сеславинским: *«Нам представляется логичным и очевидным, что родным причалом для писателей является Родина, а не государственный орган, а источником вдохновения — талант и творческий взгляд на жизнь, а не гранты».*

Сеславинский, такой же птенец гнезда Немцова, как и Кириенко, был выдвинут из Нижнего на руководящие посты в федеральных СМИ Сергеем Владиленовичем в бытность премьером. Ныне Сеславинский ушёл с высоких постов, но его единомышленники вроде несменяемого В.Григорьева и всяких Швыдких рулят по-прежнему.

Андрей СОШЕНКО

О ЧЁМ ПРЕДУПРЕЖДАЛИ — СВЕРШИЛОСЬ

В дни освобождения Мариуполя, в марте 2022 года, когда стали понятны масштабы разрушения города, в материале «Так Русь или один сплошной Самарканд?», я предрекал, что с такой-то миграционной и трудовой «политикой», город, как, впрочем, и остальные освобождённые территории будут наполнять мигрантами. Говорил, что «пятая колонна» обязательно воспользуется ситуацией для направления миграционных потоков в освобождённые новые регионы под лживой эгидой «дешевизны рабочей силы». Чуть ниже, кстати, мы увидим, насколько «дешева» «дешевизна рабочей силы».

И писал тогда, что если сразу во власти не предпримут упреждающие меры, то будет происходить то, что и творится сейчас. А именно: *«Рано или поздно встанет вопрос о восстановлении разрушенного на т.н. Украине, в частности — о стройках и рабочей силе на них. Множество бывших украинцев разбежались в Европу и Россию, территории на какое-то время будут опустошены. Не для того ли, в частности, держат в готовности миграционные потоки из Средней Азии и Южного Кавказа, чтобы направить их на освобождённые территории в Малороссии под видом восстановления разрушенного, чтобы заселить мигрантами тамошние земли, не дать в спокойном темпе возвратиться домой одумавшимся бывшим украинцам, которые временно забыли, что они — русские? И что тогда будет с городами и весями т.н. Украины?»*

Говорил об этом еще весной 2022 года, но никто во власти не обратил внимания на эти слова, а потому всё шло и идёт как по писаному. Таким образом, дискредитируется и СВО, и присоединение к России «новых старых» регионов, потому что местные жители, русские, видят, что происходит освобождение от одного засилья (русофобской киевской хунты) и тут же насажается другое — русофобское мигрантское.

В середине 2023 г. в материале «Такая госнацполитика — не геноцид ли русских?» говорил, что паблики пестрят сообщениями о наплыве южных гастарбайтеров в новые регионы. В частности, рассказывал о выводах известного общественного деятеля Михаила Маваши при его посещении Мариуполя. Он

констатировал, по свидетельствам местных жителей, что таджиков уже тогда была просто тьма, завозили их уже семьями с детьми. Причем тезис адептов миграции о том, что местным нужно платить больше, чем мигрантам, подтверждался наоборот. Зарплата на стройках более чем солидная, местные желают устроиться на работу, но не могут. Это ли не ущемление прав по национальному признаку? Коренным жителям платят меньше, чем мигрантам, преимущество в трудоустройстве отдаётся приезжим. Сами же жители были уверены в том, что после строительных работ, мигранты не уедут, а заселятся в возведённые дома и останутся здесь с семьями навсегда. Как и предполагал изначально, многонационалов сразу ориентировали на постоянное место жительства здесь. Это были не вахтовики.

После того, как в Мариуполе «процесс пошёл» уже полным ходом, в апреле 2024 года глава фракции «СРЗП» в Госдуме Сергей Миронов оголил проблему, заявив, что жители Мариуполя жалуются на заполонивших город мигрантов, живущих по своим порядкам. Сергей Михайлович отметил, что аналогичная ситуация наблюдается и в других населённых пунктах, перешедших под контроль России.

Ответственность за приезд мигрантов Миронов возложил на Минстрой России. Ну а этим министерством руководит Ирек Файзуллин, подчинённый Марата Хуснуллина. Миронов считает, что застройщики города «тиражируют свою излюбленную бизнес-модель». По словам политика, приезжих заселяют в неподлежащие продаже квартиры в уже отстроенных домах в качестве оплаты труда. «Вопросы — к Минстрою и подконтрольной ведомству компании «Единый заказчик», при попустительстве которых происходят подобные безобразия», — констатировал Миронов. По его утверждению, большое число мигрантов в Новороссии дезавуирует политический успех Москвы в регионе, так как даёт некие козыри Киеву. «Радость освобождения от укрофашизма и возрождения родного города у мариупольцев сменилась недоумением и тревогой, когда сюда хлынул поток мигрантов... Лучшего подарка укронацистской пропаганде трудно придумать», — пояснил он.

В апреле—мае 2024 года после вмешательства главы Госдумы кто-то зашевелился в исполнительных органах. Сообщалось, что в Мариуполе оштрафовали аж 18 (!) незаконных мигрантов и аж троих (!) выдворили за пределы России. Об этом отчитался Глава Республики Денис Пушилин. Но в Мариуполе их, мигрантов, только по официальным данным, 15 тысяч! А сколько неофициально?

Ещё через месяц в 2024 году поведали, что сотрудники ФСБ по ДНР совместно с республиканскими МВД и Росгвардией

провели рейд в Мариуполе и Волновахском районе по выявлению мигрантов, незаконно находящихся на территории России. Тут уже 49 мигрантов привлекли к административной ответственности, а целых 33 из них выдворили за пределы России. А сколько мигрантов приехало в ДНР на следующий день? Скорее всего в десять или в двадцать раз больше.

В том же 2024 году Пушилин в эфире телеканала «Россия» рассказал, что возникающие в ДНР проблемы с незаконными трудовыми мигрантами чётко решаются правоохранительными органами: «За два месяца на учёт встали и легально работают свыше пяти тысяч человек».

Но «незаконная» миграция ничем не отличается от «законной». Республиканские власти по отмашке некоторых федеральных структур переводят «незаконных» мигрантов, ставя их на учёт, в «законные». И в упрощённом порядке предоставляют им гражданство. Оказывают, так сказать, содействие, переводя в «тожероссиян». Но уменьшается ли от этого уровень преступности и дерзость поведения мигрантов? Нет, конечно. Просто проблема загоняется в ещё более безобразное состояние.

По моему мнению, боевой Донбасской республике нужен такой руководитель, каким является глава Крыма Сергей Аксёнов. Сергей Валерьевич постоянно призывает приступить к реальному разрешению миграционных рисков в стране. Он отмечает, что трудовым мигрантам необходимо запретить привозить в Россию семьи, а также исключить для них возможность получения российского гражданства на основании трудовой визы. С его слов, должны пресекаться «любые попытки формирования этнических анклавов», миграционная политика в России должна быть ужесточена, а трудовая миграция должна максимально контролироваться государством. И в этом направлении всё это делается на территории Крыма.

«Царьград» в ноябре прошлого года констатировал: «В Донбассе уже сейчас засилье мигрантов. И мириться с этим жители не хотят. Говорят: боролись с ВСУ и киевским режимом, а получили халифат. Как отмечают жители Донбасса, проблема заключается не только в том, что мигранты заняли рабочие места. Жители Донбасса пишут в соцсетях: «Выслать всех иноземцев-строителей, а вместо них набрать своих. Они заполонили республику. Это что, такой «Русский мир» будет теперь?»

Просматривая паблики на предмет преступлений и бесчинств мигрантов уже в 2025 году, приходится сталкиваться всё с большим числом сообщений на эту тему из «новых регионов» России. О чём мы предупреждали весной 2022 года — уже свершилось.

Валерий ХАТЮШИН

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2025 г.
(Сентябрь — октябрь)

7 сентября в Москве состоялся Общемо­сковский крестный ход. Он собрал несколько сотен тысяч верующих людей. Многие пришли с детьми. Шествие было от Храма Христа Спасителя до Новодевичьего монастыря. Людской поток растянулся на шесть километров. Крестный ход возглавил патриарх Кирилл. 12 сентября Крестный ход прошел в Санкт-Петербурге. Он собрал около ста тысяч человек.

КПРФ уже давно никаких митингов и никаких шествий не проводит. А в прежние времена с каждым годом на эти митинги и шествия приходило всё меньше и меньше народа. И теперь, в 2025 году, будь такой зюгановский митинг, на него придут максимум двести человек со всей многомиллионной столицы.

О чём эти два факта говорят? О том, что страна наша стала совсем другой. Что нет уже того разделения общества среди простых людей, которое было еще лет 20—30 назад. Русский народ всё более становится православным и всё менее заражённым блефовыми «коммунистическими идеями». Русский народ в принципе по своей ментальности и ду-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

шевному состоянию уже гораздо ближе к единству, нежели к разделению.

Всё вышесказанное приведено мною к тому, чтобы, наконец, настало понимание: не будет уже никаких протестов и никаких столкновений — ни словесных, ни тем более физических — после выноса в конце концов из мавзолея и погребения в земле тела Ленина. Не будет уже никакой вражды у нас по этому поводу, чем до сих пор пугали страну коммунистические демагоги, да и верховные власти тоже. Страна спокойно и во многом безразлично отнесется к факту захоронения тела этого несчастного, выставленного напоказ мёртвого человека. Хватит уже, наверное. Насмотрелись. Более того — страна вздохнет с облегчением. И уже не будет никаких многолюдных протестов или демонстративных акций по этому поводу. Ну, может быть, покричат возле здания бывшего музея Ленина несколько экзальтированных старушек — пять-шесть, не более. И этим всё ограничится.

Актом захоронения ничуть ведь не будет унижено для них величие Ленина. Как ничуть не унижено оно актом захоронения Сталина и других великих исторических деятелей. Более того, именно тогда и произойдет настоящее, полное примирение народа по отношению к личности и делам этого человека. А на месте мавзолея на Красной площади, конечно же, должна быть поставлена часовня, примиряющая всех.

А почитающие Ленина пусть изучают его труды, пусть возлагают цветы и венки на его могилу и к его многочисленным памятникам. И труды его не запрещены, и памятники ему стоят по всей стране, практически в каждом городе.

* * *

Все участники политических телешоу главных каналов ЦТ вот уже около года самозабвенно комментируют, обсуждают, по множеству раз цитируют каждое слово, сказанное Трампом. Никто из политиков последнего времени не удостоился такого чуть ли ни молитвенного повторения каждого звука, произнесенного обожаемым этими телеэкспертами «непредсказуемым» американским президентом. Что бы он ни сказал — для них это тема «дискуссий» на весь политический телевизионный вечер. Положение дел и события в самой России — это для них давно уже предмет неинтересный, никчемный и ненужный. Дональд Фредович Трамп и всё, что вокруг него, — вот главный, как теперь говорят и пишут, месседж политических обсуждений.

И Трамп, зная это, ежедневно подбрасывает в информационное пространство новые и новые темы и поводы для обсасывания их говорящими телеголовами. Причем темы эти часто, да

практически всегда, одна противоречит другой, одна перечеркивает другую (на словах) и одна абсурднее другой. То он Путин объявляет своим другом, то обещает его наказать за несостоявшуюся встречу с Зеленским. То называет Россию великой державой, победившей Наполеона и Гитлера, то сравнивает ее с «бумажным тигром»... То обещает остановить войну на Украине за сутки, то признается, что это оказалось слишком непростым делом, то утверждает, что «настоящая военная держава» могла бы это сделать меньше, чем за неделю. То требует остановки «бойни, в которой гибнут миллионы», то обещает еще долго поставлять оружие для этой самой «бойни»...

В его речах, как правило, перемешано всё: и высосанный из пальца блеф, и порой трезвый, четкий взгляд на вещи. И ведь действительно, довольно трудно понять, во что он больше верит сам — в собственный бред, или в собственный разум.

Довольно не глупо, а в чём-то даже и дальновидно выступив на 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре этого года, Трамп уже из своего Белого дома сделал очередное «сенсационное» заявление для прессы: *«После того как я изучил и полностью понял военную и экономическую ситуацию вокруг Украины и России и увидел экономические проблемы, которые это создает для Москвы, я считаю, что Украина при поддержке Европейского союза находится в положении, позволяющем сражаться и вернуть себе всю территорию в ее изначальных границах... Россия уже три с половиной года ведёт бессмысленный конфликт, который настоящая военная держава должна была выиграть меньше, чем за неделю. Это не делает чести России. Наоборот, это всё больше заставляет ее выглядеть «бумажным тигром». ...Мы продолжим поставлять оружие НАТО, чтобы альянс использовал его по своему усмотрению».*

Кто бы сомневался, что оружие будет поставляться. Но при всём при этом он, американский президент, совсем недавно отдавший приказ бомбить Иран, очень рассчитывает на получение Нобелевской премии мира... Причем с подачи (с письменного представления его на эту премию) премьер-министра Израиля Нетаньяху, превратившего в руины сектор Газа и устроившего геноцид палестинцам. По всей видимости, исключительно ради получения Нобелевской премии мира Трамп переименовал свое Министерство обороны в Министерство войны...

* * *

Но вот что интересно: казалось бы, в своем выступлении на ГА ООН Трамп подкинул соловьевско-скабеевским телеэкспертам для обсуждения важнейшую тему — оккупационной юж-

ной миграции в европейские страны. Трамп похвалился, что у себя в стране он эту проблему решил, а вот Европа, по его убеждению, погибает от южной миграции, и если эту оккупацию не остановить, последствия будут непредсказуемыми. В Англии, как он сказал, мигранты уже требуют установления законов Шариата. Но ведь проблема эта, как мы все знаем, ничуть не в меньшей степени касается и России! Но наши телеэксперты, истолковывающие каждое слово Трампа, тут вдруг прикусили языки. Тема эта для обсуждения оказалась для них нежелательной. Оказывается, понимают они, чего не надо касаться, чтобы не лишиться телекормушки и возможности светиться на все-российском экране...

А вот другого повода поёрничать — конечно, не упустили: всей гурьбой кинулись на очередную трамповскую заманку в виде «бумажного тигра». И наперебой начали повторять очень уж понравившийся им аргумент пресс-секретаря Д. Пескова о том, что, мол, Россия — не тигр, а медведь. И что бумажных медведей не бывает... Так сказать, по-детски отделались игрой слов и были этим очень довольны. Но дело-то, в реальности, не в словах. И главный смысл трамповского заявления заключался не в китайском выражении «бумажный тигр», а совсем в другом — в том, что на Украине еще в 2022 году, а еще лучше в 2014-м, «настоящая военная держава должна была выиграть меньше, чем за неделю». Однако этих слов соловьевско-скабевские говорящие головы как бы не услышали...

* * *

Как оказалось, в списке претендентов на Нобелевскую премию мира 2025 года, утвержденном Нобелевским комитетом, присутствует и фамилия Зеленского. Интересно, кто же этого ублюдка представил в качестве номинанта на эту премию в Нобелевский комитет? Утверждение его в списке претендентов есть самая позорная дискредитация и самой премии, и Нобелевского комитета.

* * *

Ежедневно наносятся взаимные ракетно-дроновые удары по энергетической инфраструктуре Украины и наших южных областей. После этих ударов и там, и здесь население остается без света и воды. Мучаются простые люди. Но при этом центры принятия решений в бандеровской столице остаются целёхонькими. И чуть ли ни каждый день в гости к лупоглазому ублюдку по железной дороге едут европейские спонсоры. Почти через всю «незалежную». Ни электропитание этих поездов, ни мосты через реки, ни туннели за четыре года «войны», в смыс-

ле спецоперации, так и не тронуты. И главный центр хохлооболвания, киевский телецентр, работает безотказно, на всю катушку. А простые люди в провинциях — и у нас, и у них — сидят без света и воды.

* * *

Как ни облизывали Трампа наши журналисты и политологи, сколько В.В. Путин ни повторял свои слова об уважении к нынешнему президенту США и о его умении держать себя достойно, сколько с улыбками ни пожимали они друг другу руки и ни похлопывали друг друга по плечу во время встречи на Аляске, в конце концов 7 октября этого года Дональд Трамп объявил на весь мир о том, что принял решение о передаче Украине крылатых ракет средней дальности «Томагавк». Ракет с дальностью полета 2400 км и с боевым зарядом в половину тонны. Как сообщают специалисты, отследить старт этой ракеты невозможно и точно так же невозможно зафиксировать движение этой ракеты, летящей на низкой высоте со сверхзвуковой скоростью. Радары могут «увидеть» ее только при приближении к объекту, намеченному для удара. Во всяком случае пока, на сегодняшний день. Может эта ракета нести и ядерный заряд. В.В. Путин на Валдайском форуме в начале октября как-то успокоительно сказал о том, что «Томагавки» не изменят ситуации на фронте. Может быть, и не изменят. Но сколько при этом погибнет наших людей из гражданского населения! А объектами для удара могут стать наши атомные станции...

И тут нельзя не сказать, что к этой ситуации мы пришли исключительно в результате отвода наших войск из-под Киева в 2022 году. И второй не менее значимой причиной решения передачи нацистскому режиму столь опасного для нас оружия является сохраненная жизнь жидобандеровского ублюдка Зеленского. Как только он будет ликвидирован, то и «Томагавки» этому режиму не понадобятся, т.к. сам этот режим рухнет. И вряд ли в Киеве кто-либо захочет занять место кокаинового паца, чтобы тут же вслед за ним отправиться в объятия Бандеры. Каждый будет знать и понимать, что уж если Зеленского «москаль» не пожалели, то с ним тем более церемониться не будут...

Вечером того же дня, 7 октября, В.В. Путин провел заседание Совбеза России. Видимо, для успокоения населения телевидение показало выступление Верховного главнокомандующего перед членами Совбеза, выступление оптимистичное, а также отчет начальника Генерального штаба В.Герасимова о продвижении российских войск по всем фронтам. В показанных по ТВ выступлениях на этом заседании о «Томагавках» не было сказано ни слова. Это, конечно, правильно — чтобы не пугать

народ. Но в глазах всех членов Совбеза, и это было видно по кадрам с экрана, присутствовало напряжение. Стало понятно, что при доставке этих ракет в «незалежную» война с НАТО приобретёт совсем иной характер и что в случае вступления в дело «Томагавков» это уже будет реальная **война**, а не Спецоперация. Управлять «Томагавками» будут англосаксонские спецв, а заокеанский «миротворец», бывший претендент на Нобелевскую премию мира, раскроет свою истинную сущность **основного** врага России.

* * *

Нобелевский комитет поступил еще хуже, чем многие ожидали, дискредитировал себя еще больше, нежели это произошло бы в случае с Трампом. Он вместо Трампа на Премию мира выбрал диссидентшу из Венесуэлы Марию Корину Мачадо, призывавшую к оккупации своей родины. Свою роль Гуайдо в юбке она сыграла на потребу Трампу, вот ее и наградили.

Личный враг президента Венесуэлы Николаса Мадуро, она то и дело обращалась к США: «Для свержения режима нам необходима международная поддержка». И в конце концов, а уж теперь, после присуждения ей Нобелевской премии мира, Трамп вне всяких сомнений нападет на Венесуэлу. Вопрос только в одном: сможем ли мы оказать Мадуро военную поддержку?

Норвежский Нобелевский комитет по присуждению премии мира давно уже стал таким штабом по разжиганию и провокации войн, заражённым патологической русофобией. При этом нужно не забывать о том, что деньги в созданный им Нобелевский фонд Альфред Нобель заработал именно в России.

* * *

В октябре в Египте подписано очередное псевдосоглашение о мире на Ближнем Востоке. После того, как превращен в руины Сектор Газа и за последний год убиты более 70 тысяч палестинцев. Трамп заявил, что он остановил здесь войну на 3000 лет вперед. Этот пустой красноречивый и неутомимый самопиарщик надеялся с помощью этого «соглашения» получить Нобелевскую премию мира. Но всё равно не вышло. Во-первых, в Комитете по этой премии сидят его враги-либералы, друзья американской партии демократов, а во-вторых, все, кто способен анализировать, прекрасно понимают, что «соглашение» это — филькина грамота, написанная вилами на воде.

Между кем и кем соглашение? Под ним нет подписей лидеров Палестины и Израиля. А подписали его главы отдельных европейских, азиатских и африканских стран, которые не будут нести никакой ответственности за соблюдение или нарушение

этого псевдосоглашения. Какое оно уже по счету? Сколько их было! И кто их всегда первым нарушал или устраивал провокации ради срыва этих «соглашений»? Всегда и только Израиль! Пока здесь существует это преступное, искусственно слепленное «государство», войны на Ближнем Востоке будут идти бесконечно. Даже создание полноценного государства Палестины войны здесь не остановит. Более того, именно тогда начнется война на полное уничтожение палестинцев и изгнание их с этой земли. Причем главную роль в развязывании этой войны и в этом изгнании будут играть американцы вместе с англичанами. Впрочем, никакого палестинского государства здесь ни штабовские глобалисты, ни сионистские фашисты не допустят. И новой зачистки палестинской территории англосаксам долго ждать не придется.

* * *

16 октября В.Путин позвонил Трампу. Разговор подлился более двух часов. А на 17 октября у Трампа была запланирована встреча с Зеленским, прилетевшим в Вашингтон, для окончательного решения вопроса о поставках «Томагавков». Но телефонный разговор американского президента с Путиным смещал все карты. Вопрос с «Томагавками» для «незалежной» повис в воздухе. О чём договорились Путин с Трампом — неизвестно. Пока стало известно только то, что была намечена их новая скорая встреча — в Будапеште. Конечно, главной темой переговоров будет Украина. Если Трамп всё же откажет Зеленскому в поставках «Томагавков» (пока только на словах, для информационного эффекта), это будет означать, что Россия (в лице ее президента) согласилась пойти на какие-то серьезные уступки. По-другому Трамп никакие переговоры не воспринимает. И эти уступки должны будут окончательно обговорены и оформлены на встрече в столице Венгрии. Такова логика момента.

Абсолютно ясно, что договариваться с Трампом ни о чём нельзя, и верить ему тоже ни в чём нельзя.

Но всё же скорее всего впереди — раздел Украины.

* * *

На встрече 17 октября в Белом доме с Зеленским Трамп, по официальной версии, пока отложил передачу ему ракет средней дальности «Томагавк». Но это именно «пока», до встречи в Будапеште с Путиным. А точнее сказать, отложил не передачу, а нанесение ударов «Томагавками» по нашей территории, т.к., по сообщению патриотических СМИ, эти ракеты уже доставлены в Польшу и находятся рядом с границей с Украиной. Зеленскому

нужно было официальное «добро» на пуски этих ракет после пересечения этих установок польско-украинской границы. Но «пока», как уверяют американские официальные лица, небритый бандеровский клоун уехал ни с чем. Хотя пока никто не знает, о чём они в реальности договорились. Старый хитрый лис Дональд ведет не двойную, а тройную игру, пытаясь переиграть всех в свою личную пользу. Но, конечно же, дальнейший расклад действий на поле боя решится после переговоров в Будапеште. Для нас идеальным был бы вариант, если бы мы до этих переговоров освободили весь Донбасс.

23 октября Трамп перед журналистами заявил, что откладывает на неопределенное время встречу с Путиным в Будапеште. Что и следовало ожидать.

* * *

На социальном ресурсе «ВКонтакте» в группе «Молитвы русских поэтов» поместили стихотворение Юрия Кузнецова «Завещание», в котором рефреном идет строчка «В тени от облака мне выройте могилу». И посыпались восторженные отклики читателей именно на эту строку. Но представим себе, что эта строка вышла из-под пера Пушкина... Как пошло и глупо она звучала бы в его устах!..

Вот этим и отличается истинная поэзия от игры слов, чем всю свою стихотворческую жизнь как раз и занимался Ю.Кузнецов.

Кстати, похоронили Кузнецова совсем не в тени от облака. А вот Пушкин был похоронен именно там, где и завещал, — рядом с могилой своей матери у стен Святогорского монастыря в Псковской губернии:

*И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.*

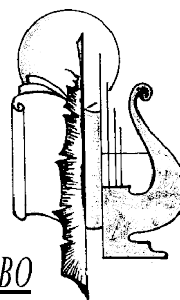
Руслан СЕМЯШКИН

ВСЕГДА ЗВУЧАТЬ СВИРИДОВСКИМ КОЛОКОЛАМ

К 110-летию со дня рождения Георгия Свиридова

Георгий Свиридов, чей 110-летний юбилей со дня рождения приходится на 16 декабря 2025 года, — явление в отечественном музыкальном искусстве не только уникальное и неповторимое, а прежде всего исконно русское, восхищавшее слушателей как в России, так и за рубежом своей потрясающей естественностью, воплощавшей пение самой русской души, пронизанное болью и радостью, искренними чувствами и переживаниями. И чувства эти рождались у слушателя благодаря исключительной традиционности музыки Георгия Васильевича, ее глубочайшей связи с наследием предшествующих эпох и наследием великих русских композиторов, дело которых он с огромной любовью к России и всему русскому мастерски и продолжил в бурном и судьбоносном XX столетии.

Свиридов — выдающееся явление мировой музыки XX века. И такую исчерпывающую оценку давали ему не одни лишь советские и российские музыковеды. Ее озвучивали крупнейшие музыканты, композиторы, вокалисты, музыковеды и многочисленные любители музыки прошлого столетия во всем мире. Также о Свиридове в мировом масштабе говорят и сегодня. Убежден, что ничего в понимании мировой значимости творческого наследия Георгия Васильевича не изменится и впредь. Свиридов, без сомнения, грандиозное явление на все времена.

ИСКУССТВО

Его музыка бессмертна. Его гений никем и никогда не будет превзойден, поскольку гений (как совокупность личностных характеристик, среди которых особо выделяется мыслительная деятельность) сам по себе сугубо индивидуален и неповторим. И Свиридов в этом отношении еще более неповторим, так как являлся русским гением. Русским гением с большущей всеохватной душой, необычайно чуткой, ранимой, но и возвышенной, нуждавшейся в сильных эмоциональных всплесках, улавливавшей малейшие колебания жизненных скреп и житейских настроений, при этом усматривавшей в этих движущих началах большое духовное предназначение. Предназначение, которое, собственно, сводилось к служению — великому служению России! Служению русской культуре и искусству. Служению музыке, которую Свиридов не просто идеально слышал и воспринимал, а которой был весь соткан и пронизан, которой всецело жил. И без которой жить не мог, что в его случае с годами стало восприниматься столь естественно, что впопыху говорить о закономерности. О закономерности, гласящей: Свиридов — это великая музыка! Великая русская музыка — одно из главных и нетленных духовных богатств России.

Замечательный и необыкновенно глубокий русский советский композитор Валерий Гаврилин о своем духовном наставнике однажды скажет потрясающие слова: «...Странный, одиозный. Примитивный. Не развивающийся. Отсталый. Вчерашний день. Национально-ограниченный, «вносящий вклад в вокальную и хоровую музыку». Это — с точки зрения одних. Великий, прекрасный, могучий, неповторимый — это с точки зрения других. Человек крупный, с тяжелой поступью и тяжелым, прощупывающим взглядом небольших темных глаз. Во всем облике есть нечто от большого зверя (по Бунину), что отличает только очень породистых людей и является признаком сильно развитой первопамяти, способной не только обращаться глубоко вспять, но предвидеть, заглядывать вперед себя. Такая память — удел немногих...

У него разговор неожиданный, то громкий, то еле слышный, то резкий, едкий, то вдруг сразу осторожный, таинственный, он одновременно доверчив и подозрителен, открыт и замкнут, воинственен и раним. Кажется, внутри него постоянно работают какие-то вулканы, которые каждую минуту всё переворачивают наооборот, и он переживает и прорабатывает для памяти вообще все состояния, отпущенные Богом человеческой памяти. Он очень добр (к добрым), болезнен к фальши и двоедушию и совершенно лишен зависти. Иногда очень сух, но без тени заносчивости, ибо «каждый заносится настолько, насколько у него не хватает разума». У него строгий римский профиль, профиль цезаря. Он — цезарь российской музыкальной поэзии. Он точно разгадал тайну поэтических темпов Пушкина, Лермонтова, Блока, Маяковского и Есенина, а в гениальном хоре «Об утраченной юности» — тайну гоголевских темпов, что позволило ему найти верно отвечающий звуковой ряд и дать непревзойденные образцы музыкального истолкования русской поэтической мысли, углубило познание ее смысла и стало од-

ним из величайших открытий не только музыкального искусства, но и всей культуры в целом. Мятающийся в поисках, он неколебим в находках. Одна к одной, они мостят его путь. Здесь всё ясно, прочно, правдиво и совершенно необходимо. Свиридов знает, что непонятно лишь то, в чем много натяжек, условностей, где решение только подогнуто под ответ и совершенно с ним не сходится, и всё произведение от этого — не более чем звуковой муляж, нечто исполняющее обязанности музыки на основании многих оговорок, объяснений, поправок, скидок и многих защитительных речей».

Если же внимательно задуматься над этими патетическими гаврилинскими строками, написанными давно и опубликованными в журнале «Слово» (1990, № 12), то портрет Свиридова начнет вырисовываться вполне отчетливо и содержательно. И даже по таким отрывочным мазкам на нем, этом внушительном портрете, становится вполне очевидным огромный масштаб неординарной личности Георгия Васильевича — человека, творца, гражданина. В этом триединстве, думается, и следует рассматривать фигуру великого композитора. Впрочем, настоящие заметки — не комплексное музыковедческое исследование. И Свиридов в них в первую голову предстает именно как гениальный художник, творческое наследие которого, к счастью, не кануло в Лету с его уходом в мир иной, а продолжает жить. Жить своей большой самостоятельной жизнью. Жизнью, свойственной по-настоящему самобытным, выдающимся и бессмертным творениям.

Важно здесь же подчеркнуть и то, что приведенное выше высказывание Гаврилина, как и слова других современников Георгия Васильевича, которые будут в этих заметках упомянуты, произносились при жизни Свиридова. То есть в своей земной жизни он достаточно часто сталкивался с тем, что о нем восторженно говорили и писали. Привык Свиридов и к хвалебным речам. Благо, в большинстве своем были они заслуженными. Хотя, конечно, не миновали его и вездесущее критиканство, несправедливые и необъективные оговоры, сплетни, обман, фальсификации. Но вся эта грязь к нему не прилипла. Да и не могло что-либо лживое и противоречащее самой свиридовской правде к нему пристать. Поэтому и не приходится о нём говорить и как бы оправдываться: вот, дескать, были такие-то ситуации, и ему пришлось... Нет, Свиридов — гений светлый, как светла, духоподъемна и его музыка. Светла и идейна, а также чрезвычайно содержательна.

«Он... не терпит никакого, я бы сказал, безыдейного звукоискательства, — отметит великий Шостакович, — хотя никогда не устаёт постоянно пробовать новые формы, творить новый музыкальный язык для выражения своих мыслей. Это сочетается у него с овладением большой настоящей культурой. Он отлично знает поэзию, литературу — русскую, английскую, немецкую, изучал историю, живопись».

Бесспорно, теоретический багаж Свиридова, окончившего Ленинградскую консерваторию, где он занимался в классе композиции П.Б. Рязанова и Д.Д. Шостаковича, был значительным. Георгий

Васильевич к тому же выделялся своими фундаментальными, воинственную энциклопедическими знаниями в области русской и мировой художественной культуры — литературы, живописи, архитектуры. Его цепкая и бережливая память хранила массу стихотворений и даже большие фрагменты прозы, где особое место занимали Гоголь, Сухово-Кобылин, Александр Островский... И при этом до конца своих дней его не покидал живой, пылливый ум, непосредственно откликавшийся на всё новое и любопытное, выступавшее подлинным явлением искусства.

Свиридов был прекрасно знаком с музыкой австрийцев Антона Веберна и Альбана Берга, немца Карла Орфа и венгра Бела Бартока, англичанина Эдварда Бриттена и русского гения Игоря Стравинского. Но вместе с тем он испытывал необычайную любовь к народному искусству, к почвенным явлениям различных национальных культур. У него всегда имелся широчайший круг знакомых, причем не только коллег по профессии, а и вообще людей искусства. С середины 30-х и до середины 50-х годов Георгий Васильевич жил в Ленинграде, где еще успел застать и впитать в себя огромную и уникальную петербургскую культуру, с многими представителями которой он был лично знаком, а с некоторыми поддерживал и добрые отношения. И тут следует назвать Михаила Зощенко и музыковеда Ивана Соллертинского, блестящую плеяду представителей театра — режиссера Владимира Кожича, певцов Ивана Ершова и Софью Преображенскую, актеров Юрия Толубеева, Василия Меркурьева, Николая Черкасова. Конечно, нельзя не упомянуть и его любимого учителя Шостаковича. Дмитрий Дмитриевич оказал на творческое становление Свиридова колоссальное влияние, позволившие отомобилизовать дарованный провидением талант и творить плодотворно, последовательно преодолевая ступени профессионального роста, раз за разом радуя народ потрясающими воображение музыкальными шедеврами.

Творчество любого художника, а уж тем более такого выдающегося, как Свиридов, тем или иным образом связано с конкретной эпохой, в которой ему суждено жить и творить. И уйти ему от вопросов современности, даже при всем желании, практически невозможно. Георгий Васильевич от своей грандиозной советской эпохи далеко никуда не уходил, да и не планировал этого делать. Не тяготили его и сами эти вопросы современности. Художник в его понимании должен обязательно поднимать темы, волнующие сограждан, находящие отклик в их сердцах. И художественное воплощение таких тем сильнее, чем основательнее и содержательнее художник берется их раскрывать. Свиридов в этом отношении стремился быть предельно выразительным и понятным массовому слушателю. Потому-то, наверное, многие его сочинения народом быстро запоминались и как-то в одночасье становились уже всенародным достоянием. И тут, разумеется, сразу же вспоминается музыка к кинофильмам «Время, вперед!» и «Метель».

Что в сюитах «Время, вперед!» и «Метель» такого удивительного? Почему они стали всенародно любимыми? Прежде всего их

отличает особая картинность. И если в первом случае мы наблюдаем объемный массовый плакат, то в «Метели» перед нами предстает тонкая акварель. Посему и музыку композитор сочинял в том картинном ключе, который задан был в этих фильмах. Но при сем ему следовало уловить то самое главное и выразительное, что могло слушателя по-настоящему взволновать и не оставить равнодушным. А для этого Свиридов данные сочинения обогатит красивейшими мелодиями. Живыми, подвижными, практически полностью передающими ту смысловую нагрузку, которую он в них вкладывал. А вкладывал Георгий Васильевич в них диаметрально противоположные начала: живописность, русскую природную красочность, меняющуюся с временами года, а также радость восприятия окружающего мира — в «Метель»; практически маршевое звучание, а вместе с тем и всеобщий мобилизующий и всеохватный, не щадящий даже времени созидательный порыв — во «Времени, вперед!» И это ритмичное сочинение, кстати, неслучайно на долгие годы станет заставкой на советском телевидении, выполнявшем, как известно, не только сугубо пропагандистскую, но и воспитательную функцию. В нынешнее же время эта известнейшая свиридовская сюита, которая раньше была знакома буквально каждому советскому человеку, причем начиная с самого малолетнего возраста, воспринимается и вовсе по-особому. Она звучит (чаще отрывочно) в различных документальных фильмах и передачах, рассказывающих о советской эпохе. И не единожды ее мощное, отекающее, в меру протяжное звучание (свиридовскому музыкальному языку были свойственны сочинения лаконичные и незатянутые), сознательно усиленное композитором ударными инструментами, сопровождалось кадрами кинохроники, отображавшими самые значительные вехи в советской истории — грандиозные довоенные стройки, Великую Победу и исторический парад победителей в Москве 24 июня 1945-го, послевоенное восстановление народного хозяйства и полет Гагарина в космос, легендарные стройки 70—80-х годов, космическую программу, Олимпиаду 1980 года в Москве, расцвет советской культуры и искусства, легендарный «Артек» и пионерское движение... В общем всё то, чем жило и могло гордиться Советское государство, полноправным гражданином которого являлся и Георгий Васильевич, долгие годы избиравшийся членом правления Союза композиторов СССР, секретарем и первым секретарем Союза композиторов РСФСР, а также депутатом Верховного Совета РСФСР пяти созывов.

Советское государство по достоинству отметит заслуги Свиридова. Народный артист РСФСР и СССР, он в 1975 году будет удостоен и высокого звания Героя Социалистического Труда. Музыкальные же его творения удостаивались Ленинской премии, Сталинской премии первой степени, двух Государственных премий СССР. Четырежды Свиридова награждали и высшей государственной наградой — орденом Ленина. В 1982 году земляки присвоят ему звание почетного гражданина Курска.

Отмечали бесспорные заслуги Свиридова и в современной России. За создание высокохудожественных произведений отечествен-

ной культуры и выдающийся вклад в мировое музыкальное искусство в 1995 году композитора награждают орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени. Также он удостоится Государственной премии Российской Федерации и премии Президента РФ. В 1997 году, в связи с празднованием 850-летия основания города Москвы, Свиридову присвоят звание почетного гражданина Москвы. Награждался он и высокими наградами ряда иностранных государств.

Впрочем, официальные награды для Свиридова не являлись чем-то таким важным и необходимым, ради чего и стоило трудиться. Георгий Васильевич был по жизни человеком вовсе не амбициозным и не приземленным, считавшим необходимым довольствоваться лишь внешними атрибутами житейского благополучия и успешного времяпровождения. Нет, сытая, шумная, крикливая, самодовольная, но духовно опустошенная жизнь была не для него. Потому и стремился он к возвышенному. Оттого и теплились в его душе подлинные жизненные ощущения любви ко всему живому и, что представляется более существенным, Свиридова никогда не покидало искреннее сострадание к ближнему. Отсюда, пожалуй, зарождались истоки его гигантского максимализма в утверждении своих принципов, причем как в искусстве, так и в жизни. Здесь же, без сомнения, кроется ключ и к пониманию феномена свиридовской музыки.

Почему же музыка Свиридова напоена такими могучими, терпкими соками жизни, подлинным ощущением природы? В чем секрет ее несокрушимого единства и общности с нашими духовно-нравственными скрепами, с нашим русским мироощущением? Возможно, в ее поразительной почвенности и первозданности. В ее русской первооснове. В ее гармонии, ритмике, фактуре, в тончайшем чувстве оркестра, в новизне композиционных структур. В ее эпичности, обеспечивавшей демонстрацию разнообразных жизненных ситуаций, коллизий и драм. А также в сильнейших токах музыкальной энергии, которые даже трагическое озаряли светом высокой гармонии, позволявшей каждый жизненный миг ощущать как подлинное торжество земной жизни. К сему добавим, что творениям композитора стихийная мощь музыкальной энергии была свойственна и потому, что в ней зиждилось чувственное начало — точка отсчета при обдумывании и реализации любого творческого замысла. Реализация же замысла, каким бы грандиозным и знакомым он композитору ни представлялся, напрямую зависела и от его работоспособности, трудолюбия. Известно и то, что Свиридов в творчестве был привередлив, несговорчив, чрезвычайно требователен к себе самому.

«В композиторском ремесле всё сложно, — отмечал Георгий Васильевич, — хотя я никогда не боялся трудностей в работе. Во-первых, всякий композитор вдохновлен определенной мыслью, которая, созрев, воплощается в музыку. Иногда эта музыка сразу выходит в свет, иногда, и чаще всего, что называется, вылеживается. Отлежавшись, сочинение подвергается тщательному анализу, рассматривается со всех сторон. В нём я безжалостно отсекаю лишнее,

всё, что не устраивает меня по каким-либо причинам. Приходится возвращаться к одному и тому же произведению несколько раз, переделывать его, доводя до того состояния, которое считаю завершённым. На это уходят месяцы, а иногда и годы. Во-вторых, поэты не берутся за крупные формы, им проще написать стихотворение на какой-нибудь простенький сюжет, чем возиться с более сложными вещами. Словом, наскоком не получится...»

Наскоком трудиться Свиридов действительно просто бы не смог. И при том, что писал он довольно быстро, готовое произведение из-под его пера выходило медленно, путь его к публике оказывался по-настоящему долгим. Потому-то в музыкальном мире хорошо было известно: все то, что разрешалось им к исполнению, отшлифовано композитором до последней запятой. Но, справедливости ради, такой подход к творчеству имел и обратную сторону, заключающуюся в том, что Свиридов ряд своих творений не спешил обнародовать. В его авторском портфеле, к примеру, долгие годы будет ждать своего часа «Отчалившая Русь» и та же «Метель».

Музыкальность свиридовских сочинений была особой, неповторимой, завораживающей. Автору этих строк, как, может быть, и многим другим поклонникам его творчества, в музыке Свиридова часто слышится звон и гул колоколов. Собственно, колокольный звон плотно ассоциируется и с самим Георгием Васильевичем, поскольку колокол в народном русском представлении всегда слышен далеко, вот только раздается он по серьезным и важным поводам. Серьезную музыку писал и Свиридов. Прimitивные строки он отвергал напрочь. И такой подход к творчеству замечен у него был практически изначально, ведь еще до написания им «Поэмы памяти Сергея Есенина», «Патетической оратории» и романсов для голоса и фортепиано на стихи Роберта Бернса в переводах Самуила Маршака, принесшим ему всенародную известность, им уже были написаны романсы на слова Пушкина, Лермонтова и Блока, вокальный цикл «Страна отцов» на слова Аветика Исаакяна, музыкальные комедии «Настоящий жених» и «Раскинулось море широко», фортепианная Партита, уникальное и замечательное Трио для скрипки, виолончели и фортепиано.

Лучшие творения Свиридова, любимые народом, отличали редкостная содержательность и красота его вокальных, хоровых, ораторных наработок. Более того, сочинения эти приобретали особую красочность и потому, что их исполняли лучшие отечественные оперные и камерные исполнители: Александр Ведерников, Евгений Нестеренко, Ирина Архипова, Елена Образцова, Людмила Филатова, Людмила Зыкина, Алексей Масленников, Евгений Кибкало, Галина Писаренко.

Плодотворно сотрудничавший со Свиридовым, исполнявший многие его сочинения народный артист СССР, солист Большого театра Союза ССР Евгений Нестеренко в преддверии 60-летнего юбилея композитора отметит:

«Несомненно, Георгий Васильевич — композитор прежде всего вокальный: подавляющее большинство его произведений на-

писано для певцов, он прекрасно знает природу человеческого голоса и его произведения, подобно песням Мусоргского, чисто технологически петь легко. Причина этого, мне кажется, — естественность мелодики, рожденной русской речью.

Превосходный литературный вкус композитора проявляется в выборе стихов для произведений. У него нет плохих или слабых текстов, как нет их у Даргомыжского, Мусоргского и Бородина — композиторов, чьи традиции так оцутимы в его творчестве. Я не перестаю удивляться, как первые две строфы пушкинского «19 октября», ставшие текстом широко известного романа «Роняет лес багряный свой убор», предстали в нем самостоятельным, законченным стихотворением или как органично слиты два разных произведения Р. Бернса в песне «Всю землю тьмой заколотило» из шедевра Свиридова — вокального цикла на слова великого шотландского поэта...

Глубоко русский человек и в жизни, и в творчестве, Свиридов создает музыку, близкую и понятную человеку любой национальности. В разных странах приходилось мне петь его произведения, и всегда они мгновенно находили путь к сердцам слушателей...

Свиридов — композитор, никогда в своем творчестве не изменявший своим убеждениям. Мне очень нравятся его слова: «Нельзя быть в искусстве разным — «для богатых» и «для бедных», надо всегда оставаться самим собою».

И вот эта честность в искусстве, человеческая и творческая масштабность, могучий талант поставили Свиридова в ряд композиторов, составляющих подлинную гордость отечественной культуры».

Впервые повстречавшись со Свиридовым в Ялте в 1963 году, Людмила Зыкина посвятила композитору небольшую главу в своей книге «На перекрестках встреч». Вспоминая же то первое знакомство с Георгием Васильевичем и рассуждая о его творчестве, выдающаяся русская певица писала: «...Доброжелательные глаза, мягкая улыбка, внимание к собеседнику и предупредительность в движениях. Даже трудно представить себе, что этот человек может оказаться, как говорил Арам Ильич Хачатурян, «ужасным спорщиком», страстным охотником до жарких диспутов и дискуссий, не стеснявшимся в выборе эпитетов, когда ниспровергались общепризнанные истины. Мы разговорились. Маститый композитор обладал богатейшей эрудицией, широтой интересов и отличной памятью. Георгий Васильевич со знанием дела говорил о Мусоргском и Рублеве, Блоке и Есенине, работах молодых современных музыкантов. В любой момент он мог высмеять бессмысленное музыкальное кокетничанье иных исполнителей в угоду обывателям, преклонение перед модой, нигилизм и эпигонство. Пылкие привязанности и непримиримые антипатии не нарушали общей гармонии его личности...

Что же, на мой взгляд, определяет художественную суть Свиридова? Прежде всего чуткое вслушивание в народную музыку,

забота о подлинно творческом ее обновлении и развитии. Дарование его раскрылось в вокально-инструментальных сочинениях, удивительно демократичных, подкупающих лаконичной строгостью и простотой. Я убеждена, что никто еще из советских композиторов до Свиридова не сделал так много для обогащения вокальных жанров — оратории, кантаты, хора, романса... Чувство Родины, патриотическая страстность характерны для большинства работ Свиридова».

Но самое тесное творческое сотрудничество Свиридов имел с одним из лучших советских вокалистов-басов, народным артистом СССР и РСФСР, солистом Большого театра Александром Ведерниковым, отличавшимся при исполнении свиридовских творений какой-то неповторимой исповедальностью, первооснова которой базировалась на сугубо народных корнях. Начинался же их совместный творческий путь с исполнения Ведерниковым вокального цикла «Страна отцов» на стихи Исаакяна — одного из самых лиричных произведений композитора. Позже маститый певец блестяще исполнял цикл песен на стихи Шекспира, «Петербургские песни» Блока, на его же стихи «Голос из хора» (он фактически исполнил почти всю свиридовскую блокшану), небольшие вещи — «Бороду» из хоровой поэмы «Ладога» на стихи А. Прокофьева, «Зорю бьет...» из хорового концерта «Пушкинский венок». Значительным достижением Ведерникова представляется исполнявшийся им свиридовский цикл из шестнадцати песен для баса, в который входили такие полюбившиеся слушателям песни, как «Любовь» (С. Есенин). «В Нижнем Новгороде» (Б. Корнилов), «Эти бедные селенья» (Ф. Тютчев). А песня «Слеза» на народные слова и «Изгнанник» на стихи А. Исаакяна часто исполнялись им на «бис».

Для камерного певца всегда чрезвычайно плодотворно сотрудничество с выдающимся композитором, к тому же большим знатоком вокального искусства, коим Георгий Васильевич и являлся. Кроме того, Свиридов еще был и замечательным аккомпаниатором, впервые его дарование пианиста как раз и раскроется в ансамбле с Ведерниковым. С ним же композитор записал свои первые пластинки, где выступил как исполнитель собственных произведений. Но увлеченные музыканты в дальнейшем не ограничивались лишь авторскими концертами. Одной из лучших работ этого дуэта станет исполнение романсов Глинки и Мусоргского. Вместе с Ведерниковым участвовал Свиридов и в создании монографического альбома грамзаписей, посвященного творчеству Мусоргского. Да и вообще певец очень ценил композиторский аккомпанемент. Георгий Васильевич для него всегда оставался огромным авторитетом, старшим товарищем, наставником. Совместную их творческую деятельность Александр Филиппович до конца своих дней вспоминал с особой теплотой. Певец несказанно гордился, что судьба ему подарила не только знакомство с великим композитором, но и незабываемые часы общения и выступлений с ним в дуэте. Дуэте двух самородков — пианиста и вокалиста, своим бесподобным искусством сражавших публику, что называется, наповал.

Вокальные творения Свиридова, убежден, требуют подробного рассмотрения. Вспоминается музыка концерта для хора «Пушкинский венок», отличавшаяся каким-то мудрым, классически уравновешенным отношением к жизни. Однако Пушкин, как говорил Свиридов в выступлении перед показом этого произведения по телевидению, жил в исключительно бурное время, богатое важными событиями и серьезнейшими общественными потрясениями. Посему грозы века проносятся и в «Пушкинском венке», особо зримо в хоре с солистом-басом «Зорю бьют...» — редкой для двадцатого столетия концентрации трагического и одновременно сурово-величавого. «Именно в такие бурные времена, — подчеркнул в том же выступлении Георгий Васильевич, — возникают особо гармоничные художественные натуры, воплощающие в себе высшее устремление человека, устремление к внутренней гармонии человеческой личности в противовес хаосу мира». По существу, вызревшая в творческих поисках, да и в самом жизненном опыте композиторская мысль найдет в «Пушкинском венке» идеальное, фактически классическое выражение.

Вообще же в музыке Свиридова историческая память как бы соединяла времена. Посредством чувства и воображения композитор безошибочно улавливал широкую перспективу, связывавшую огромные пласты жизни и культуры прошлого и настоящего. О том же, как точен в этом исторический, нравственный и эстетический выбор Свиридова, лучше всего говорят его слова, обращенные к Пушкину: «Эта гармония внутреннего мира соединена с пониманием и ощущением трагичности жизни, но в то же время она является преодолением этого трагизма. Стремление к внутренней гармонии, сознание высокого предназначения человека — вот что сейчас особенно звучит для меня в Пушкине». И слова эти композитор на протяжении десятилетий подтверждал своими сочинениями.

Творчество Свиридова было теснейшим образом связано с поэзией Есенина. И, разумеется, наиболее его известным произведением из есенинского цикла является «Поэма памяти Сергея Есенина», написанная в 1956 году, позже многократно исполнявшаяся и в Советской России, и за рубежом, записанная на грампластинку, исполняемая многими музыкальными профессиональными коллективами и сегодня.

Первым исполнителем этой прекрасной вокально-симфонической поэмы, впервые прозвучавшей 31 мая 1956 года в Москве, в Концертном зале имени Чайковского, станет молодой тенор Алексей Масленников, заканчивавший в тот год Московскую консерваторию, долгие годы затем блиставший на сцене Большого театра, удостоенный высокого звания народного артиста РСФСР.

«...Свиридов поразительно тонко ощутил музыкальность поэзии Есенина, — почти через два десятилетия вспоминал известный оперный певец. — Кажется, что на эти замечательные стихи невозможно создать другое столь же глубокое сочинение...

Музыка Свиридова неизменно находит живой отклик аудитории, и не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

В связи с этим я позволю себе вспомнить недавнее исполнение «Поэмы памяти Сергея Есенина» в Италии, в Турине. Я испытал величайшую гордость от того, что мне тоже выпала честь представлять за рубежом музыку Свиридова и вместе с ним разделять радость успеха.

Свиридов создал очень большое число самых разнообразных сочинений. Его богатая и могучая индивидуальность, как мне кажется, наиболее полно раскрылась в творениях, подобных «Поэме памяти Сергея Есенина». Он связан кровным родством с родной природой, с красотой необозримых полей и лесов, с бесконечной щедрой русской напевностью».

«Поэма памяти Сергея Есенина» была написана с поразительным мастерством и великолепно звучит уже на протяжении без малого семи десятилетий. Раскрывал он в ней ключевую для Есенина тему судьбы поэта в России в эпоху революции. Кстати, буквально вслед этой есенинской поэме композитор в том же году напишет цикл «У меня отец — крестьянин» для тенора, баса и фортепиано. Фактически две эти композиции как бы дополняли друг друга. Но в камерном этом цикле Георгий Васильевич обратится к стихотворениям Есенина, рисовавшим картины деревенского быта («По селу тропинкой кривенькой...», «Песня под Тальянку», «Вечером»), сельские пейзажи («Березка»), а также передающим любовные переживания и печальные раздумья лирического героя о бесцельно пролетевшей молодости («Сани», «Есть одна хорошая песня у соловушки»).

Комментируя же свою «Поэму памяти Сергея Есенина», Свиридов однажды заметил: «Мне хотелось воссоздать облик самого поэта, драматизм его лирики, свойственную ей страстную любовь к жизни и ту поистине безграничную любовь к народу, которая делает его поэзию всегда волнующей. Именно эти черты творчества замечательного поэта дороги мне. И мне хотелось сказать об этом языком музыки. Эпиграфом к поэме я взял слова Есенина:

*...Более всего
Любовь к родному краю
Меня томила,
Мучила и жгла.*

По существу, эти строки можно смело поставить эпиграфом и ко всему творческому наследию самого Свиридова. В этом отношении он необычайно духовно близок к Пушкину и Некрасову, Блоку и Есенину, Твардовскому и Александру Прокофьеву, к их гениальной поэзии. При этом не будем забывать, что русская музыка в давние времена начинала свой славный путь от слова, от народных сказов и песен. Стремление же посредством поэзии выразить духовную жизнь России выражалось в истинно философской наполненности свиридовской музыки, ее мелодичности, певучести, исключительной патриотичности и народности.

«Народность — основное качество творчества Г. Свиридова, — справедливо отмечал выдающийся грузинский советский компо-

зитор Отар Тактакишвили, духовно поразительно близкий к Георгию Васильевичу, к его пониманию музыки и мировоззрению. — Поэтому особенно интересно проследить его композиторский почерк в соприкосновении с фольклором...

Главное, что почерпнул художник в народе, — не сама народная мелодия, а принцип поэтизации жизни. В творческом акте, совершаемом народом, есть движение от бытового к возвышенному, идеальному. Это ощутимо и там, где народ мечтает, и там, где он описывает самые обыденные события жизни. В данном свойстве сокрыта самая определяющая мысль фольклорного искусства: народ живет для лучшего».

Музыка «Поэмы памяти Сергея Есенина», цикла «У меня отец — крестьянин», кантаты «Деревянная Русь», а также песен и хоров на слова Есенина — демонстрирует народную распевность его стиха, нежную музыкальность лирики и упоение красотой крестьянского труда. Вместе с тем нам открывается драматизм ломки деревенской жизни и ясный, сыновний взгляд в будущее Родины.

Отдельным массивным прекрасным особняком в творчестве Свиридова представляется его вокальная поэма «Отчалившая Русь», сочиненная в 1977 году. Первоначально композитор ее создавал для тенора, но позже в новой редакции он поэму несколько доработает, позволив тем самым за нее браться уже и более низкому голосу.

Блестяще эту поэму на стихи Есенина весной 1983 года в Большом зале Московской консерватории при аккомпанементе автора исполнит несравненная Елена Образцова. Народная артистка Советского Союза, ведущая солистка Большого театра СССР тогда буквально загорится этим творением, вдохновившим, даже «сразившим» ее, выдавшую виды исполнительницу с мировым именем.

Основу поэмы «Отчалившая Русь» составят двенадцать стихотворений, написанных Есениным в революционные, переломные для России годы (1914 — 1919). Свиридов же своей музыкой эти стихотворения объединит в единое целое, выделив их идею, сюжет и добившись тем самым выверенности контрастов. В поэтической композиции он отразит основное в творчестве Есенина того времени — веру в очистительную силу революции, должную реализовать давние народные надежды на справедливость, а также чаяния о свободе и вселенском братстве. И идеи эти будут выражены в богатой стихотворной образности, близкой народной поэтике, в легендарных символах.

Свиридов в этой музыке передает сильнейшую концентрацию чувств. Более того, в переосмыслении им ранней есенинской поэзии символика ее уже обретет иную масштабность, иной смысл, эпической силой музыки она словно бы вознесется куда-то на бескрайние просторы Вселенной.

Всё в этой поэме предстает в движении, в пути. Непрерывно бьется пульс времени, жизни, истории. И всё композитору видится в резких контрастах, где и драматизм, и трагическое, и поэзия светлой мечты, и упоение природой, красками и запахами родной земли.

Потому и выражал он мысль и чувства предельно активно, в каждой части они окажутся полностью исчерпанными.

С первых же тактов «Осени» слушателя завораживает стойкий мелодизм. Тут поэт уже не только мелодия, а каждый аккорд, звук, каждое слово, создавая настроение тихого восторга перед красотой увядающей природы. Но безмятежная пасторальность однажды взрывается смысловой кульминацией — неожиданно возникает образ безмерного человеческого страдания. И эффект получается сильнейший, объяснить который, тем не менее, трудно. А душа-мелодия тем временем требует полета, и песня взмывает ввысь!

С «Осенью» перекликалась и четвертая часть сочинения — «Серебристая дорога». Правда, здесь наличествуют свои тонкие оттенки, навеянные юношеским раздумьем о дороге жизни. В обеих же частях, как и во всей поэме, присутствует масса звукоизобразительных приемов. Вызваны они богатством, обилием красок есенинской поэзии, его цветовой символикой. Посему-то музыка с почти зримой конкретностью и передает чистые и нежные тона осени или серебристость пути. Но и лаконизм приемов использован необыкновенный, как необыкновенен и художественный результат. Стоило, например, в музыкально-поэтический контекст вкратце двум звукам — октаве в верхнем регистре, как родилось и тончайшее изображение-символ, передающее суть стихов («Серебристая дорога... свечкой чисточетверговой над тобой горит звезда»). Что и говорить, перед нами убедительный пример мастерства необыкновенного, высочайшего уровня, многими художниками недостижимого и поныне.

Вторая часть поэмы — напев в пути, вдали от дома, от «Голубой Руси» («Я покинул родимый дом») развивает излюбленный композитором мотив страннических лирико-философских песен-раздумий.

Третья часть — «Отвори мне, страж заоблачный, голубые двери дня...» представляет собой музыкальное воплощение сложной символики стихов, вобравших многое. Здесь гордость духа лирического героя поэмы, жажда независимости, творческий порыв. Отсюда постепенно вырастает и драматическое напряжение музыки.

А вот пятая часть — «Отчалившая Русь», давшая название всей поэме, представляется неким свободным полетом. На крыльях трепетной мелодии Россия в образе птицы, словно бы под голубым небесным куполом, парит в вышине. И впервые в поэме мы тут ощущаем всеобщность, соборность чувства, а звоны-перезвоны колоколов и крики птичьей стаи (достигавшиеся за счет гармонических красок у фортепиано) звучат призывно и празднично.

На смену этому радостному многоголосью как резкий контраст последует часть «Симоне, Петр... Где ты? Приди...» — легендарное и вечно живое повествование о предательстве, попорченной вере в ближнего, смертельном одиночестве. И вот музыкальная декламация, вскрывающая психологический смысл каждого слова, достигает трагической силы. Напряженность ее не спадает ни на мгновение, сгущаясь к концу в диалоге: «Друг... Ты откуда?» — «Шел за то-

бой...» — «Кто ты?» — «Иуда!», — шамкнул прибой». И рояль уверенно отвечает этим словам раскатом звучности в низком регистре.

Будучи чутким драматургом, Свиридов после такой части (скорее, музыкально-театральной сцены огромного эмоционального воздействия) не мог повернуть развитие поэмы в противоположную чувственную сферу.

Следующий монолог, «Где ты, где ты, отчий дом...», в известной мере становится ее продолжением. «Медленно, тяжело, драматично» (ремарка автора) падают слова-воспоминания... И ярко подчеркнутая картина разрухи, социального потрясения заменяется нахлынувшими миражно-сказочными видениями образов родной природы. Оттого и слышна тут тонкая, многокрасочная изобразительность, органично входящая в строй монолога.

Затем в части «Там, за млечными холмами» слышится веселая круговерть. Это почти что космос в народном пересказе, где смешались небеса и земля, где сереброструйный Водолей «Медведицей с лазури — как из бочки черпаком», а «в небо вспрыгнувшая буря села месяцу верхом», где и «дед мой тянет вершей солнце с полдня на закат». И все это как-то неудержимо несется в частушечном напеве под перезвон колоколов. Тут-то, по сути, народная поэтика стихов и получает глубоко народное воплощение в музыке.

«Трубит, трубит погибельный рог» — эти стихи Есенина выражали тревогу и скорбь по невосвратно уходящей в прошлое русской деревне. Свиридов же, похоже, услышит и выразит в них несколько большее. А именно: чуждость народу всего пришлого, наносного, бездушного, в общем, всего того, что иссушает сердца и заметно искажает естество человека.

«По-осеннему кычет сова...» — монолог об уходящей молодости, уходящей жизни («скоро мне без листвы холодеть...»). По существу, грустный его зачин сразу же настраивает на психологический анализ этой замечательной музыки, написанной буквально на одном дыхании.

Однако человек могуч своей верой в жизнь, в «неминуемый вестер», разносящийся над родной землей. Вот и кажется, что музыка предфинальной части «О верю, верю, счастье есть!» выразила все человеческие чувства, обращенные к Родине: от восторга перед ее далями, лирического вдохновения «пастушеской грусти» до строгого, величественного пророчества ее судьбы, гордой и многострадальной. Старинные лады, которыми пользовался здесь Георгий Васильевич, придают особую торжественность их звучанию.

Финал — «О родина, счастливый и неисходный час!» — не что иное, как вдохновенный и оптимистичный гимн солнцу, свету, добру, вечному движению, устремленному в бесконечность. Это музыка невероятного эмоционального напряжения, эпической величавости. Потому и неукротим поток мелодии, которому, представляется, нет ни конца, ни края. Безудержно устремлен и сам его ритм. А над ними слышится радость и ликование звонов. В результате заметна и направленность к одной цели, позволившей слиться в неповторимом образе. Это страстное, пламенное музыкальное по-

вестование вырывается из глубин сердца. И выражено оно так мощно, человечно и возвышенно, как мог его выразить лишь гениальный художник.

Долгие годы Свиридов работал и над творческим наследием любимого и почитаемого им Блока. На его стихи он создал ряд вокальных и хоровых произведений. Самые крупные из них — «Петербургские песни» (1961—1963) и «Видение» (1968) — циклы вокальных зарисовок из жизни дореволюционной России, наполненные глубоким социально-критическим осмыслением. Другой же свиридовский вокальный цикл на стихи Блока, «Четыре песни», сочиненный в 1972 году, представляет собой колоритные картины природы.

Заметным сочинением станет и кантата «Ночные облака» (фактически она состояла из пяти взаимодополняющих друг друга картин-настроений), написанная в 1979 году, в которой композитор выступит со своеобразным музыкальным прочтением лирики Блока. Он затронет в ней содержательный слой блоковской лирики, относящийся к сложной поре формирования личности поэта и ранее почти не разрабатывавшийся композиторами в хоровом жанре.

Из более поздних блоковских творений, конечно, выделяются концерт для хора а cappella «Песни безвременья» (1980—1981) и вокальная поэма «Петербург», написанная Свиридовым в 1995 году, в год собственного восьмидесятилетия и 115-летнего юбилея со дня рождения Александра Блока.

Следует также назвать отмеченные своеобразием поэтически-философского видения мира романс «Голос из хора», хоровую миниатюру «Хоровод», кантату «Барка жизни», а вместе с ними и вокальные пьесы «Изгнанник», «Не страшусь» (на тексты блоковских переводов из А. Исаакяна и Л. Онерва).

Величие Блока для Свиридова было очевидным. Но перед слушателем он стремился открывать «своего» Блока. И из огромного блоковского наследия композитор таким образом выбирал те стихи, которые были созвучны его собственному художественному видению мира, как правило, простые с виду, но очень «русские» внутри. Тут же Георгий Васильевич вел с поэтом условный диалог о самом сокровенно-важном и возвышенно-трагическом: зачем приходит в мир человек, каких высот может достичь жизнь его духа? И пытаясь найти ответы на эти вопросы, задумываясь над блоковским философским взглядом на мир и земную жизнь, вчитываясь в его слова, Свиридов удачно находит для них поразительную соразмерность изысканного и естественного, возвышенного и низкого, необычного и банального, сказочно-фантастического и повседневно-будничного. И соразмерность эта в конечном итоге приводит к гармоничной простоте, когда воедино сливаются слова и мотив, когда думается, что каждая строка воплощена в музыке наилучшим образом.

Определяющие музыкальный облик «Петербургских песен» стихотворения были взяты Свиридовым из блоковского цикла «Город» (1904—1908): «Перстень-Страданье», «На чердаке», «В октябре»,

«Мы встретились с тобою в храме...» Стихи, избранные им также для данного сочинения, относятся и к циклам «Арфы и скрипки», «Разные стихотворения», а «Колыбельная песенка» поэтом и вовсе не включалась в собрание сочинений. Сгруппировав же в итоге восемь блоковских стихотворений, Свиридов и создаст свой поэтический цикл, названный «Петербургскими песнями». Причем это название композитор придумает, а не позаимствует у поэта.

Интересно и то, что Георгий Васильевич, разрабатывая эту тему, местом действия и зримым образом определит внешне самые «заземленные» в «Городе» места: «среди уличных далей, за вереницей зловонных телег», «в заплеванном углу», «забитая лошадка бурая гуляет на дворе», «на чердаке», «трубы, крыши дальних кабаков». Подстать гнетущему облику города и персонажи, от лица которых велось повествование — измученные, униженные, полунищие люди.

Таковы фон и действующие лица «городских» частей цикла. Не случайно композитор в добавление к ним подыщет среди прочих стихотворений Блока и такие, где могут выступить те же герои, но в редкие для них «праздничные» дни — «Вербочки», «На Пасхе». Не станет перечить основной тональности цикла и «слободской гитарный надрыв» песни «Как прощались — страстно клялись». Вот только «Колыбельная песенка» не вписывается в общую канву. Она останется таким лирическим островком в сквозном развитии цикла.

С первых же тактов цикла (песня «Перстень-Страданье») композитор скажет слушателю о том, на какой «музыкальной волне» им предстоит общаться. И будет это городская бытовая музыка, чаще всего — песня. А с первых строк песни «Перстень-Страданье» передается настроение безысходного одиночества главного героя, бредущего по предрассветным улицам с вопросом: «Где, да и как этот день проживу?»

Вторая часть цикла — «Как прощались — страстно клялись» (для меццо-сопрано) фактически является романсом «не без надрыва». По существу, если внимательно присмотреться, то эта часть покажется драматическим монологом, заключенным в видимую оболочку «жестокоего» романса.

В третьей песне цикла «Вербочки» солирует уже сопрано. А между тем хрустальный звон фортепианного сопровождения то движется в унисон с нежной и изящной вокальной партией, то отделяется от нее, создавая трепетный фон. И фортепианная фактура до того «истончается», что грозит вот-вот погаснуть, как пламя свечи, которую несут в вербную субботу от церкви до дому, защищая от дождя и ветра.

И вот уже совершенно иная картина — «На Пасхе». Перед нами тоже праздник, правда, если в предыдущей миниатюре в центре находился один-единственный человек, сам достаточно беззащитный, да еще вынужденный оберегать свою призрачную радость — зажженную свечку, то здесь мы оказываемся в шумной толпе, среди густого пасхального перезвона. В целом же «На Пасхе» — временной, а не смысловой центр всего цикла, такая сочная жанро-

вая зарисовка. Посему и участвуют в этой картине все солисты. Особенно же ярким оказывается вступление баса, его первая и веселая в цикле реплика — «В сапогах бутылками...»

В следующей части — «На чердаке» (солирует бас) — герой снова один. Один, так как его подруга, хотя она и здесь же, на чердаке, но — «тихая — не дышит, белая — молчит». И не столь уж важна достоверность изображаемого (можно предположить, что это одна из «чердачных» галлюцинаций), настолько сам по себе жуток монолог.

Призванная снять напряжение предыдущей мрачной части, «Кольбельная песенка» (для сопрано и меццо-сопрано) как бы готовит слушателя к восприятию двух следующих частей. Она как будто и не связана с предыдущими частями цикла, и в то же время без нее никак не обойтись.

Предпоследняя, седьмая, часть — «В октябре» — одна из ярких кульминаций цикла, при том, что внешне она оформлена более чем скромно. По образному строю эта песня, пожалуй, близка к первой части цикла: слышится тот же спокойный нейтральный характер сопровождения, та же улично-песенная стихия в вокальной мелодии. Однако в конце цикла несравнимо пронзительное отчаяние, безысходная тоска, непоправимая безнадежность, скрытые во внешне беспечном напеве.

Но вот финал цикла, его эпилог заявляют о том, что ничего недосказанного уже не осталось. «Мы встретились с тобою в храме», — так назовет эту часть композитор по начальным строкам блоковского стихотворения («Холодный день»). И все чувства, которые в предыдущей части сопровождалась некоторой, почти хмельной беззаботностью, здесь, в финале, предельно обнажаются — к надрывному звучанию скрипки присоединится виолончельный тембр, тяжелой и неотвратимой станет поступь фортепианных аккордов, навязчиво-монотонной окажется мелодика и ритмика вокальной партии.

О чем же поется в Свиридовских «Петербургских песнях»? О трагедии человека, не нашедшего своего места в жизни, о том, как равнодушный город перемолол его душу. И единственно светлые мгновения для него — либо хмельной «праздник», либо будничное похмелье. В силу бесчеловечных условий существования, на его долю только и остаётся оглушать себя непосильной работой или вином. Осознавая всю горечь такого прозябания, приходит мысль, что Свиридов в многогранном, неисчерпаемом облике Блока открыл почти Некрасовские черты. И образное сходство с Некрасовым в стихах «Петербургских песен» наблюдается вплоть до общности лексики и ритмики. Есть, правда, между «городскими» Некрасовым и Блоком существенная разница. Некрасовская «кнута иссеченная Муза» все же парит над описываемыми событиями: горькие, сочувственные мысли о страдальцах-строителях «Железной дороги» возникают у него в купе первого класса, а гневные «Размышления у парадного подъезда» — результат наблюдений из окна собственной квартиры, расположенной напротив дома мини-

стра государственных имуществ. Блок же, несомненно, отождествлял себя с героем, растворялся в нем. Его стихи, прочитанные или пропеты, обладают силой непосредственного воздействия, сиюминутной достоверностью.

Вокальная музыка, черпавшая свою духовно-нравственную основу и жизненность (при всей широте данного понятия) в поэтическом слове, — для Свиридова станет тем ключевым направлением в творчестве, в котором он достигнет воистину грандиозных успехов. И дело, разумеется, не в количестве написанных им вокальных поэм, концертов и циклов, ораторий, кантат, хоров, романсов и песен. И даже не в том, что именно за вокальное творение — «Патетическую ораторию» на слова Маяковского, создававшуюся в 1958—1959 годах, он в 1960 году удостоится Ленинской премии. А прежде всего в том, что вокальные сочинения, при всей их уникальности, неповторимости, звучности, стройности замысла и композиции, как раз наиболее полно и могут передать свиридовский гениальный мыслительный настрой, который он в музыке и реализовывал.

Свиридовское вокальное наследие столь значительно и многогранно, что в рамках данных заметок (в которых акцентировалось внимание на произведениях широко известных, значимых и вошедших в золотой фонд русской классической музыки, одновременно близких по духу, настрою, тематике автору настоящего очерка) его более-менее подробно осветить не представляется возможным. И не только по причине объемности фактического материала, а и в силу того, что некоторые творения кардинально отличались от других. По ментальности и тематике, по тональности и жанровому своеобразием, составлявшим в результате единую, но разветвленную, разнохарактерную, разноплановую музыкальную философию и эстетику композитора. Не странно ли? — скажет пытливый читатель. Как вообще такое может быть? Говорим вроде бы о единстве мировоззрения и взглядов на творчество, и в то же время подчеркиваем многоплановость свиридовской музыки. Похоже, что где-то что-то не стыкуется... Нет, у Свиридова не было и не могло быть «проходных» и мало-значимых тем. Не было в его творчестве и каких-либо существенных противоречий. А вот полет мысли, фантазия, искренняя заинтересованность той или иной темой, поэзией, прозой жизни, истовая любовь к России, к малой родине, к людям, вера в добро, справедливость, гуманизм и человечность, — в нем присутствовали. И присутствовали в полной мере. Потому мы запросто можем рассуждать, например, о религиозности его искусства, выражавшемся не в прикладных жанрах церковной традиции, а в православном мирозерцании композитора, а также одновременно и о его творениях, написанных в революционном русле, имевших в свое время очевидный политический подтекст. Речь, конечно, о широко известной «Патетической оратории» и менее известной «Оде Ленину» для чтеца, хора и оркестра на стихи Р. Рождественского.

При всем очевидном несоответствии этих направлений в творчестве, Свиридов душой не кривил. Он шел в ногу со временем,

задумывался о серьезнейших философских вопросах бытия и, что принципиально важно, не писал под заказ. Да и вышеназванные, лишь условно «политические» сочинения, если внимательно вслушаться в их глубокую и предельно выразительную музыку, а вместе с тем и в содержание, — современному вдумчивому слушателю совсем уж плакатными не покажутся. Нет, они таковыми не являлись. И воспринимать их, убежден, следует соответствующим образом.

Отдельного разговора заслуживают «Курские песни», которым сопутствовал триумфальный, поистине потрясающий успех. Абсолютное большинство музыковедов и критиков называли и называют «Курские песни» шедевром всего творческого достояния Свиридова, его проникновенным признанием родному краю — Курской земле, из которой он родом, где прошли его детство и юность. И рассказывать об этом произведении, которое упомянутый выше О. Тактакишвили определит как выражение «поэтического реализма», в котором «бытовое поднято на уровень сокровенно-священного», можно подробно и основательно...

По большому счету основательно следует говорить и о многих других свиридовских творениях. Но тогда настоящие заметки превратятся уже в нечто большее, требующее, скорее, даже научного подхода. Мне же в заключение хотелось бы только упомянуть об уникальной взаимосвязи гениального и простого, прекрасно между собой в свиридовской музыке уживавшихся. «Свиридов — художник со своей оригинальной, неожиданно простой манерой, — справедливо подчеркивал известный русский советский композитор, народный артист СССР Борис Чайковский. — Композитор словно знает, что талант его предназначен для «простоты». Он словно напоминает своим творчеством старую истину: вновь открытая мелодия будет всегда новой и самой естественной частицей выражения внутреннего мира. Как-то однажды он сказал, что художнику необходимо стремиться к простоте, ибо внутренний мир его всегда сложен. В этой простоте — своя новизна!»

В этой свиридовской простоте, хочется добавить, не только сама простота, но и несомненная, бесспорная истина. «Все великое — просто», — писал Евгений Замятин. Гениальность Георгия Свиридова и проста, и сложна, и уникальна, и не имеет себе равных... О ней следует говорить, писать, рассуждать, и не только в преддверие юбилейных дат, связанных с жизнью и творчеством Георгия Васильевича. Великий русский композитор достоин того, чтобы с нами по жизни идти всегда...

Георгий Свиридов... И вновь над необъятной Русью звучат его колокола — огромной духовной силы величественные колокола. Колокола великой России!

г. Симферополь

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2025 ГОД

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Владимир БОЛЫШАКОВ. Проклятье Завета — 1-2
Евгений ВЕРТЛИБ. Евразийский рычаг русской силы — 11-12
Валерий ГАБРУСЕНКО. Величайшая в истории Победа — 5-6
Ростислав ИЩЕНКО. «А нас за шо?» — 3
Ростислав ИЩЕНКО. Этнические маргиналы хуже нацистов — 4
Ростислав ИЩЕНКО. Если враг не сдаётся... — 5-6
Ростислав ИЩЕНКО. Ради исторической справедливости — 7-8
Ростислав ИЩЕНКО. Неизбежность выбора — 9
Олег КАССИН. «Ошибка» или предательство? — 4
Валентин КАТАСОНОВ. Новый Израиль и еврейский дух — 4
Валентин КАТАСОНОВ. Начало и цена Второй мировой — 7-8
Валентин КАТАСОНОВ. Внедрение мультикультурализма — 10
Валентин КАТАСОНОВ. Вызовы времени — 9
Валентин КАТАСОНОВ. Опасное квазигосударство — 11-12
Валерий КИРИЛЛОВ. Надежда еще не пропала — 3
Александра МАЗУРКЕВИЧ. Солдатские истории — 1-2
Сергей МИХЕЕНКОВ. Луганские записки — 5-6
Олег ПЛАТОНОВ. Национальная политика Сталина — 1-2
Сергей РАТМИРОВ. Судьба XX века — 10
Андрей САМОХИН. А вопросы решать придётся — 9
Виктор СЕБЕЛЕВ. Изнанка замещающей миграции — 9
Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Подводя итоги 2024 года — 3
Виктория СЕМИБРАТСКАЯ. Осколки войны — 1-2
Сергей СИДОРЕНКО. О преодолении распада — 10
Наталья СИДОРИНА. Свет Истины заманил меня к своему очагу... — 11-12
Андрей СОШЕНКО. «Мигранты в законе» — 1-2
Андрей СОШЕНКО. Давно назревшие вопросы — 7-8
Валерий ТУЛИН. Полководцы Великой войны — 5-6
Влад ШЛЕПЧЕНКО. «Нужно было начинать раньше» — 3
Кирилл ЧАСОВСКИХ. Химера украинства — 4

ПРОЗА

- Анатолий АВРУТИН. Салтычиха. Рассказ — 3
Эвелина АЗАЕВА. Похитители спокойствия. Рассказ — 10
Виолетта БАША. Медаль Александра III. Рассказ — 4
Сергей БОГАЧЁВ. Два рассказа — 4
Виктор БОЧЕНКОВ. «Не больничным от вас ухожу коридором...»
Рассказ — 7-8
Юрий ВИСЬКИН. Плюс-минус надежда. Повесть — 4
Юрий ВИСЬКИН. Шеф. Рассказ — 9
Дмитрий ВОРОНИН. Жил-был художник один. Рассказ — 1-2
Татьяна ГРИБАНОВА. Татьянин день. Рассказ — 7-8
Иван ГРИШАНОВ. Я взрослею на войне. Воспоминания ветерана — 10, 11-12
Владимир ГУРЬЯНОВ. Суровый удел. Повесть — 1-2

Владимир ГУРЬЯНОВ. Рассказы — 5-6
 Николай ДОРОШЕНКО. Червь. Рассказ — 7-8
 Виктория ЕВСЕЕВА. Короткие рассказы — 3
 Камиль ЗИГАНШИН. Пышка. Отрывок из повести — 7-8
 Татьяна КИБАРДИНА. Два сапога — пара. Рассказ-быль — 5-6
 Владимир КРУПИН. О, Русская земля! Рассказ — 11-12
 Александр ЛОМТЕВ. Короткие рассказы — 5-6
 Андрей МАРКИЯНОВ. Предначертание. Рассказ — 4
 Андрей МАРКИЯНОВ. Шутка. Рассказ — 9
 Валерий МАРТЫНОВ. Попутчики. Рассказ — 9
 Анна ПАНОВА. Старухи-сеструхи. Рассказ — 1-2
 Владимир ПРОНСКИЙ. Дыхание Донбасса. Главы романа — 3
 Владимир ПРОНСКИЙ. Ангелы Суджи. Глава из романа — 5-6
 Андрей ПУЧКОВ. Последний полёт Феникса. Рассказ — 4
 Андрей ПУЧКОВ. Красная незабудка. Рассказ — 9
 Сергей ПЫЛЁВ. Карагана Донецкая. Рассказ — 5-6
 Михаил СМЕРНОВ. Два рассказа — 1-2
 Михаил СМЕРНОВ. Последняя осень. Рассказ — 5-6
 Михаил СМЕРНОВ. Долгая ночь. Рассказ — 11-12
 Валерий ФАТЕЕВ. Водозабор. Повесть — 10

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН. Вот так и живём... Стихи — 5-6
 Николай АЛЕШКОВ. Оглянусь на родительский дом. Стихи — 1-2
 Владимир АРХИПОВ. Братская высота. Стихи — 5-6
 Алесь БАДАК. От печали до муки. Стихи — 3
 Юрий БЕРИДЗЕ. Двухязычие души. Стихи — 3
 Наталья ВЕДЮШЕНКО. Бездомный ангел. Стихи — 7-8
 Нина ВОЛЧЕНКОВА. Под солнцем спелым. Стихи — 4
 Татьяна ГРИБАНОВА. ...И за тебя молюсь. Стихи — 4
 Андрей ГРУНТОВСКИЙ. По белому — синим. Стихи — 9
 Екатерина ГРУШИХИНА. Над лепестками вечного огня. Стихи — 10
 Алексей ГУШАН. То было в июле... Стихи — 7-8
 Анатолий ДРОЖЖИН. России родной окоём... Стихи — 1-2
 Ирина ЗАХАРОВА. И свеча, и заря, и зарница... Стихи — 9
 Анатолий ЗЕЛЕНЦОВ. Не сойду с твоей орбиты. Стихи — 7-8
 Геннадий КАРПУНИН. Вишня в цвету. Стихи — 11-12
 Виктор КАРПУШИН. Снега и земля за холмом. Стихи — 9
 Вера КЛИМКОВИЧ. Чтоб утихли раны твои. Стихи — 10
 Дмитрий КОВАЛЁВ. Я тишину люблю. Стихи — 5-6
 Ольга КОЗЛОВЦЕВА. Лицом к лицу. Стихи — 5-6
 Георгий КОЛЬЦОВ. В избе родимой. Стихи — 4
 Анна КОНДРАШОВА. Безымянная тишина. Стихи — 9
 Ольга КОРЗОВА. Я косила осиновый лес. Стихи — 10
 Сергей КРИВОНОС. Звёздная вода. Стихи — 7-8
 Светлана КУЗЬМИНА. За неба синеву. Стихи — 11-12
 Александр ЛИСНЯК. За всё долготерпенье... Стихи — 4
 Светлана МАКАШОВА. Я веком позже рождена! Стихи — 1-2
 Татьяна МАКСИМЕНКО. Соппротивление воды. Стихи — 10
 Дмитрий МЕЛЬНИКОВ. Живи, солдат... Стихи — 3

Надежда МИРОШНИЧЕНКО. Русское зерно. Стихи — 11-12
Александр НЕСТРУГИН. «Жизнь случилась!». Стихи — 3
Сергей ПАНФЁРОВ. Всевидящий свет. Стихи — 1-2
Николай ПИДЛАСКО. Молчанье тишины. Стихи — 11-12
Алексей ПОЛУБОТА. Сумрачные тени. Стихи — 3
Андрей ПОПОВ. Прижимается память к земле. Стихи — 10
Александр ПОТАПОВ. Есенинское эхо. Стихи — 10
Нина ПОПОВА. Над израненной плотью земли. Стихи — 5-6
Леонид САФРОНОВ. Господня Риза. Стихи — 11-12
Фёдор СУХОВ. Нас везли на войну... Стихи — 5-6
Стихи поэтов России — 9
Валерий ХАТЮШИН. Доля земная. Стихи — 4
Валерий ХАТЮШИН. Огненный меч. Стихи — 11-12
Иван ЩЕЛОКОВ. Поющая память. Стихи — 7-8

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Евгений ВЕРТЛИБ. Иван Грозный — геополитик и стратег — 10
Валерий ГАБРУСЕНКО. «Незнаменитая» война — 3
Валерий ГАБРУСЕНКО. «Дружба народа»: Россия и Кавказ — 4
Валерий ГАБРУСЕНКО. Россия и Япония — 9
Евгений ЕВТУШЕНКО. Сталин и антисистемы — 10
Ростислав ИЩЕНКО. Секретное оружие Украины — 1-2
Валентин КАТАСОНОВ. Упредить и разоружить врага — 1-2

УРОКИ ИСТОРИИ

Андрей АНТОНОВ. Ленд-лиз для Гитлера — 10
Игорь БОЙКОВ. Апрель роковой... — 7-8
Сергей ВЕСТНИК. Палач перед смертью — 9
Валерий ГАБРУСЕНКО. Красный Крым — 10
Валерий ГАБРУСЕНКО. Сталин. Борьба за власть — 11-12
Борис ДВЕРНИЦКИЙ. Русофобы XX века — 9
Евгений ЕВТУШЕНКО. Историческая задача Сталина — 11-12
Андрей КОСТЕРИН. Освобождение Европы. Опять... — 5-6
Михаил КУЛЕШОВ. Русский смысл Великой Победы — 5-6
Филипп ЛЕБЕДЬ. Вечный пораженец — 9

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Валерий ГАБРУСЕНКО. Граф Михаил Семенович Воронцов — 1-2
Валерий ГАБРУСЕНКО. Покоритель Кавказа — 7-8
Юрий КЛИМАКОВ. Первый памятник Лермонтову — 7-8
Евгений ПОСЕЛЯНИН. Константин Николаевич Леонтьев — 1-2

РУССКИЙ МИР

Владимир АНИЩЕНКОВ. Хохлобредни — 1-2
Богдан БЕЗПАЛЬКО. Русская идея как фактор освобождения от украинства — 7-8

Вадим ЕГОРОВ. О деукраинизации Малороссии — 7-8
Роман ИЛЮЩЕНКО. Донбасс своими глазами — 4
Валерий КИРИЛЛОВ. На прицеле — будущее России — 1-2
Олег ПЛАТОНОВ. Великая миссия Русского мира — 5-6
Андрей СОШЕНКО. На пороховой бочке — 10

РУССКИЙ ВОПРОС

Игорь БОЙКОВ. Право на существование — 4
Михаил МАТВЕЕВ. Бомба под российскую государственность — 3
Олег КАССИН. Время взлететь русскому соколу — 9
Михаил КУЛЕШОВ. Корень зла — 10
Михаил КУЛЕШОВ. Украденная Победа — 11-12
Филипп ЛЕБЕДЬ. Не Орда, а Третий Рим — 5-6
Геннадий ЛУКИНЫХ. Русский вопрос — главный — 9
Андрей СОШЕНКО. Стратегия вымирания — 5-6

СИМВОЛ ВЕРЫ

Валентин КАТАСОНОВ. Номинальное христианство Европы — 1-2
Олег ПЛАТОНОВ. Великая миссия Русского мира — 4

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Виктория ЕВСЕЕВА. «Зачем вы это сделали?...». Живые рассказы — 7-8

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Владимир БОЛЬШАКОВ. Ждуны — 5-6
Валентин КАТАСОНОВ. Маск начал «исправляться» — 5-6
Игорь РОМАНОВ. Сатанизм гуляет по стране — 9
Андрей СОШЕНКО. Как с гуся вода — 10

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Вячеслав БОГДАНОВ. Горите, вечные огни!.. Стихи — 9
Дмитрий КЕДРИН. Красота. Стихи — 11-12
Юрий ПЕТРУНИН. Жизнь и трагедия великого поэта — 11-12

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. Безбожные школы России — 3

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Максим ВОРОБЬЁВ. Будет ли антихрист гением? — 4
Павел ДМИТРИЕВ. Трамп: смена курса как прикрытие — 4
Валентин КАТАСОНОВ. Главный сионист Америки — 1-2
Валентин КАТАСОНОВ. Третий рейх и Израиль — 3

Валентин КАТАСОНОВ. Царь иудейский? — 4
Валентин КАТАСОНОВ. «Избранные» всемирной империи — 5-6
Мария МОНОМЕНОВА. «Орешник» и Левиафан — 3
Владислава РОМАНОВА. Третий путь для еврейства — 9
Араик САРГСЯН. Евреи вокруг Трампа — 1-2
Андрей СОШЕНКО. Единый процесс — 5-6

ДОСЬЕ «МГ»

Валентин КАТАСОНОВ. Подчинившие себе человечество — 7-8
Валентин КАТАСОНОВ. Общак «глубинного государства» — 11-12
Андрей СОШЕНКО. Отпущенные с награбленным — 11-12

ПОДВИЖНИКИ

Сергей МОСИН, Тина ЛУКЬЯНОВА. Спасём село — укрепим Россию — 1-2

ПАМЯТЬ

Лина МКРТЧЯН. Воинство земное и небесное — 7-8
Лина МКРТЧЯН. «О Родина, счастливый и неисходный час!» — 10
Владимир ХОМЯКОВ. Песнь из грядущего — 10

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Владимир АНИЩЕНКОВ. Без руля? Без ветрил? Без идеи? — 1-2
Юлия БАНИШЕВСКАЯ. Жить вместо нас — 3
Николай БОНДАРЕНКО. Вот такие «наши» кадры — 4
Николай БОНДАРЕНКО. Как подбирают кадры? -10
Владимир ВАСИЛИК. Благодетель мигрантов — 1-2
Владимир ВАСИЛИК. Звенья одной цепи — 9
Евгений ВЕРТЛИБ. Ядерная скрепа — 9
Евгений ВЕРТЛИБ. Народ или «пизанцы»? -10
Максим ВОРОБЬЁВ. Всемирная палата №6 — 7-8
Игорь ГРЕВЦЕВ. Одесса будет русской — 7-8
Андрей ГРУНТОВСКИЙ. О духовной мобилизации — 11-12
Мария ДЕГТЯРЁВА. Сатанистам неймётся -10
Павел ДМИТРИЕВ. Газпром и СВО — 3
Игорь ДРУЗЬ. «Свобода, равенство, братство» — 7-8
Ростислав ИЩЕНКО. Что делать с Украиной? — 4
Ростислав ИЩЕНКО. Итоги переговоров известны заранее — 5-6
Олег КАССИН. Чиновники-иноагенты? — 1-2
Михаил КОВАЛЁВ. Мыльные пузыри «креативных индустрий» — 11-12
Валентин ЛЕБЕДЕВ. Под прикрытием переговоров — 7-8
Мехмед МУСЛИМОВ. В традициях махровой русофобии — 5-6
Игорь РОМАНОВ. Новый Трамп и новая эпоха — 4
Игорь РОМАНОВ. Приближение антихриста — 9
Александр СЕВАСТЬЯНОВ. К чему ведёт перемирие? — 5-6

Андрей СОКОЛОВ. Загадка Ельцин Центра — 5-6
Андрей СОШЕНКО. Две стороны одной медали — 1-2
Андрей СОШЕНКО. «Всё идёт по плану...» — 3
Андрей СОШЕНКО. Большие иллюзии — 9
Андрей СОШЕНКО. О чём предупреждали — свершилось — 11-12
Александр ТИХОНОВ. Пропустим ли удар в спину? — 5-6
Валерий ШАМБАРОВ. Извращения «политкорректности» — 5-6
Андрей ФЕФЕЛОВ. Перестройка: что это было? — 9
Дмитрий ШИШКИН. Обычное дело — 11-12

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания — 1-2, 3, 4, 5-6, 7-8, 9, 10, 11-12
Юрий ПАВЛОВ. «Стремя» Солженицына — 7-8

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Людмила ВОРОБЬЁВА. Последний этого века. Народное слово в поэзии Владимира Кострова — 7-8
Вячеслав ЛЮТЫЙ. Медленные птицы. Бытийный круг в поэзии Николая Алешкова — 5-6
Руслан СЕМЯШКИН. Без него бы Россия не обошлась — 1-2
Руслан СЕМЯШКИН. Во имя преображения России. К 150-летию со дня рождения Сергея Сергеева-Ценского — 9

ИСКУССТВО

Лина МКРТЧЯН. Между небом и землёй. Песня о Полине Агуреевой — 4
Руслан СЕМЯШКИН. На певческом Олимпе — 3
Руслан СЕМЯШКИН. Иван Козловский. К 125-летию со дня рождения — 5-6
Руслан СЕМЯШКИН. Всегда звучать свиридовским колоколам — 11-12

КРУГ ЧТЕНИЯ

Алина КОСТЮК-СВЕТЛИЦКАЯ. Стихотворная энергия преобразования мира — 9
Николай ПЕРЕЯСЛОВ. «Из Донецка с любовью!» — 1-2
Сергей ПАНФЁРОВ. Обжигающее дыхание. О романе Владимира Пронского «Дыхание Донбасса» — 3
Лидия СЫЧЁВА. Люди песочного времени — 1-2
Владимир СПЕКТОР. Ангелы Суджи — 9

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Олег ХРАМОВ. «О чём думалось и что волновало...» — 1-2

